

НЕ ДЕЛАЙТЕСЬ РАБАМИ ЧЕЛОВЕКОВ

2017 год

1 января

Слякотно, серо, грязно на улице. Идёт мелкий дождь. На дорогах и тротуарах лужи. Ближе к вечеру народ очухался после праздничной ночи и продолжил гуляние. Вновь захрохотали салюты по округе. И так это не соответствовало окружающей обстановке, что мне подумалось — фейерверками обыватели хотят сами себе создать праздник, убедить себя в нём.

Стали известны итоги прошедшей ночи в Европе.

В Стамбуле в ночном клубе около Босфора один налётчик из автомата убил 39 человек и ранил около 70-и. Сам скрылся.

Во Франции сожжено 650 автомобилей.

В Дании умер старший в роду Романовых — князь Дмитрий Романович Романов (на девяносто первом году жизни). Он был праправнуком по прямой линии императора Николая I. В последнее время запомнился своей поездкой в Крым, где сказал, что полуостров всегда принадлежал России и это русская земля.

2 января

Ещё летом прошлого года начал почитать стихи Ольги Фокиной из её сборника «Колесница» — большой книги, вышедшей в Москве, в «Современнике» в 1983 году. В праздничные дни прочитал этот томик в твёрдом переплёте «от корки до корки». (Библиотечка поэзии «Россия»). Автор — Лауреат Государственной премии РСФСР.

Я помню стихи Ольги Александровны с времён своей литературной молодости. Вологжанка, она была близка «деревенщикам», входила в их «обойму», упоминалась как представительница именно «почвеннической литературы». Читал я произведения Фокиной от раза к разу, и какого-то цельного представления о творчестве поэта у меня тогда не сложилось. Начиная с времён перестройки, она и вовсе исчезла с литературного поля.

В прошлом году я спас эту книжку (новенькую, в коленкоровом зелёном переплёте с тиснением, по которому золотом имя автора и назва-

* Продолжение. Начало в №№ 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55.

ние, с дорогой толстой бумагой внутри, цветными иллюстрациями) из уличного мусорного бака. При мне её туда выбросили с большой стопкой иных книг — собранием сочинений Тургенева, книгами русских классиков (все новенькие, не читанные).

Я много размышлял о феномене деревенщиков в нашей литературе 60 — 80-х годов прошлого века. Что это было — добро, благо или... В этом направлении трудились замечательные писатели, их творческие, художественные достижения бесспорны. А общественные, социальные, политические, наконец? Что эта литература дала русскому народу, какие чувства посеяла, взрастила в его соборной душе, бесконечно рассказывая о национальном унижении, страданиях, голоде, нищете, повальном пьянстве? Ведь вот и у Фокиной — ни одного светлого лучика, ни одной радостинки в целой книге.

Я спрашиваю себя — хочу я жить в такой стране, среди такого народа, какими мне их показывали «деревенщички»? Нет! Они своей литературой (правдивой, но это всегда была одна из сторон правды) взрастили миллионы тех, кто не захотел жить в описанной ими России. Эти миллионы оказались в рядах тех разрушителей СССР, которые повторяли — так жить нельзя, нужно жить как на Западе (по-настоящему не зная заграничной жизни), и при голосовании поддерживали так называемых «демократов», которые оказались хуже фашистов (если судить по результатам их правления). И, несмотря на явные социальные достижения в стране — никого из державников, почвенников. Быстро ли опомнились от перестроечного угара? Быстро, да поздно. Захотелось назад, да близко локоть, а не укусишь.

Деревенщички оплакивали уходящее в прошлое (русскую деревню, утерянные традиции быта и трудолюбия), западники звали в весёлое и сытое будущее. Давали ли деревенщички хоть какую-то надежду на будущее? По моим ощущениям — никакой! В итоге невольно завели читателей и в литературный, и в общественный тупик, из которого так и не было найдено выхода. Потому одновременно исчезли и страна, и «деревенская литература». Остался лишь один обманутый и неприкаемый народ. И этот феномен отечественной социологии совместно с филологией ещё предстоит осмыслить.

3 января

Посмотрел в компьютере фильм (несколько серий — диск дал Михаил Рубцов) «Таинственная страсть», снятый по мотивам романа Василия Аксёнова. Прототипы героев — наши шестидесятники (как оказывается, изобретатель этого термина, так следует из фильма, автор романа): Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Зоя Богуславская, Белла Ахмадулина, Иосиф Бродский и прочие.

Искренний фильм о «малом народе» по Игорю Шафаревичу. Нет смысла мне разъяснять здесь этот термин, когда любой желающий может прочитать книгу академика «Русофобия», а также прослушать его лекции на эту тему в интернете.

Точный диагноз даёт этот фильм — по психологии, по деталям быта, по морали, по эгоизму, по отношению к власти и стране. Кто захочет иллюстративно (а не в теории) увидеть «малый народ» — нужно посмотреть эту работу режиссёра-постановщика Влада Фурмана (сценарий Елены Райской и Василия Аксёнова, продюсер Константин Эрнст — а мы удивляемся, почему на первом канале нашего телевидения, которым руководит Эрнст, столько всего антирусского и антигосударственного).

4 января

Повезли Сашку на Новогоднюю ёлку в Литературный музей. Всё это устроила для него директор Агафонова Елена Геннадиевна — добрейшей души человек.

Такое представление, это, пожалуй, первый подобный опыт музея. Постановщик — заслуженный артист РФ А.В. Мюрисеп. Я обещал Александру Васильевичу посмотреть его работу, и потому тоже пришёл. Мои уже были наверху, в Белом зале. Поднимаясь по лестнице, слышал восторженные взвизгивания Сашки (говорить-то ещё не умеет). Заглянул — он расхаживает среди гостей и выражает своё отношение к происходящему. Самый маленький, но мужчинка — в белой рубашечке с чёрной бабочкой, во фрачных чёрных брюках. Таким залюбуешься.

Но главное событие — «Сказка о царе Салтане» в дубовом зале. Я рассчитывал заглянуть минут на пять, да так и остался до самого конца. Оформление (ширма), костюмы художника Бориса Шлямина. Всё выполнено по мотивам рисунков Ивана Яковлевича Билибина. В спектакле заняты Валерий Никитин, Юрий Котов, Елена Туркова, М.И. Баголей. Играют с удовольствием, заразительно — и такое впечатление, будто толпа актёров, а не четверо на маленькой сцене и около неё.

Замечательное представление. Его бы показать как можно большему количеству детишек. Пусть впитывают родную русскую классику через такие добрые и красивые представления. Актёры нашего театра драмы (всё народные да заслуженные), а на время спектакля будто сами в детей превратились. Оттого-то всему и верится.

5 января

Три года, как не стало Володи Цветкова. Пришёл Миша Рубцов, Евгений Галкин, А.М. Коломиец. Помянули, выпив по рюмке калиновой настойки, приготовленной Алексеем Марковичем. Последняя книга Георгиевича «Вера в Бога у меня от мамы» стояла на столе открытая на фотографии автора. И грустно, задумчиво смотрел с этой фотографии на нас Волода.

Но довольно быстро в наших разговорах мы отдалились от воспоминаний о Цветкове — три года, как оказалось, срок не маленький, боль от утраты улеглась. Рубцов, по поводу какого-то высказывания Коломийца, опять затянул волюнку о безбожии власти в СССР, о том, что народ был лишён веры... Я не вытерпел, вступил в спор, потому что в подобных утверждениях кроется глубинная ложь.

Вера в Бога в русской соборной душе (раз уж Господь дал это чудо нашему народу) жила всегда. В советское время были утеряны некоторые внешние её атрибуты (закрыты церкви, замалчивание духовных праздников...), но глубинность (понятие греха, совести, справедливости) сохранялась и передавалась на каком-то генетическом, мистическом уровне из поколения в поколение. Не будь этого, то откуда бы взялось и наше нынешнее внешнее возрождение Церкви. Всё это стало возможно только лишь за счёт того сокрытого жара веры, что все эти десятилетия согревал русский народ, оберегал его.

Кстати, именно этого «жара» и опасается обруселенная Европа. Поэтому Европарламент назвал среди угроз для существования «единой Европы» — существование Русской Православной Церкви. Потому что многие совестливые люди в Евросоюзе именно в России чувствуют духовную поддержку в борьбе со всеми теми мерзостями, что ныне в виде законов навязываются им.

Кстати, и пришедшие к власти большевики в первые годы своего владычества попытались нечто подобное (сексуальную распущенность, отрицание существования греха) навязать русскому народу, который все эти мерзости не принял, отринул. Потому что вера в Бога не отменяется указами, взрывами церквей, расстрелом монахов и священников. Она глубже внешних проявлений её отрицания. Потому что она от Бога. Для тех же, кто доказывал, будто в СССР не было истинной веры, — для того КПСС сильнее и могущественнее Бога. А значит, он и сам не верующий.

Бесконечное, по любому поводу произношение Рубцовым цитат «из святых отцов» — это чистой воды фарисейство, лишённое живой и осмысленной веры.

8 января

Таня, Эмиль, Сашка — улетели к себе в Норвегию. Провожать в аэропорт не поехал — простился у подъезда. Морозище за тридцать (и уже не первый день), солнце. Вернулся в квартиру, и так в ней стало пусто, одиноко — аж горло перехватило. Без Сашки всё превратилось в безжизненную тишину. И даже солнце, так щедро светившее в окна с замороженного неба (а это не частый подарок в последние годы) не изменило настроения.

Лёг на диван в комнате, в которой все эти дни жили Таня с Эмилем, и заснул.

11 января

Читаю «Дневник» Юрия Нагибина. Каким же мелким, жалким, трусливым был его автор (начиная с войны, во время которой писатель подвизался в некоем подразделении-редакции, изготавливавшем агитационные листовки для немецких солдат — и далее на всю жизнь). Но как всё это ничтожное оказалось спрятано, не всплыло на поверхность в его книгах: не помню, чтобы это внутреннее состояние автора, его сущность (нравственная, духовная) вышла наружу. Книг Нагибина я прочитал много, он был автором плодовитым, известным, журналами востребованный... да и талантливый — чего уж тут говорить. Так вот — не помню, чтобы это сокровенное появилось «на бумаге». Только в последней книге, в «Дневнике», текст которого он сдал в издательство за четыре дня до своей смерти, Юрий Маркович тот, каким, по всей видимости, и был в жизни.

И вот в этой книге (я прочитал записи с 1942 по 1963 г.) автор ни об одном человеке (почти) не сказал ни одного доброго слова. Как же тяжело было с таким взглядом на окружающих, на знакомых, родных, близких (друзей у него нет) — жить.

Посмотрим, что будет дальше. Но я не думаю, что взгляды писателя, его ощущения, переживания принципиально изменятся.

Временами Нагибин уходит в описание природы (мол, вот где всё настоящее — красиво, покойно, естественно), но мне почему-то кажется, что здесь он наиболее фальшив. Тут сплошное «писательство», а не откровенный разговор с самим собой. Когда же автор говорит именно с собой — то откровение его беспощадно до мазохизма. И уж тут понимаешь — всё без фальши. Тут глубины души поднимают такую мусть, что становится непонятно — как удалось Ю.М. выжить. Может, при дальнейшем чтении я и найду ответ на этот вопрос.

14 января

Я что-то подобное уже ранее записывал, но не могу пропустить, чтобы не отметить ещё раз услышанное в одной из передач (беседа) по телевидению в Германии (смотрел в интернете):

Население США от общемирового составляет 4%. При этом 25% заключённых (от общемирового их числа) сидит в тюрьмах США. Осуждённых в США больше, чем в полуторамиллиардном Китае! 30% населения США имеют судимости! «Эти цифры для Сталина, — сказал отвечающий на вопросы ведущего эксперт, — были недостижимы!» Я как понимаю, генералиссимус на Западе — это мерило абсолютного зла.

Мне же хочется сюда добавить ещё один вопрос — а сколько в год полицейские США убивают (расстреливают) людей на улицах городов? Нашёл в Интернете: 2014 г. — 1100 человек; 2015 г. (до 15 июля) — 605 человек. Это, как я понимаю, некие официальные данные. А сколько ещё сокрыто, искалечено, ранено (и после этого ушло из жизни) — тут и счёта нет. Вот к какой демократии нас в 90-х годах прошлого века решили повести.

16 января Бор

У канатной дороги через Волгу пришлось немного постоять, — перебрыв. Подняли с Ириной воротники — пронизывающий ветер нёс мелкий снег. Пока пятнадцать минут ехали в холодном вагончике на Борскую сторону, разглядывал безжизненное пространство реки, уходящее в мутное серо-белое марево, словно в надвигающийся туман. Пойменная сторона скована холодом — тёмные стрелы ивовых кустов, оголённые стволы деревьев. Без солнца всё это уныло, безрадостно. И только редкие сосны оживляют пейзаж.

Из вагончика вышел и тут же почувствовал, что ноги замёрзли. Потому к местному краеведческому музею пошли поэнергичнее, чтобы согреться.

Знакомое помещение произвело довольно унылое впечатление. С того времени, когда мы здесь были в последний раз, оно ещё больше обветшало: лак с паркета вытерт, стены и потолок давно потеряли праздничный вид. Но желающих поздравить «доброго пастыря» отца Евгения Юшкова пришли многие. Стульев на всех не хватило. Люди стояли у открытых в зал дверей. Юшкова просто завалили цветами. А он всё оправдывался, чтобы кто не подумал, что это торжество, выставку картин и его книг организовал он сам. Нет, это всё любящие его прихожане да духовные чада устроили.

Чем-то особенным от прочих это торжество не отличалось. Хотя для своих восьмидесяти лет (сегодня исполнилось) отец Евгений бодр, энергичен, деятелен.

Я в своём слове говорил о его талантности и в творчестве, и в пастырстве. «Каждому человеку Господь даёт таланты, только большинство из нас эти особые способности в себе «забывает» в погоне за всяким житейским благом, в борьбе с «трудными семейными обстоятельствами» и прочим. Отец Евгений на своём жизненном пути многие таланты смог не только сохранить, но и развить. Доказательство тому — единогласный его приём в члены Союза писателей России в Москве на комиссии...»

После, опять же стараниями благодетелей, был организован обильный ужин в кафе «Ладья» с пением песен, тостами, высказыванием любви батюшке... Уж тут я в своём слове упомянул журнал «Вертикаль. XXI век», поблагодарил тех, кто через батюшку нас поддерживает, стал нашим единомышленником.

Оба раза хорошо говорил Михаил Рубцов — коротко и ясно. Вместе мы возвращались в Нижний Новгород на автобусе. Снег запорошил дороги, забелил их. Подморозило так, что я начал замерзать, но в автобусе отогрелся. Как же хорошо после таких поездок вместе возвращаться домой, пить чай, вспоминая прошедший день...

А завтра вновь столько хлопот!..

18 января

Вместе с Ириной и А.В. Мюрисепом посмотрели интереснейший, необычный спектакль «На дне» (М. Горького) в постановке режиссёра Валерия Саркисова. В происходящем на сцене нашего театра драмы действия оригинально всё — сценическое и музыкальное оформление (тоже Саркисов), само прочтение классической пьесы. Действие захватывающе энергично, при этом максимально (внешне) осовременено. Костюмы, напротив, нейтральны — босяки во все времена босяки.

Замечателен Блохин в роли Сатина. Юрий Котов — Артист. И вообще весь актёрский состав играет на одной ноте. Тут даже Анатолий Фирсов (Лука) к моему удивлению вписался в общее действие. Хотя — ну какой он Лука? Так — произнёс текст, и этого оказалось достаточно для общего нерва спектакля.

Оформление: это что-то наподобие метро, подвала, где сходятся большие металлические трубы (в них и живут ночлежники). В самой большой трубе рельсы, по которым ходит платформа (она участвует в действии,

и это хорошо обыгрывается). Музыка современная (Дюка Эллингтона), точно попадает в психологический рисунок постановки.

Сергей Блохин — монолог Сатина о человеке — тихо, плача (даже рыдая), для себя. Разговор со своей душой, своей совестью.

Юрий Котов — Артист — перед повешением (самоубийством) пытается выпить водки, но она «в горло не лезет», проливается. Горло уже сдавлено ещё не существующей петлёй... Потому что решение принято, оно уже «живёт» в человеке, и плоть на это откликается.

Вышел из театра восторженно-ошарашенный. Уж и не помню, когда такие чувства испытывал!

23 января

Все прошедшие дни работал много, лихорадочно, подолгу. Нервничал (даже покрикивал), подгонял других. Готовил отчёты, свои документы, завершили с книгой (второй) Миши Рубцова, запустил в работу в типографии «Радонеж» книгу отца Евгения, сверстали «Вертикаль — 50» (к этой работе материалы я вычитал и отредактировал ещё до Нового года) — и удачно с первого раза, доработки будут небольшие. Отредактировал большие свои тексты. Повесть (опять выручила Татьяна Антипова — в течение недели в компьютере набрала текст с 90 машинописных страниц) отослал в «Новую Немигу литературную». Анатолий Аврутин уже сообщил, что будет печатать с продолжением — для одного номера текст великоват...

И вот после всей этой лихорадки пришло неожиданное успокоение. Сегодня вновь целый день работал у себя в кабинете — но как-то спокойно, умиротворённо было на душе. Не раздражали необязательные телефонные звонки и случайные посетители. И ни усталости, ни взвинченности нервов. Будто свыше пришло какое-то разъяснение, что всему своё время и свой срок.

Завтра обещают снегопад.

24 января

С улицы Бориса Панина до Союза писателей на Рождественскую пошёл пешком с тяжёлым портфелем в руке (привозил сканировать обложки книг Юрия Бондарева и Бориса Лукина для статей в «Столицу Нижний»). Дороги, тротуары — сплошное месиво после ночного снегопада и начавшейся оттепели. Весь город, включая центральные улицы, в снежной каше, которую никто не убирает. Пешеходы сами натаптывают болотистые тропинки, по которым и пробираются навстречу друг другу.

Но я шёл без внутреннего напряжения, спокойно, рассчитывая у себя отдохнуть после прогулки, поработать. И только у двери Союза писателей обнаружил, что ключи оставил в кармане дублёнки. И опять же (даже самому странно) не очень по этому поводу расстроился, хоть и ругнул себя недобрый словом за рассеянность, несобранность. Пошёл на остановку к Речному вокзалу, доехал до дома.

Зато в этот день почти дочитал «Дневник» Юрия Нагибина — закончил 1982 год. Как по восприятию Юрия Марковича пошёл, гадок, отвратителен, глуп, похабен, мерзок, извращён мир людей (не взирая на страны и национальности — хотя русским от него достаётся больше всего). Не дай Бог мне уйти из жизни с таким ощущением, пониманием, оценкой тех, кто повстречался мне «на жизненном пути». Да нет, меня жизнь одарила людьми замечательными (за доброту и участие которым я глубочайше благодарен), хотя, безусловно, встречались и негодяи, подонки — ну да как без них. В целом же, выходит, что я везучее Нагибина.

Но странно (это я возвращаюсь к чтению) — книга тянула к себе. Всё-таки порок притягателен, умеет заманить и удерживать. Чтобы из него вырваться на чистое пространство, нужно усилие над своей слабостью (чтение паскудства о других) — и не малое.

И всё-таки — через всю жизнь пронести чувство брезгливо-ненавистное к «безнадёжно испорченному народу» (этими словами заканчивает-

ся книга) — для меня это какой-то непостижимый феномен. В первую очередь духовный, нравственный. И с таким отношением к людям наши «демократы» в перестройку хотели «реформировать» страну? Удивительно ли, что их совесть не была обеспокоена сначала ограблением, а потом вымиранием этого никчемного испорченного народа.

28 января

Третий день морозы. Оттого есть возможность наслаждаться зимним солнцем — так редко в последние годы появляющимся из серой, мокрой хмари над нашими головами, что зовётся небом.

Отнёс книгу Юрия Нагибина в библиотеку и через мост пошёл к себе в Союз писателей. Ока с Волгой белым-белы какой-то первозданной чистотой. Ровно, едва заметными волнами лежит нетронутый снег. Душа ликует, глядя на эту белизну. На обратном пути разочарование — снег на основном русле потревожен: по фарватеру проехал снегоход, оставив долгий, бесконечный след. Рыбаки натоптали тропинок (глядеть сверху — грязный хаос). И так мне стало жалко своего утреннего чувства! На что ни посмотришь — всё наталкивает на ассоциации с нашей собственной жизнью.

29 января

Похороны Л.А. Половинкиной.

Прожив без супруга четыре года, она многое сделала для увековечивания памяти о нём. Появилась мемориальная доска на доме, где они жили. Именем Половинкина назван Дом культуры в родном для него селе в Вачском районе. Издана брошюра с воспоминаниями о Владими́ре Васильевиче, проведено несколько творческих вечеров в память поэта (два из них записаны на диск). По просьбе Людмилы Алексеевны я тоже написал воспоминания для брошюры, которые затем опубликовал ещё в нескольких изданиях.

Не скажу, что вдова играла главенствующую роль во всех действиях, связанных с памятью поэта, но и не сторонилась их. Во всяком случае, довольно часто мне звонила с разными предложениями. Но вот и её путь (долгий) подошёл к концу. Проводить в последний путь в основном пришли ветераны из районной организации (большинство — женщины). Мне любопытно было за ними наблюдать. Смешливые, говорливые — а ведь сами все преклонного возраста. И чего в этой весёлости больше — равнодушия или радости, что их век ещё длится — не понять.

А Людмила Алексеевна ушла к Владимиру Васильевичу с иконками в гробу. Парень из похоронной команды, после выноса гроба из подъезда, как у сломанной куклы, поправил ей голову на подушке, держа её двумя руками. Укладывал, как нечто отдельное от тела — смотреть на это было жутковато. Здесь уже господствовал другой, иной мир — мир мёртвых.

Вечером посмотрел фильм по ОРТ (Общественное Российское телевидение) 2009 года о композиторе Валерии Александровиче Гаврилине. Вспоминали автора удивительной музыки дирижёр Владимир Федосеев, хормейстер Владимир Миних, вдова Наталия Гаврилина и многие другие. Говорили хорошие, умные слова: «Чтобы воспитать композитора, его нужно поместить в музыкальную среду (имеется в виду русские народные песни)». «Гаврилин захватил природное понимание глубин души русской». «Музыка добывается, фиксируется из воздуха». «Всю музыку, которую сочинил (Гаврилин), он держал в голове. Ту, которую записывал — забывал». «Музыка может передавать различные чувства..., может научить и нехорошему».

Хорошо говорил сам Гаврилин (съёмки разных лет — 1980 — 90-тые): «Музыка — это способ передачи чувств от одного человека к другому». «Музыка — это живое существо». «Музыка так должна подействовать на человека, чтобы он услышал свою душу».

Может быть, и я сам по-новому стал слышать, чувствовать музыку, потому что душа приблизилась к краю, стала более обнажённой, ранимой?

30 января

В Доме актёра говорили о книге А.В. Мюрисепа «Степень свободы». Вели вечер я и Александр Васильевич, который читал стихи Бориса Пастернака и Юрия Андрианова. Выступали: Татьяна Васильевна Цыганоква (как она всё-таки умно, ясно, свободно говорит), Валерия Юрьевна Белоногова (автор предисловия к книге), Николай Владимирович Морохин (доктор филологических наук, краевед), Владимир Яковлевич Осьминин (режиссёр, друг молодости — тут хороший рассказ о выпивках, чтении стихов у памятника Чкалову, когда милиция их чуть не забрала в отделение за нарушение общественного порядка, но находчивость Александра Васильевича всех спасла...). Из журналистов слово попросил Цирульников. Два дня назад Александр Маркович с Мюрисепом были на его передаче «Непридуманные истории» по ННТВ. Тут он вспоминал о встречах с тремя Мюрисепами — руководителем Эстонской ССР (дядя), главным технологом авиационного завода, Героем Социалистического Труда (отец), заслуженным артистом РФ (сам Александр Васильевич).

Валентина Романовна Ерёмкина добрыми словами помянула 46-й выпуск «Вертикали. XXI век», посвящённый Табачникову. В.В. Никитин вспоминал совместные с Мюрисепом работы в театре и особенно на новогодних ёлках.

Получилась тёплая встреча людей, давно друг друга знающих, в большинстве своём по-доброму друг к другу относящихся. Круг этих людей неумолимо год от года тает, сужается. Они это прекрасно понимают и дорожат памятью, прошлым. Отсюда и несколько преувеличенные оценки значимости друг друга. Но по-человечески это так понятно и простиительно. Зато чувство искренней приязни согревает атмосферу подобных встреч.

Приятно было видеть в зале мальчишек из группы, которую сейчас ведёт в театральном училище Александр Васильевич. Они оказались в самом конце зала — мест в фойе, где проходила встреча, не хватило, и все три часа простояли, слушая и заинтересованно рассматривая всё то, что происходило. Так передаются другому поколению наши взгляды, шкала ценностей в литературе, искусстве, истории.

1 февраля Горбатовка

Устроили с Важнёвым банный день. Парилка у него в доме знатная, но я всё-таки от большого жара поостерёгся.

Скинул мне на флэшку Александр Фёдорович около пятнадцати репродукций своих картин — для обложки «Вертикали. XXI век». По первому взгляду отобрал три вида города для выпуска № 50.

Супруга Важнёва сделала большой фильм (в четырёх частях) по истории посёлка и выложила в интернет. Посмотрел весь с интересом — старые фотографии, статистические данные, память о прежних жителях села. Вот так-то бы побольше о наших деревнях и сёлах рассказать — благо бы дело получилось в помощь потомкам. И кое-что в этом отношении делается, но только энтузиастами, за счёт собственных средств, своими силами, энергией, неравнодушием. Так на энтузиазме Россия и спасается.

Прежде чем пойти ужинать, смотрели из окон на удивительный (и тревожный) закат. Редкие облака снизу были кроваво-красными — так их подсвечивало уже невидимое уходящее солнце. Сверху же облака оставались белыми, чистыми, и по горизонту, между полоской земли и красным низом облаков — невероятной прозрачности лазоревое, нежное пространство, замешанное на зелёном, жёлтом, оранжевом. Несказанная красота полутонов. Будто это свет оттуда. Из бесконечности мироздания.

Трапеза получилась обильной, разнообразной. Не удивительно, что под такую закуску выпили мы с Фёдоровичем по бутылке водки. Принялись было и за третью (виски), но тут я воспротивился. Вот между первой и второй бутылками мне Мюрисеп и позвонил — из реанимации. Лежит в 5-ой больнице. Инфаркт! И на представлении книги он уже был в этом состоянии. Но думал, что это боли в желудке. Теперь вроде бы самое страшное позади. Поставили стенд.

Пока шёл из дома до калитки (за воротами дожидалось такси) — любовался лёгким (будто пух) снежком, припорошившим землю. Он был так красив, нежен, нетронут. Но одно мгновение — и всего этого человек лишается. Ведь лишается? Или нет...

4 февраля Сартаково

Позвонил Исайчев, настойчиво пригласил на свой юбилей: «Очень хочу вас видеть, жду, надеюсь, что вы приедете...» Вот и поехал с Наталькой и Лёшей. К тому же сказочно хорош зимний день.

Всё происходило в недавно построенном музее — большой зал для выступлений вместил гостей, выступающих. Много поздравлений Владимиру Николаевичу (губернатор В.П. Шанцев, депутат Госдумы, член Совета Федерации, митрополит Георгий, епископ Илия), много исполненных песен на его стихи. В общем, это не было утомительным — напротив, даже любопытно.

У Виктора Пурихова взял посмотреть альманах, что второй год выпускает местное отделение Союза художников России. Издан на хорошей мелованной бумаге, полноцветная печать. Вся жизнь Союза за прошедший год — выставки, юбилеи, утраты, путешествия... 2014 год просмотрел мельком — там было открытие сразу двух памятников, автором которых был Виктор Иванович — князю Владимиру в Сартакове и Бугрову в Нижнем Новгороде на площади Лядова. Этот альманах Пурихов подарил проходящему мимо нас Исайчеву. А вот 2015-ый год, уже во время торжества, я пролистал «от корки до корки». Молодцы художники, нечего сказать. Кстати, увидел там и выступление Заногина на нашем юбилее, и фотографии с выставок «Земляки», в Дивееве, даже Ирина с Наташей туда попали (открытие юбилейной выставки Нины Ивановны Ждановой).

А ведь нечто подобное сделать мы намечали с Володей Цветковым. Да, слишком много у меня тогда было забот (а кто бы кроме меня всем этим занимался) — не свершилось.

Митрополит Георгий прилетел на вертолете (из Дивеева), когда Шанцев уже уехал. Говорил хорошо, правильно. Подарил большую икону Серафима Саровского, написанную там же в Дивееве.

Деталь. Когда он, после выступления, сидел в кресле, то подошедший к нему священник, чтобы ему что-то сказать, не наклонился, а встал у кресла на колени. Вообще, появление священства внесло в зал какую-то беготню, суету. И это, как я заметил, традиционное их состояние. Что с ними происходит — загадка (во всяком случае, для меня). Или этой суетой они выражают свою великую занятость, озабоченность?

Застолье «для избранных» проходило в небольшом зале, где в витринах собраны одежды разных народов. Интереснейшая экспозиция.

Круг оказался тесным, и потому мне было явно видно, что митрополит избегает встречаться со мной взглядом. Видимо, моё письмо (да и вся ситуация после) его задело. Но побыл за столом Георгий недолго — вновь улетел «аки ангел».

Я в своём поздравлении говорил о русской земле, которая, как Сартаковский родник, рождает таланты. Те, в свою очередь, тратят дарованные им таланты на добрые дела. «И так происходит круговорот добра в природе. Тем и живы. Иначе зло давно бы уничтожило землю».

Назад в город ехали, забрав с собой Пурихова. Памятник Владимиру стоит хорошо, вольно на склоне холма — со всех сторон хорошо виден.

Только всё у нас одна беда — «экономия на пуговицах». Стольких деньжищ всё это сооружение стоило, а вот подсветку ему сделать (копеечное дело), чтобы и в ночи он был виден, не догадались. Но небо сегодня от мороза чистое, снег белый — потому силуэт памятника хорошо виден.

Гуляев (дома) прислал все многу заказанные вёрстки — обложки выпуска 50, книги Шуртакова и много всего прочего. Порадовал!

7 февраля

Александр Викторович Домничев привёз нам в Союз писателей для выставки свои графические работы — в основном рисунки уголков старого Нижнего, какие-то зарисовки из провинциальных городков, монастырей. Неплохие, добротные листы. Поначалу мне показалось, что выставки не получится, не сформируется, но когда повесили первые три большие рисунка — всё встало на свои места.

Необычна сама личность художника. Вид его откровенно неухожен, неопрятен. Жутко косноязычен — мысль с огромным трудом прорывается через его речевой аппарат. Такое впечатление, что в этом аппарате сломаны какие-то шестерни, и он то буксует, застревает, не в силах тронуться с места, то прокручивается вхолостую. Живёт один в Печерских новостройках, не женат (отца и мать похоронил), работает при церкви (думаю, сторожем-дворником), говорит, что на жизнь и оплату за квартиру хватает. В промежутках между работой рисует — даже в морозы. Все наброски делает карандашом с натуры в большой (из коричневой, похожей на обёрточную, бумаги) альбом. Принёс мне его, показывал (как и целую кипу похожих листов), пытался рассказать, где что изображено. Слова его я плохо разбираю, но знакомые места узнавал сразу. Всё схвачено, передано точно.

Совершенно у Александра не получилось развесить картины. В этом отношении у него непослушные руки (или туго соображает). Пришлось мне взяться за это самому, иначе все грозило затянуться на недели. И вот, когда все рисунки оказались развешены, я увидел интересную выставку, наполненную особым чувством. Несколько грустным, может быть, утомлённым, но её хочется смотреть, разглядывать отдельные листы.

9 февраля

В Сирии самолеты России разбомбили позицию турок (случайно). Трое погибших, раненые. В.В. Путин по телефону выразил соболезнование президенту Турции Эрдогану. На войне как на войне. Но за этим фактом явно видно следующее — турки без нашей помощи (иначе откуда на их фронте с ИГИЛ появились наши самолеты) ничего сделать не могут. И значит, фактически наша армия на сегодня сильнейшая и самая подготовленная в мире, раз только она в условиях реальной войны в мире способна добивать противника, против которого воюет «Западная коалиция» во главе с США, подразделения Ирана, курдские отряды, армия Турции. Правда (опять же, как всегда), плодами нашей победы воспользуются другие. Россия слишком щедра, великодушна (к врагам и предателям) и скромна.

11 февраля

Закончено новое художественное оформление Союза писателей. Маша Заного развесила новую выставку зимних пейзажей в Большом зале. Володя в моём кабинете заменил портрет Патриарха Гермогена портретом Мельникова-Печерского (отличная работа, яркая по изображению и серьезная по историческим задачам). По бокам два волжских пейзажа — абсолютное попадание с картиной по колориту, цветовой гамме. Коридор в два ряда увешан рисунками. Полное ощущение не служебного помещения, а художественного салона. Красиво. Приятно находиться среди хороших художественных работ. Жаль, не так много людей (как должно бы быть) всю эту красоту видит.

Вчера устроили с Борисом Лукиным переписку по поводу дальнейшего существования (организационного) русской литературы. Хотя первоначально сообщил он горькое известие — его супруга потеряла ребенка, так и не родившегося мальчика. Да и саму, видимо, не без труда врачи сберегли.

Я понимаю, что столь долгий срок государство не может пренебрежительно, безразлично относиться к своей литературе. И что-то в итоге должно поменяться, если только сами «главари» Союзов не доведут ситуацию до полного абсурда, когда никто с ними серьёзно не захочет разговаривать.

Борис, видя всю бездарность сложившейся ситуации, мечтает, чтобы мы, те, кто сам что-то делает, как-то неформально объединились. Но ведь подобные попытки уже были, и ни к чему стоящему они не привели. Да и среди сегодняшних членов писательских Союзов много всякой мелочёвки, думающей только о собственном брюхе, собственном тщеславии. Вот свежий пример. Борис Селезнёв передал сегодняшний разговор с Евгением Эрастовым. Он не придёт на наше годовое собрание, потому что хочет голосовать против меня, но считает, что его никто не поддержит. Главный аргумент недовольства мной стандартный: «Он работает только на себя». Иными словами — издавая шестнадцать лет журнал, где опубликованы сотни произведений разных авторов (в том числе и Эрастова), восстановив из руин Нижегородский Союз писателей (отремонтировав собственными руками и потратив на это уйму мною найденных денег), организуя им награды (Эрастову, по его же просьбе, не единожды), отстаивая их кандидатуры (и Евгения) при получении областных премий, и прочее, прочее, прочее — это я работаю на себя. А он, печальник за Союз, не то что гвоздя не вбил, слова доброго не сказал об организации, членом которой является.

Я понимаю — призывать таких людей к здравому уму, совести, бесполезно. И можно было бы на мнение Эрастова плюнуть, если бы подобных ему не было бы в нашем Союзе писателей (впрочем, как и во всех других по стране) слишком много. Жадность, зависть, злоба — их поводыри. И слов благодарности за благодеяния им они произнести не могут, потому что не знают их.

12 февраля

Был на Литургии в Староярмарочном соборе. Подумал о Борисе Лукине. Болезнь, пожар, гибель Галины... и вот опять. Как много может вынести человек?

13 февраля

Стало известно, что Захар Прилепин официально «уехал на Донбасс» воевать в ополчении. Получил там местный чин майора и должность зам. командира батальона по политической части (замполита). Как он сам сказал в телевизионном интервью: «Я уже полгода в ополчении, но прикрывал это как бы доставкой гуманитарной помощи. Теперь решил сказать об этом открыто».

Что ж, это достойный шаг русского писателя (и писателя вообще — примеров немало), если только за этим не кроется ещё нечто. Но что бы ни крылось — оставить семью, детей (у него их четверо) и поехать туда, где убивают — это поступок.

Есть у меня во взгляде на жизнь и творчество этого писателя — чувство недоверие. И с этим чувством я никак не могу справиться. Во всём, что делает Прилепин — нет искренности (а значит, правды). Так я ощущаю всё связанное с ним. Меня не покидает чувство (необъяснимое напрямую — тут дело в нюансах) большой игры. Но отправиться на войну — это поступок, вызывающий уважение в любом случае.

Впрочем, я почему-то думаю, что он ненадолго там задержится. Разругается с командирами и со скандалом вернётся в Россию. Или, на-

против, тихо, будто его и не было в Донецке, переедет в Москву и вновь займётся собственным литературным (и иным) делом.

Дай Бог мне в этих предположениях ошибиться.

15 февраля

Два дня город заваливает снег. Иногда он идёт так густо, что за окном темнеет, как поздним вечером. А то вдруг ветер погонит позёмку с соседних крыш по Рождественской.

В Союзе писателей к предстоящему перевыборному собранию готовил разные бумаги. Приехал Боря Селезнёв, сообщил новость — умер Валерий Смокин. Отмучился. Оказывается, у него в последнее время был гепатит (это плюс к его-то тяжелейшей инвалидности), но за жизнь он боролся крепко. Надо бы найти его сборничек, перечитать стихи.

Но главное — тут совпало другое. Сегодня же я будто привет получил от Володи Цветкова. Позвонила женщина из Дома ветеранов, что в Зелёном городе. Ищет книги Цветкова («Красивая кукла Троцкого» и «Цена любви — смерть») по просьбе знакомого из Казахстана (кажется). Вот Володя как-то легко от жизни отказался. У него той силы, желания удержаться (пусть на самом краю) не было. Почему так происходит? Отсутствуют (уже) внутренние резервы?

18 февраля

Вот и прошло пять лет моего председательства. Слава Богу — многое из задуманного удалось сделать. Сегодня перевыборное собрание, которое, в общем-то, не обещало каких-то сюрпризов (половина членов организации уже отдали голоса за меня), хотя и без недовольства не обошлось. Но это уже было после, в кулуарах. Да и недовольства высказывались осторожно.

Дискуссии после моего выступления почти не было. Взявшие слово Маргарита Сатирская, Людмила Калинина говорили о частном, своём, мелком — мало их публикуют, обделяют областными премиями.

Иван Кириллович Кузьмичёв, который просидел собранно в президиуме (Людмила Фёдоровна подсказала), коротко выступал дважды. Первый раз призвал не отстраняться от предстоящего юбилея А.М. Горького. Второй раз, в самом завершении собрания, высказался, что он никогда и никуда от нас не уйдёт (имеется ввиду из нашей организации). «А те, кто наверху в городе, пусть потихонечку сползают к нам».

Не люблю застолий после собраний. На этот раз Анатолий Абрашкин меня спровоцировал по поводу журнала «Вертикаль. XXI век». Я разгорячился, сказал много лишнего, «задел словом» Людмилу Калинину, чем её обидел. Теперь на сердце тягостно, виновато.

Когда всё закончилось, шёл пешком домой и удручённо думал — ну зачем мне всё это надо? Опять тратить время (а сколько его осталось — кто знает?) на дело, от которого всякий ждёт (член организации) только эгоистической выгоды. И так тоскливо было в душе — хоть вой.

19 февраля

Звонок А.В. Мюрисепа из Зелёного города. Пребывание после больницы в санатории идёт ему на пользу — бодр, весел, поправляется, работает над книгой о режиссёре Табачникове. Александр Васильевич поздравил с переизбранием. Высказал ему свои сомнения, относительно нужности моих трудов.

— А кого можно избрать, кроме вас? Я никого не вижу. У вас же всё получается, вы на своём месте.

И ещё говорили друг другу искренние и тёплые слова поддержки.

— Александр Васильевич, это я только с вами такой спокойный, не нервничаю, не завожусь.

— И вы на меня точно так же успокаивающе действуете, — был ответ.

На этом и расстались.

Звонил Чугунов. Напомнил мне о подготовке книги прозы.

— Я думал, что ты, батюшка, забыл о ней.

— Ну почему, издадим в нашей серии для семейного чтения к твоему шестидесятилетию.

В Новостях наконец-то услышал фразу, которую давно ждал от властей. Министр иностранных дел Лавров на пресс-конференции в Мюнхене (собрались министры иностранных дел «Большой двадцатки») заявил, что Россия не снимет своих санкций с Евросоюза, пока тот не выполнит Минские договорённости. Для моего уха это прозвучало как песня. Хватит перед ними только оправдываться и взывать к совести, чтобы и они как-то повлияли на руководство Украины в Донбасском вопросе. Пора начинать разговаривать с позиции силы. Ведь только такую позицию они и способны понять.

В эту мою оценку укладывается вчерашний Указ В.В. Путина о признании документов (паспортов, дипломов, свидетельств о рождении и так далее), выданных в ДНР и ЛНР. Это решение должно отрезвить и Трампа в США (тоже начал говорить о «возвращении Крыма»), и лидеров ФРГ, Франции — не решите с Украиной по миру на Донбассе, признаем независимость новых республик.

20 февраля

Как стало известно — вчера умер Игорь Ростиславович Шафаревич. Академик-математик, диссидент советского времени, разработавший теорию «малого народа», за что был люто ненавидим отечественными либералами. Конечно, он понимал, против какой силы восстал, и всё-таки до конца отстаивал свои убеждения. Оплата за дерзость и принципиальность — полное отстранение от общественной, политической, информационной жизни страны. Лишь патриотические издания публиковали его труды (исторические, философские), печатали интервью с ним. И всё-таки всё осмысленное им уже никогда вновь не канет в небытие. Малый народ выведен из тени на белый свет, на всеобщее обозрение.

Игорю Ростиславовичу было девяносто три года.

21 февраля

Погода самая скверная — мокрый снег, дождь. Около нуля. Пройти негде — все дороги превратились в снежно-водяные болота. И вот в эдакую-то слякоть я отправился в Союз писателей. Вчера обещал Андрею Тремасову быть в 12 часов, выдать ему удостоверение. Надо бы было перезвонить ему, перенести встречу, да как-то совестно. И вот тащусь по этой мокряди.

Зато впервые расспросил Андрея о его жизни. Талантливый он человек из талантливой семьи. Но по большому счёту, как мне кажется, не нашёл себя. Даже в личной жизни — жил с супругой (учительницей) в гражданском браке, родили двух девочек, теперь хоть и обитают в одной квартире (Андрея, оставшейся ему от отца — четыре комнаты в доме на Верхне-Волжской набережной, с окнами на Волгу, с высокими потолками), но друг другу чужие.

После тяжелейшей болезни (Кауров спасал) вроде бы бросил пить, хотя до этого я его трезвым и не видел. Теперь возвращается к жизни. На прошедшем собрании (вместе с Валерием Темнухиным и Андреем Альпидовским) мы приняли в Союз писателей и Тремасова. Хорошо бы это его как-то поддержало.

Пришёл Михаил Рубцов. В разговоре — интересное замечание о «ломанных людях», «сломленных». И мне кажется, что таких много, если не большинство. Ведь откуда-то берётся в людях эта непонятная, необъяснимая, рабская трусость ко всему, что связано с властью. Боятся выступить за явно правое дело, осудить воровство, стяжательство, хамство. Нет, на кухне, в тесном кругу — тут все герои. Но только чуть дело коснётся публичности... эти смельчаки превращаются в безгласых

рабов. Но как они смелы и жестоки, когда им это разрешают, когда дают команду: «фас!».

Не труслив (по-настоящему, неконъюнктурно) отец Владимир Чугунов. Но такие, за прожитые почти шестьдесят лет, мне встречались крайне редко. Всё больше с необъяснимым для них самих страхом в душе — на всякий случай, как бы чего не вышло.

22 февраля

Сегодняшние новости: Россия начинает напрямую вести экономические отношения с ДНР и ЛНР. Пока только по угольной теме.

Министр обороны Российской Федерации Шойгу, выступая в Думе, объявил, что в России созданы войска информационных операций. Они занимаются в том числе и контрпропагандой.

Собрал книгу прозы по договорённости с Чугуновым. Не уверен, как к ней отнесётся отец Владимир. В праздники отправлю издателю и буду ждать решения. Смирненно приму любое.

24 февраля

Чугунов познакомился с содержанием книги. Разумно предложил открыть её рассказом «Лестница»:

— Во-первых, он затягивает в книгу, а «Колька», к сожалению, нет. В эту повесть надо вчитываться. А во-вторых, в «Лестнице» обозначены все темы, которые затем будут раскрываться в других рассказах книги.

Я честно признался, что для меня самого книга ещё не сложилась, и поэтому буду благодарен отцу Владимиру, если он сам её составит, сфокусирует её содержание.

— А почему нет очерка об Абхазии? Я помню, он свежо написан, искренне.

— Имеешь ввиду «Путешествие к мечте, или Страна, которую мы теряем»? Действительно, этот очерк мало публиковался — в газете «Курьер», в твоём журнале «Духовный сад».

— Был в книге.

— Да, в «Искушении», но кто его читал при тираже в 200 экземпляров. Договорились, что текст очерка я найду и вышлю Чугунову.

— Думаю, что политические замечания в нём устарели.

— Может, и нет. Посмотрим.

В Союз писателей из типографии привезли первую часть тиража книжки «Три венка сонетов» А.М. Коломийца. Отлично смотрится обложка, оформленная офортом Н.П. Мидова. И внутри книжки серия офортов значительно её украсила. Постараюсь побыстрее (через отца Евгения) переправить книжку Николаю Павловичу. Может быть, доставит ему хоть маленькую радость при одолевающих художника болезнях.

Составил статейку для «Столицы Нижний» о Мюрисеппе. В основу её взял моё предисловие к его книге «Венец». Написал письмо Александру Васильевичу — надо бы подобрать фотографии для публикации. В итоге, как надеюсь, это доставит болящему несколько радостных минут.

Забраковал (окончательно) обложку, что предложил Геннадий Щеглов для книги «Память сердца». В своём архиве нашёл фото Ю.С. Кочеткова. Осень (поздняя, земля припорошена снегом), одинокое голое дерево невдалеке от изгиба речного берега, закат. Тут хороший подтекст, второй план — ведь в книге собраны очерки об ушедших из жизни писателях, поэтах, художниках. Написал письмо и вместе с фотографией отослал Геннадию.

25 февраля

Второй раз позвонил художник Виктор Константинович Тырданов всё по той же теме — Виктор Калинин единогласно избран вице-президентом Академии художеств России. Против президента Зураба Церетели ещё кто-то голосовал против, но против Калинина ни одного голоса. Я

рад за Виктора Григорьевича — на всё у него хватает сил, энергии. Пишет картины, путешествует, проводит выставки в разных городах России, занимается руководством в общественных организациях и прочее, прочее. Но Тырданов с такой радостью и преданностью преклоняется перед талантом Калинина, что это меня не может не восхищать.

Виктор Константинович предлагает это событие осветить на страницах «Вертикали. XXI век». Я, конечно, поддерживаю. К тому же оба художника — авторы журнала. Но вот эта ребяческая влюблённость, преданность творчеству другого так замечательна, так и мне греет душу. А то ведь иногда начинаешь думать, что в творческой среде (особенно на местном уровне — она ближе, оттого и ощущать её эгоизм и недоброжелательную ревность сильнее) только злоба и возвеличивание собственного «я» происходит. И вдруг такая чистая любовь к творениям «брата во Христе»... Невольно душу греет. Потому и думаю о Тырданове — дай Бог тебе добра и здоровья. (Виктор Константинович собирается лечь в больницу на какую-то операцию. Не спросил его — закончил ли он работу над небольшими, заказанными ему иконами.)

В интернете посмотрел беседу Познера с академиком С.Ю. Глазьевым. Как доказателен, умён и выдержан (вот у кого следует учиться выдержке) Сергей Юрьевич при отстаивании собственной позиции, научных и политических взглядов. Хотя я помню его (при нечастых встречах) замкнутым, как бы сосредоточенным в себе. Лишь раз он как-то по-ребячески был улыбочиво-радостен — в аэропорту Запорожья, после проведения Съезда Славянских народов. Тогда нас провожали с песнями, весело. Этот город родной для Глазьева. Здесь он родился, вырос. Это потом улетел в Москву учиться.

26 февраля

Прощёное воскресенье.

Игорь Александрович Соловьёв приехал забирать только что напечатанную свою книжку «По следу Цветочного Льва» (Истории и сказки для детей). Разговорились. Оказывается, в 90-х он публиковал большие аналитические антинемцовские статьи в газете «Советская Россия», и даже признавался редакцией лауреатом года. Были несколько его статей и в «Русском Вестнике». В оценках того периода между нами полное понимание. Оба пережили непростые времена (в материальном, финансовом плане), но выстояли, не сломались, не скурвились.

Посоветовал И.А. собрать статьи тех лет в книгу — чтобы остался документ того безумия, которое пережил русский народ благодаря собственной глупости.

Жуткая цифра (из новостей) — 391 человек за 11 месяцев 2016 года в России были убиты (растерзаны) собаками — от маленьких детей до стариков.

1 марта

В Донбассе (ДНР и ЛНР) официально объявили главной денежной внутренней расчётной единицей рубль. Фактически это уже давно так. Но теперь закреплено и юридически. Все предприятия Украины на этих территориях переходят под управление Правительства народных республик. Ранее все деньги (кроме зарплаты) шли в Киев. Теперь налоги будут платиться в Донецк и Луганск. На это власти республик подтолкнула транспортная блокада, организованная националистами. Я уверен, что действия по «национализации» согласованы с российскими властями. Потому что встаёт вопрос — если эти предприятия (шахты, металлургические комбинаты) встанут, то сотни тысяч людей кто-то должен всем обеспечивать для выживания. Для России это дополнительная финансовая и социальная нагрузка. Колоссальная! Отсюда легче пойти на какие-то политические потери, чем поставить под удар свою экономику.

4 марта

Совершенно не работается. В голове какая-то лень, пустота. Заниматься всякой мелочью, за серьёзную же работу приняться никак не могу вот уже который день кряду.

Читал «Провинциальный апокалипсис» Чугунова. Прошёл первую часть. В романе есть некоторые эмоциональные не провалы, но ослабления. Я понимаю, для чего эти эпизоды вставлены автором в сюжет (иначе уж совсем всё беспросветно окажется в повествовании — а значит, и в нашей жизни), и всё-таки эти «ослабления» уведут читателя от главного переживания. Хотя — надо дойти до окончания книги, прежде чем давать ей свои оценки.

Пошёл прогуляться до памятника Чкалову и обратно. Небо хмуро, серо. Стоял на площадке у памятника, смотрел на Волгу у Чкаловской лестницы. По фарватеру лёд истончён, в промоинах. У польныи сидит стая ворон и что-то высматривают в тёмной воде. У левого берега лёд усеян рыбаками. Пользуются последней возможностью зимней рыбалки. С нашей стороны у бетонного берега бегают по льду мальчишки. Далеко не отходят, и всё равно за них страшновато — не случилось бы чего.

Шёл через Кремль. Вороны на вершинах голых деревьев кричат тревожно, надрывно, словно пророчат недоброе. А может, так встречают весну.

Почему всякий раз ранней весной неуютно на душе?

8 марта

Дочитал книгу Чугунова. Написать и издать такое — это, конечно, гражданский поступок. «Провинциальный апокалипсис» на первый взгляд оставляет впечатление неровного письма — явная смесь в одном произведении художественного текста, документального повествования и публицистичности, полемичности. Не думаю, что роман (так обозначил жанр повествования отец Владимир) станет явлением в нашей литературе, но его острая социальность (несправедливость властей, их сращивание с криминалом, использование спецслужбами в своих не-благовидных целях уголовных отморожков) может привлечь читателей в первую очередь тем, что обо всём этом пишет священник. И в своих поступках (главный герой — поп) он «выходит за рамки привычного, общепринятого», что у большинства ассоциируется со священством — отказ от социальной борьбы, обращение в суд при отстаивании своих гражданских прав, обращение к криминальным личностям для наказания обижających близких.

Роман должен наделать шуму в Городце. Всё описанное в нём в городе живо по сию пору. Но и общероссийская православная среда, как я подозреваю, не останется в стороне. Но из неё (этой среды) ожидаю больше осуждения, ханжеского лицемерия. Впрочем — посмотрим. Время покажет. Сейчас же можно сделать однозначный вывод — Владимир Чугунов показал себя смелым, неординарным писателем. И эта смелость не внешняя, а идёт от растревоженного, переживающего сердца. Неужели даже такая книга не размягчит окаменевшие сердца провинциальных творителей апокалипсиса?! Ведь за всё, что они «посеят» на земле, ответят их дети и внуки. Непременно ответят. Возращенное зло безжалостно начинает пожирать своих создателей.

Дочитывал книгу со слезами. И моему сердцу так беспокойно. Столько вины в нём.

13 марта

Вот уже который раз плюют мне в открытое для дружбы, добрых чувств сердце, а всё никак к этому не могу привыкнуть.

Позвонил Мидов. Я обрадовался, стал спрашивать, как он себя чувствует после операции?

— Слава Богу, выздоравливаю. А кто решил мои картинки в книжку вставить?

— Мы с Алексеем Марковичем хотели... (если бы он дал договорить, то я бы продолжил — сделать вам приятное, поддержать во время испытания, но Николай Павлович перебил):

— Это позор издательству.

— Почему? — опешил я.

— Картинки никак не подходят к содержанию венка сонетов «Поклон Нижегородчине».

— Так и цели такой не ставилось. Офорты опубликованы отдельным блоком, самостоятельным, а не как иллюстрации к стихам.

Но всё это было мной сказано в никуда, в пустоту.

Мидов ещё что-то говорил в прежнем ключе. Я молчал и только в конце произнёс:

— Пусть эта вина будет на мне.

Конечно, в конце разговора Николай Павлович произнёс: «Простите Христа ради». Но эти, ханжеством пропитанные слова в последнее время неизменно во мне вызывают отторжение. Сначала наговорят гадостей, потешат свою гордыньку, а затем именем Христа прикрываются — мол, вот мы какие православные, набожные.

Удивительно, но в сердце моём после этого разговора не было раздражения. Только горечь.

Позже ещё раз Мидов звонил всё с этим же «Христа ради». Сказал Николаю Павловичу, что ничего не произошло, всё нормально. Хотя понимаю — всё в наших отношениях рухнуло.

Михаил Рубцов приехал из Москвы. Рассказал об арбитражном суде, между Сергеевой Лаврой и Казачьим кругом, где генерал Сергей Кришталь. Последний в своё время на хранение оставил в церкви Сергеева Посада, относящейся к Лавре, большую икону Николая II. А когда приехал её забрать, то икону не отдали. Уговоры не помогли. Так дело в итоге дошло до суда. Кришталь своё право на икону легко доказал документами, в том числе и финансовыми. Но юристы Лавры подали апелляцию, потом кассационную жалобу на какие-то процессуальные нарушения судьёй... Вот тебе и смирение, не стяжание, не возжелание имущества ближнего своего.

И тут горько... Такой день.

15 марта Горбатовка

Повёз Важнёву журналы — «Вертикаль — 50» и «Столица Нижний». В выпуске № 50 на обложке репродукции его картин, а в «Столице» обложка с указанием авторства Александра Фёдоровича.

Звонил Рэм Иванович Чарыков. Увлечён идеей подготовить специальный выпуск «Вертикали. XXI век», посвящённый 80-летию беспосадочного перелёта В.П. Чкалова — Г.Ф. Байдукова, штурман А.В. Беляков, на одномоторном самолёте АНТ-25 №2 по маршруту Москва — США через Северный полюс. Хочет оформить материалы редкими фотографиями, раздобытыми в разных архивах.

Конечно, если бы такой номер журнала состоялся — это было бы здорово. Но уверенности, что наши переговоры увенчаются конкретным результатом, у меня нет. В 50-м номере я опубликовал уже вторую «Чкаловскую» статью Чарыкова. Материалы по этой теме у Рэма Ивановича есть. Но сможет ли он их оформить, чтобы наполнить 224 страницы «Вертикали. XXI век»?

Ехал назад от Важнёва, и в центре Автозавода неожиданно вспомнил, как совсем молодым поздно вечером однажды попал сюда. Было холодно, автобусы ходили плохо. Намёрзся. Всё живо в моей памяти, каждая деталь.

Но как неожиданно, удивительно это всё к нам возвращается. И день сегодня тёплый, солнечный, и автобусов полно, и настроение у меня после бани и доброго застолья хорошее. А в памяти всплыл поздний зимний вечер с раздражением и тяжестью в сердце.

16 марта

Увидел в протоке Оки, у острова уточку и селезня. Прилетели продолжать род. Значит, на горизонте лето.

В Законодательном Собрании области очередное заседание нашей общественной группы по усовершенствованию законодательства о некоммерческих организациях. Выбирали двух кандидатов в общественную палату при Заксобрании. Я как-то сразу почувствовал, что уже есть некая договорённость по результатам выборов и потому выступил довольно вяло.

Пожалел впустую загубленного дня. Ради исполнения роли массовки стоило ли это делать?

Прочитал в статье Игоря Золотусского «Несть лести в языке моём. Юбилей Карамзина и Послание Президента» (газета «Слово» № 23, 2016 г.) такое высказывание Николая Михайловича Карамзина: «Для существа нравственного нет блага без свободы: но эту свободу даёт не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божьей. Свободу мы должны завоевать в своём сердце миром совести и доверенностью Провидения!»

Много думал на эту тему, и вот точная, чеканная формулировка, почти всё объясняющая.

20 марта

Обзвонил наших литераторов по составленному заранее списку, чтобы пригласить в музей-квартиру М. Горького. Алла Марковна (директор) предложила провести литературную встречу — открытие при музее (на первом этаже) литературного кафе.

Хозяева молодцы — приготовили чайный стол. Я заранее продумал, что буду говорить при открытии встречи:

— Мы живём в то время, когда со стороны властей ко всему, что называется творчеством, образованием, духовными потребностями, отношение не просто безразличное, а враждебное. Но люди, в том числе и совсем молодые, продолжают писать стихи, романы, издают их за свой счёт небольшими тиражами. Иными словами — тяга к творчеству вечна. И нам этот процесс нужно как-то осмысливать, обсуждать, иметь представление, что происходит вокруг (в литературном плане). Потому давайте попробуем сделать эту площадку местом постоянного общения.

Приятно было, что несколько человек пришли на встречу, узнав о ней из социальных сетей. Старший преподаватель из политеха показал студенческий литературный альманах. Их вышло уже десять номеров. Был человек, недавно побывавший в Харькове. Охарактеризовал обстановку одним словом — уныние и раздражение в отношении бандеровцев. По кругу читали стихи (Селезнёв, Ивенин, Леонтьева, Тремасов, Альпидовский, Полина Тарабрина...) Полина прочитала хорошо, с социальным напором. Доброе впечатление осталось от встречи. Думаю, что подготовлю продолжение под эгидой журнала «Вертикаль. XXI век». К тому же, завершая чаепитие, подарил музею два номера (49 и 50) с акцентом, что в них опубликованы главы из книги «Искры потухающих костров» — дневник жизни журнала.

За час до встречи привезли из типографии книгу «Память сердца» (очерки о писателях). Отдал и её.

Назад ехали с Михаилом Рубцовым на машине Виктора Сидорова. Виктор хочет «возобновить отношения». Я всегда готов пойти навстречу тому, кто осознал ошибку, и испытываю при этом в сердце приятные, добрые чувства. Наверно, это доказывает, что все мы нужны друг другу. В разобщении — нам тягостно, вместе — радостно.

Расстались у моего дома. Но, как оказалось, Рубцов хочет почитать начало статьи о моём творчестве (в честь предстоящего 60-летия пишет). Повёл его в Ярмарочный дом, там нашли лавочку, и Михаил прочитал. По-моему, он на правильном пути, но это только зачин. Справится ли полностью с задуманным? Кажется — да.

22 марта

Расширенная коллегия областного министерства культуры в зале Нижегородского государственного художественного музея. Пока туда шёл, у Кремля застал звонок Чугунова. Отец Владимир мучается с романом, который всё никак не удаётся завершить. Слишком серьёзную, глобальную цель перед собой поставил — показать в соединении вечность и современность. О полученной вчера книге «Память сердца» сказал, что очерк о Юрии Адрианове сделан отлично — ничего ни убавить, ни прибавить. О Валентине Николаеве «просто литературоведческая статья».

— Хуже всех написал обо мне.

— Так ведь и Николаев с Андриановым сказали бы мне то же самое.

Попросил его предложить мою книгу в Москву оптовикам. Попробует.

В зале подсел ко мне поздороваться народный артист РСФСР Георгий Демуров.

— Редко мы с вами видимся.

Я в ответ высказал восхищение последней работой Георгия Сергеевича в спектакле «Осеннее танго».

— Что вы, первоначальный текст пьесы был безобразен. Я сказал, что сыграть его невозможно, диалоги необходимо переделать. Пьеса написана в 2006 году и содержала в себе сплошной пиетет перед американской жизнью. Директор стал уговаривать: «Серёжа (режиссёр-постановщик спектакля, актёр театра) уже пообещал автору и т.д.». В итоге я сам переписал пьесу. Например, в монологе, когда герой снимает трубку, было только «Алло», и всё. Это же ничего зрителю не говорит... А вы не обиделись на меня, что я ничего для журнала не написал о Ефиме Табачникове?

— И в мыслях не было!

— Там в полторы странички, как предложил Саша (Мюрисеп) всего не расскажешь. Нужно или писать целую книгу, или ничего. Ведь это я Табачникова привёл второй раз в 1990 году в наш театр. Тогда этим вопросом занимался в городе Соколов. Мы пришли с Ефимом к нему. Еле уговорил, чтобы он снял свою японскую куртку в приёмной у секретаря. Соколов мужик крупный, сидит за столом в пол оборота, несколько развалившись в кресле. И первые слова, которые произнёс Табачников при знакомстве (задиристо): «Чего это вы на меня смотрите как царь на еврея?» Или вот как заговорил с артистами перед началом репетиции нового спектакля: «Если вы думаете, что вы ненавидите меня больше, чем я вас, то глубоко ошибаетесь». Ефим Давидович был очень остёр на язык.

И ещё много чего рассказывал. Жаль, не было диктофона. Такие монологи стоит тихонечко (чтобы не смущать говорящего) записывать.

Коллегия, а я этого опасался, прошла быстро. Министр С.А. Горин зачитывать доклад не стал, только высказал основные тезисы. Впервые большие деньги (около 70 млн рублей) выделены на укрепление материальной базы домов культуры и иных учреждений культуры. О творческих союзах ни слова. Они (по мнению министерства, как я понимаю) к культурной деятельности не относятся.

Хорошо выступил представитель Театра кукол из Дзержинска (создан в конце 80-х годов прошлого века). Оказывается, это талантливый коллектив, имеющий своё помещение.

В Союз писателей заходил Станислав Смирнов. Подарил ему «Память сердца». Что-то напишет для прессы.

Вечером ахнул, зайдя на Канавинский мост. На Оке ледоход. Закатное оранжевое солнце повисло над дальними домами. А по воде плывут, давят друг друга, ломают края льдины. Вся природная, неудержимая мощь перед глазами. Страшная и прекрасно-завораживающая.

Умер Дэвид Рокфеллер (20.03.17 г.). Дожил до 101 года, пересадив себе шесть сердец (обладал семью сердцами). И всё-таки жизнь кончена, даже для таких как он — миллиардеров и «вершителей мира» (как они думают).

23 марта

Отец Владимир завершил формирование моей книги прозы. Пока ей дал название «Путешествие к мечте», но держит в уме и другое — «Лестница». Второе мне ближе. Да и содержанию оно соответствует больше. Многие из первоначально мною предложенного Чугунов отверг, что-то добавил.

Вообще, на мой взгляд, книга получилась цельной. И есть в ней ощущение Лестницы — Восхождения. Хотелось бы мне в этом ощущении (предположении) не ошибиться.

Геннадий Петров из Атланты прислал статью («юбилейную»). После первого чтения почти ничего в ней не понял. Надо будет попытаться разобраться в содержании — не обижать же автора. Вернее всего, моя проза (и прочее) не легла ему на душу, не побудила к размышлениям, потому и приводит Геннадий Петрович в своём тексте большой отрывок из какого-то чужого письма (опубликованного в интернете), который ко мне не имеет никакого отношения. Да, современные реалии старательской жизни могут быть ужасны. Но ведь я в своих повестях (давнишних) ставил совершенно иные цели, решал другие задачи.

Как мощно за один день «вспухла» река, поднялась, надавила на берега. Скоро начнётся паводок.

В новостях два главных события на Украине: убийство в центре Киева бывшего депутата нашей Государственной Думы Дениса Вороненкова (из России бежал после возбуждения против него уголовного дела за рейдерский захват здания в Москве), который много чего гадостного про свою страну и Путина местным СМИ наговорил, и пожар на крупнейшем складе артиллерийских боеприпасов Украины недалеко от Харькова. Гремят взрывы, всё полыхает, но жертв удалось избежать. Этот пожар наводит на некоторые мысли. Если склад так близко находился возле Донбасса, то почему его не уничтожили раньше какой-либо диверсионной группой, а терпели бесконечные обстрелы городов, гибель людей. Ведь наверняка украинские артиллеристы получали боекомплект именно там, под Харьковом... И вот, как утверждают — десятки тысяч тонн, непрерывно рвутся весь день и, видимо, не скоро всё это завершится.

28 марта

За прошедшие дни отвёз новую подборку документов в архив. Пухнет там мой фонд.

Департамент культуры города в Усадьбе Рукавишниковых устроил приём в честь Дня работников культуры и Дня театра. Играл оркестр Кузнецова, педа незнакомая мне певица — да всё тема песен о замечательной России — самой доброй, умной, красивой. Можно ли было представить в нулевые годы нового тысячелетия, что нечто подобное будет происходить в недалёком будущем? И вот — происходит. Ещё к тому же как само собой разумеющееся. Прозвучали и две песни нижегородского композитора Германа Николаевича Комракова. В молодости я слышал это имя. Из выступлений (официальных) отмечу слова министра С.А. Горина.

— Я пока сидел — голова работала, мысли двигались.

И надо сказать, в правильном направлении мысли двигались, раз задался Сергей Александрович вопросами — кого же мы вырастим, если наши люди будут только смотреть передачи Малахова (с их криком и склокой) или «Комеди Клуб» (с пошлостью и омерзительными шуточками на темы «ниже пояса»)?

Конечно, только настоящее искусство возвышает человека. И тут не обойтись без литературы. А как к ней относится наше министерство культуры?.. Лучше рану в сердце не тревожить.

Подсел ко мне во время концерта режиссёр Лев Серрапионович Белос. Время — как оно безжалостно к людям. За столом подняли стаканы с сухим вином с Цирульниковым, Шамшуриным, Шиховым, Воронцовой...

да много с кем из героев этого дневника. Дай Бог им всем здоровья! Вне зависимости от отношения ко мне.

Пришло доброе письмо от Анатолия Дмитриевича Степанова («Русская народная линия»). Как греют душу добрые, сочувственные слова талантливого, мудрого человека.

29 марта — 4 апреля Сочи

Только вышел из аэропорта, как сразу узнал особый запах Сочинского воздуха, знакомый с молодости: смесь запахов моря, южных растений, сохнувшей и одновременно новой растущей тропической травы.

Отель «Сочи Парк» оказался большим комплексом, где на огороженной территории расположились двенадцать восьмиэтажных гостиниц, бассейны, пруды с рыбами и утками, рестораны и прочее, прочее, прочее. Удивило множество детей, которых привезли родители с собой (от совсем маленьких до лет пяти). А ещё говорят, что русские перестали рожать. Для детей построены детские городки.

После обеда (шведский стол, хорошая кухня) посмотрел окрестности. Рядом с нашим комплексом построено ещё несколько кварталов отелей-городов (так они сами себя обозначают) — в полноценный городской микрорайон. Гостиничные дома (на особых огороженных и охраняемых территориях) однотипны, ухожены. Словно созданы для праздника, для ощущения успеха у тех, кто в них проживает. Всё это возникло на пустошах, заброшенных болотистых землях. Отчасти на угодьях совхоза «Россия». Под строительство олимпийских объектов пошла земля одной деревни староверов. Для её жителей построили специальный коттеджный посёлок. Я на него набрёл на следующий день, идя к морю. Удивили названия улиц: Старообрядческая, Общинная. Над одним одноэтажным продолговатым (но небольшим) домом на крыше православный крест. По соседству стройка (заброшенная) уже каменной церкви, над которой такой же семиконечный, потемневший от непогод, временный деревянный крест. На первом доме официальная вывеска: «Древле православная церковь Успения Пресвятой Богородицы».

Вечером засмотрелся на небе тонюсеньким серпом месяца в слегка обозначенном круге Луны.

Утро солнечное. Смотрю на горы. Снежные вершины уходят вдоль моря в сторону Абхазии, в те края, куда лет двадцать назад я так часто ездил. Зацепившиеся за скалы облака «грязны», по сравнению с первозданной белой дымкой дальних снегов. Побелённые в распадках склоны гор напоминают виды из знаменитых туристических буклетов.

Выхожу на набережную. Она устроена для прогулки, для езды на велосипедах, электромпедах. И тянется в обе стороны куда-то далеко. По ней праздно шатаются толпы людей, бегают и катаются дети.

Море шумно грызёт берег, пережёвывает в волнах крупную гальку.

После обеда по набережной дошёл до Абхазской границы. Тут цивилизация и заканчивается. Металлические высокие заборы с нейтральной полосой посередине. Думаю, это осталось ещё от Грузии. Сейчас граница для пересекающих её людей — дело довольно условное.

В первый же день, гуляя по набережной, не заметил, как солнцем «сжёг» себе лицо — оно стало пылающе-красным. А ведь вроде бы ничто не предвещало такого исхода.

Олимпийский парк — большущий участок земли, где построены спортивные арены для проведения Зимних Олимпийских игр 2014 года. Все каких-то неестественно циклопических размеров. Прошёл его дважды в разные дни. Рассмотрел, насколько это было возможно, с перехода над ней ночную трассу «Формулы 1». Но главное представление в Олимпийском парке — часовой фейерверк свето-музыкального фонтана на гигантской круглой главной площади флагов у огромного Олимпийского факела. Невольно подумалось — какие немыслимые средства человечество тратит не на образование и медицину, а на игрушки, развлечения:

спортивные соревнования, музыкальные конкурсы и прочую дребедень. Ведь вот и шоу фонтана (уверен — сложнейшее техническое научное изобретение) чем наполнено? Трансляцией песен зарубежной и отечественной попсы. Только в конце немного классической музыки. И сразу соединение истинного искусства и высочайших технологий дало неповторимый эффект — танцы фонтанов, выстреливание воды на шестьдесят метров вверх, игла цвета под водой, великолепное звучание тронуло до волнения в сердце. Всё это происходит на фоне тёмного неба всё с тем же серпиком Луны (звёзд не видно).

Пошёл вдоль моря в сторону аэропорта, Адлера. Забавный пёс (дворняга), явно играя на зрителей, лает на бьющие в берег волны. Пёс скачет по валунам, хватая пастью летящие на берег брызги и осторожно косясь, посматривает на людей (зрителей) на набережной, ожидая подачки. Похоже, этот фокус дворняге не раз удавался, за что и получал что-то вкусненькое. Я пожалел, что ничего для него не захватил из ресторана (не знал) — пёс, безусловно, за выдумку заслуживает награды.

Эта часть набережной не жилая, тут нет отелей, ресторанов. Только территория Олимпийского парка через дорогу, в некотором отдалении. От моря она защищена насыпью из громадных валунов наколотых кусков горной породы. Похоже, что во время штормов сюда приходится наиболее сильный удар стихии. А какой силы он может быть, я знаю. Отдыхая лет восемнадцать назад в Адлере, я из частной гостиницы ходил к морю по тоннелю под железнодорожными путями. Он выходил в сторону моря на высоте метров пяти. Далее по ступенькам нужно было спуститься на берег и ещё несколько десятков метров приходилось идти до воды. Было это в сентябре. Когда же через три месяца, 3 января я приехал на это же место и хотел по тоннелю пройти к морю, то его не оказалось. Вся бетонная «труба» была забита прибрежной галькой до потолка. Да так плотно, как фарш в колбасе. Какая же сила всю эту каменную массу подняла и вбила в пространство тоннеля!

Пустынность набережной скрашивает современная скульптура. Почему это уродство называется скульптурой, я понять не могу. Лишь один «объект» вызывает некоторую симпатию — выточенная из гранита «отточенная» морем раковина рапана. Я сам такие собирал на побережье Нового Афона.

Уснул днём в номере. Проснулся внезапно, будто от стука в дверь. И первое, о чём подумал — мне шестьдесят лет, как мало времени осталось впереди. И так стало невыносимо горько!

Сегодня море протяжно урчит долгой, неспешной волной, выплеснутой на каменистый берег. Ближе к посёлку (за Олимпийским парком, по побережью) в море недалеко от берега расставлены на шестах рыбацкие сети — точно так же, как я это видел на Белом море.

На набережной, которую прошёл всю от начала и до конца (говорят, что её длина шесть километров — похоже), довольно затрапезного вида парни предлагают сфотографироваться с крохотными обезьянками, большими пёстрыми попугаями и даже со львёнком, больше напоминающим переросшего дворового рыжего кота, но никто с ними не фотографируется. Одна настойчивая девушка всё-таки посадила попугая мне на плечо, и он тут же начал осторожно клювом тереть мне ухо.

— Это он целуется, — засмеялась девушка.

Но я всё равно фотографируваться не стал. Выключенный телефон оставил дома — чтобы здесь никто не доставал проблемами. С хороши-ми-то известиями звонят крайне редко.

В «Российской газете» № 63 (7229) от 27 марта 2017 года (взял в аэропорту при вылете из Нижнего Новгорода) прочитал в колонке Павла Басинского «Горький без купюр»:

«Мы пеняем Горькому соглашательство с диктатурой Сталина, поездку на Соловки и организацию коллективного писательского сборника о строительстве Беломорско-Балтийского канала. Но не задумываемся

над тем, почему такие претензии не предъявляем, например, Бунину. Да потому что Бунин, будучи гениальным прозаиком, строго говоря, в жизни ни в чём не участвовал, кроме своей писательской судьбы. Да, непростой. Да, одинокой. Да, драматической. Но всё-таки только его, Бунина, писательской судьбы. Даже с русской эмиграцией у него были натянутые отношения, а если что нужно было, те же эмигранты за помощью обращались к Горькому, пока он жил в собственном особняке в Сорренто. И молодые советские писатели, будущие классики, не к Бунину целыми группами ехали, а к Горькому, уж в тридцатые годы другого заступника за писателей, художников, научных работников, кроме Горького, просто не было.

А Горький, и в этом драма его судьбы, всю жизнь отвечал не только за самого себя. Он добровольно взял на себя роль «моста» из девятнадцатого в двадцатый век. Только Горький мог одновременно вести переписку и по-своему дружить с Лениным и Розановым.

Только Горький мог встречаться со Львом Толстым и Иосифом Сталиным и вести с обоими вменяемый разговор. И понимать обоих. Правильно, неправильно, но понимать. И не просто размышлять об этом, но — действовать. Организовывать журналы, газеты, издательства, научные и культурные институты. А вот Союз писателей, кстати, не Горький создал. Но ответственность всё равно ведь будет лежать на нём.»

1 апреля 2017 года на семьдесят пятом году жизни в США скончался Евгений Евтушенко. Похоронен будет, согласно воле поэта, в Переделкино. И тут сказывается раздвоенность Евгения Александровича, либо расчётливость. Жить, после той вакханалии, в устройении которой и он принимал участие, было удобнее, спокойнее, сытнее в США. Да только кто же его там после смерти будет помнить? А так — поближе к Борису Пастернаку, к «отеческим гробам». Глядишь — для литературной памяти и пригодится.

Позже сообщили — Евтушенко завещал похоронить себя «около Пастернака». Как я его точно разгадал! Да и не сложно это было. В приспособленчестве и выгодничестве Евтушенко довольно примитивен — восхвалял Сталина, прислуживал Хрущёву и Андропову, написал поэму «Мама и нейтронная бомба», писал поэмы о революционерах по всему миру. И всех в итоге предавал.

Стою на берегу. Волна обрушивается, и уходя тащит за собой камушки. Сквозь шипение воды слышится их частое, звучное пощёлкивание. Вкусный звук ударяющихся друг о друга спелых грецких орехов — только звонче, отчётливее, резче.

Море накатывает волнами то тише, то сильнее. Запах свежести с олоноватой горчинкой стоит в воздухе, что холодит лицо.

Нашёл два белых камешка (что за минералы — спрошу у Коломийца) не совсем правильной шарообразной формы. В ладони их перекатывать приятно. Приятно ощущать тяжесть, ощупывать гладкие, отполированные морем бока. Заберу с собой в Нижний. Дома буду слушать их пощёлкивание, когда в ладони они ударяются друг о друга, и вспоминать эти дни.

Шёл назад, встретился взглядами с лъвёнком, и в звере немедленно проснулся хищник — насторожился, приготовился к прыжку.

3 апреля 2017 года. В метро Санкт-Петербурга на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт» взрыв самодельной бомбы. Погибло 11 человек, более 50 ранены. Совершил смертник — узбек из Киргизии.

Вылетаем из Сочи в восемь часов вечера. Номер в гостинице освободили в двенадцать. Осталось свободных шесть часов. Решили разыскать хозяйственный магазин, и набрали на центр совхоза «Россия». К нему вела аллея из старых высоких кипарисов — деревья росли вдоль тротуаров с каждой стороны дороги по два ряда. Невольно вспомнились старинные кипарисы Нового Афона. Там эти деревья просто огромны.

В самолёте дочитывал роман Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы». Думал, лёгкое чтение, а оказалось, серьёзное произведение. Рассуждения Саймона в разговоре с Чарли Мейсоном стоят того, чтобы их выписать: «Уже давным-давно решено, что единственная стоящая свобода — это свобода поступать по справедливости, а что справедливо, решает тот, у кого сила. Справедливость — это идея, рождённая общественным мнением и предписанная законом, но общественное мнение создают те, у кого власть, они и навязывают свою точку зрения, а могущество закона опирается на силу».

«Демократия — пустая выдумка. Неосуществимый идеал, которым пропагандист размахивает перед массами, как машут морковкой перед мордой осла. Эти знаменитые девизы девятнадцатого века — свобода, равенство, братство — просто чушь. Свобода? Массы не нуждаются в свободе, а получив её, не знают, что с ней делать. Их обязанность и их удовольствие — служить; только таким образом они обретают уверенность в завтрашнем дне, а это и есть их сокровенное желание».

«Толпой, этим орудием вождей революции, движет не разум, а инстинкт, она поддается гипнозу, и лозунгами её можно довести до неистовства; она единый организм и потому равнодушна к смерти в своих рядах; она не ведаёт ни жалости, ни милосердия. Она с радостью разрушает, потому что, разрушая, осознаёт свою силу».

Спрашивается — ну и что изменилось в двадцать первом веке?

6 апреля

Вернулся почти в зиму. Оставшиеся сугробы (пусть и немногочисленные) тают неохотно. Земля пуста, гола, темнеет запылённой, грязной высохшей прошлогодней травой. На деревьях почки даже не набухли. Это не пальмы в Сочи и трава на газонах, которую уже стригут машинками с утра до вечера.

Новости от Чугунова. В Италии (г. Бари) издана его книга — роман «Мечтатель». На переведённый роман автором переданы издательству на десять лет (по договору). Подарок отцу Владимиру на его день рождения (сегодня).

Моя книга (всё-таки остановились на названии «Лестница») свёрстана и передана для прочтения корректору. Меня не оставляют сомнения по поводу её качества.

— Конечно, там есть корявости, видно, что какие-то вещи написаны давно, но это не раздражает, — успокоил меня отец Владимир.

8 апреля

По всем каналам показывают кадры теракта в Санкт-Петербурге — уже который день! Такое впечатление, что информационные программы используют трагедию для поднятия своих рейтингов. Как и политики всех мастей — организовали и провели митинги солидарности с петербуржцами по всей стране. Сегодня вторая волна подобных митингов. Узнал об этом идя в Союз писателей (решил поработать над текстом книги Татьяны Фёдоровны Дёминой). Улица Рождественская у Блиновского пассажа перекрыта милицией. За ограждениями толпа, которой со сцены «местный политический бомонд» орёт в громкоговорители, что «мы едины» и «террористам нас не запугать».

Во-первых: если не запугать, так чего же вы попрыгали за ограждения, кордоны милиции, рамки металлоискателей (обойти этот участок улицы никак невозможно — пришлось пройти и через рамку, и быть обысканным полицаем после неё)?

Во-вторых (и это главное) — неужели устроители всего этого не понимают, какую рекламу делают террористу, совершившему взрыв? Ведь именно для этого им и были убиты невинные люди. Теперь следующему кандидату — смертнику объяснят: «Хочешь, чтобы о совершённом тобой недели говорили все каналы, а по всей стране от Владивостока до Кали-

нинграда шли митинги — иди и взорви бомбу, станешь героем». А что может быть важнее для поколения, воспитанного на самолюбовании, на селфи, лайках, количестве просмотров в интернете?

Как же в России всё бездумно, казённо делается. Впрочем, и Европа от этого далеко не ушла. Вчера в Стокгольме машиной давили людей в центре города. После Ниццы, Берлина, Лондона это четвёртый подобный случай за последние месяцы. За рулём машины узбек. Четыре человека погибли, пятнадцать ранены. Это становится похожим на какое-то хобби среди радикалов-мусульман.

Есть сегодня и иное печальное известие: на 86-м году жизни умер лётчик-космонавт Георгий Михайлович Гречко — человек с не сходящей с лица улыбкой.

И напоследок — арестован за многомиллионные взятки глава Удмуртии. Это (опять же) четвёртый действующий глава региона (после республики Коми, Сахалинской и Кировской областей). Удивительно — почему в своём стяжательстве люди не имеют предела, тормоза? Страшный порок. Каким же долгим они представляли себе свой земной срок, что предпочли накопительство сотворению добрых дел?

Виктория Старикова пришла с предложением опубликовать авторов из Европы, пишущих на русском языке. Посоветовал ей собрать тексты, и если среди них будет что-то интересное для «Вертикали. XXI век», можно будет и напечатать.

Вообще, любопытно посмотреть, что пишут, о чём думают в Старом свете. Только боюсь — это всё наши соотечественники, переехавшие «за кордон» в последние 20-30 лет после падения «железного занавеса». Но и у них могут быть интересные наблюдения.

Звонил Геннадий Александрович Курсков — замечательный пианист. У него вышла книга стихов (как я понял, это некий эксперимент со словом, с его звучанием, а не смыслом). Хочет прийти, подарить книжку. И поговорить — как быть дальше?

— Как вырваться из того угла, куда меня загнали? Столько музыки записал, написал статей, по шесть часов в день работаю концертмейстером. И за всё это в городе ко мне полное равнодушие. Никакой поддержки: зарплату платят мизерную, а у нас дочь инвалид. Надо уезжать отсюда, бежать...

Ох, сколько мне пришлось слышать подобных жалоб от творческих людей. Я их полностью разделяю, но чем помочь, как изменить ситуацию — не знаю. Бежать из города? Да кому мы нужны... и где? Нет, в творчестве каждый сам должен устраивать свою судьбу.

На поддержку этой деятельности в России выделяются в общем-то немалые деньги. Но пользуются ими те немногие, кто ближе к кормушке. Возможно, так было всегда — не знаю. Но теперь это исключительно личное дело тех, кого Бог наградил или наказал этим служением обществу.

А что народ без собственной музыки, литературы, живописи, театра?.. Пыль под ногами других наций.

15 апреля

Циклон, что завалил снегом сначала Питер, затем Москву, сегодня, хоть и значительно ослабший, дошёл и до Нижнего. Припорошил землю лёгким снежком, подморозил тротуары.

Днём пошёл к себе, чтобы внести последнюю правку в «Мои воспоминания» Татьяны Фёдоровны Дёминой, которые буду издавать. Как много удивительно интересного кроет в себе всякая человеческая жизнь. Какие замечательные образы встают из небытия — простых русских крестьян. Нелегка прожитая ими жизнь. Но, видимо, большой заряд истинной доброты был в неё заложен, если вспоминая давно ушедшее, автор относится к этому прошлому с подкупающей читателя любовью.

Но как всё-таки тяжела женская доля. Это совершенно иной, непонятный для мужчин мир. И ведь за всю жертвенность они хотят лишь

одного — разделённой любви, взаимности.

Как же настрадалась русская деревня за прошлый век! А мы ещё удивляемся — почему она вымирает. Нужно дивиться обратному — как она до сих пор жива.

На Пасхальном богослужении в Староярмарочном соборе. Медленно, будто издалека пробивается успокоение и покаяние в душу. Хочется забиться в тихий уголок, и отстранившись от всего, только и слушать пение хора. И не вспоминать, что жуткий взрыв смертника сегодня близ Алеппо в Сирии унёс жизни многих десятков людей. А перед этим в Египте взорвали православные храмы Коптской церкви. Но здесь сейчас в соборе горят свечи, молятся люди, священники ведут службу. И истинно начинаешь верить, что зло победило... В первую очередь, в самом себе.

Возвращался домой под холодным и непривычным, неузнаваемым ночным небом. Чистая синева, в которой горят звёзды, и свет их не в состоянии заглушить уличные фонари. Низко над крышами домов несутся, гонимые высотным ветром, лёгкие, просвеченные звёздным сиянием облака. И кажется, что всё это не из нашей, иной, незнакомой жизни.

Несколько раз останавливался, зачарованно смотрел вверх.

Мы говорим, что должны достичь примирения со своими врагами здесь. А мы уверены, что это примирение будет действовать там, «за чертой»? И прощённые нами здесь, там вновь не будут подлы, нечестны, безнравственны?

22 — 27 апреля Москва — Санкт-Петербург

Москва встретила дождём. Но нужно было встретиться с Алексеем Фёдоровым по поводу подготовки специального выпуска «Вертикали. XXI век», посвящённого 80-летию перелёта экипажа В.П. Чкалова из СССР в США через Северный полюс. Издание затеяло наше землячество в столице. Вернее — Виктор Александрович Карпочев, без решающего участия которого ничего состояться не может.

Р.И. Чарыков чуть ли не через день шлёт новые варианты текста статьи — я их даже читать перестал. Жду, когда Рэм Иванович поставит окончательную точку.

С Алексеем встретились на Сухаревке. Попытались спрятаться от дождя в местной чебуречной — да куда там. Пьяный шум, бестолковая ругань... Так и спустились опять в метро. Там переговорили, обменялись новостями.

Вечером Николай Офитов прочитал вслух черновик большой статьи к моему 60-летию. Конечно, много комплиментарности. Всё это слушать самому о себе неловко. Но «внешне» статья вроде бы получилась, концы сведены, многие мои книги и произведения названы. Чувствуется, что перед написанием много автором было перечитано, обдуманно. Но как часто уже было — на слух кажется всё хорошо, а начнёшь читать — и видишь массу неловкостей, стилистической грязи...

В «Сапсане», когда половина дороги до Питера была уже преодолена, с тоской глядел в окно на заснеженные леса после того, как проехали Бологое. Такое впечатление, что весна здесь ещё и не начиналась. Но в Северной столице оказалось сухо, солнечно.

До того, как устроиться в гостиницу «Аглая» (уже знакомую мне), на улице Разъезжей более часа гулял по центру в районе Загородного проспекта: выходил на мост Ломоносова над Фонтанкой, на улице Рубинштейна набрёл на памятник Сергею Довлатову. Писатель стоит, облокотившись о косяк двери у порога собственной квартиры (№ 34), рядом на журнальном (гранитном) столике пишущая машинка «Ундервунд», закрытая чехлом. К двери прикреплены три записки (бронзовые) с высказываниями Довлатова. Высказывания, правда, так себе — без изысков.

Во второй половине дня встретился с Андреем Ребровым, Игорем Смолькиным, Вадимом Терёхиным. Игорь рассказал, какое хорошее

впечатление произвёл на него Юрий Поляков, приехавший во Псков представлять свою новую книгу. И теперь Смолькин готов поддерживать его кандидатуру на предстоящих выборах нового председателя Союза писателей России.

24.04. В «Доме писателей» конференция, приуроченная к «Всемирному дню книги и авторского права». Из того, что говорили выступающие, отметил для себя:

Андрей Григорьевич Шамрай, директор АНО «Петербургские медиа-проекты»:

— 1 сентября всем первоклашкам от губернатора дарят 3 книги (о Санкт-Петербурге, классическая сказка, по истории). Акция проводится уже шесть лет. Цель — приучить детей к книге, к чтению с раннего детства. Положить начало формированию их собственной библиотеки.

— Открыты отделы русской книги (где представлены произведения питерских авторов) в Салониках и Александрополе (Греция), в Сербии, в Минске. Ведутся переговоры с Болгарией, Словенией по открытию и у них подобных отделов в книжных магазинах.

Евгений Валентинович Лукин (новый директор «Дома писателей») добавил, что в Симферополе в эти дни открывается Большой центр книги (переоборудовано какое-то старое здание). Вся эта работа идёт именно через «Дом писателей». В том числе и с местной «Книжной лавкой писателей» на Невском проспекте.

Ну а во главе всей этой работы стоит (и финансирует) Комитет по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга (председатель Сергей Григорьевич Серезлеев).

Пометки из выступления Ольги Пуссинен (Хельсинки):

— Венская конвенция по защите авторских прав действует с 1886 года.

— Авторские права защищены 70 лет после смерти автора (для наследников). Далее можно использовать произведения без выплаты вознаграждения наследникам.

Нэлли Мельц (Таллин).

Не помню, отметил ли в прошлом году (а она тоже выступала), но если и да, то повторю — очень любопытный вариант целевой помощи местным писателям в Эстонии: Фонд авторского вознаграждения выплачивает авторам (и переводчикам, составителям книг и сборников) суммы, согласно учёту библиотек востребованности того или иного произведения. Чем чаще книгу запрашивают, тем больший гонорар начисляется и выплачивается (по результатам года) автору. Суммы не вот уж большие, но всё-таки...

После обеда ко мне в номер пришёл Ребров, следом Николай Коняев, позвали Игоря Смолькина и Вадима Терёхина (Калуга). Николай Михайлович сказал добрые слова о моей книжке «Говорящее дерево», подарил здоровенный том «Лихие и святые девяностые». Это продолжение книги «Застигнутые ночью», которую я прочитал в 2015 году на одном дыхании — дневниковые записи, оформленные в виде коротких рассказов. Отдарились «Памятью сердца» и выпусками № 49, 50 «Вертикали. XXI век».

За ужином (ресторан в нашей же гостинице) вновь всплыл вопрос о предстоящих выборах главы Союза. Вадим Терёхин хочет выставить свою кандидатуру, просит поддержки у питерцев, но, кажется, пока не находит.

С каким облегчением я наблюдаю это и думаю, как далеко отстранился от всей тщеславной суеты. И никто меня не тревожит, не теребит, не втягивает в дразги и разборки.

Приехал Дмитрий Мизгулин — приветлив, высок, загорел. Я много видел изящно изданных его книг, читал хорошие его стихи. Нас знакомят. В ответ:

— Много слышал о вас, рад познакомиться.

— И я рад увидиться.

Пока распивали вино, Мизгулин немного рассказал о себе (отвечая на вопросы):

— От бизнеса полностью отошёл. Принадлежавший ему завод (оборонный, как я понял) продал. Осталось несколько магазинов, которые сдаёт в аренду. Изготовил из бронзы большой бюст Ф.И. Тютчева. Но установить не может. За это требуют взятку в несколько десятков миллионов рублей. Так и хранится памятник в хозяйственном помещении его личного дома. Таковы циничные реалии нашего времени.

Вечером все умело «растворяются», и я остаюсь один с «проблемным» Андреем Ребровым. Теряемся у памятника А.С. Пушкину на Пушкинской улице.

Выхожу на Невский. Поздний вечер. Проспект празднично блещет подсветкой зданий и долгой цепочкой фонарей, фарами проносащихся машин. Суетлив зазывающими рекламщиками, плакальщиками-попрошайками (с первого посещения Ленинграда их помню!), грохотом уличных рок-ансамблей.

Прошёл весь Невский от Площади восстания до Дворцовой и обратно до гостиницы. Потрясающей красоты послезакатное небо над Зимним дворцом, Стрелкой Васильевского острова: бирюзово-изумрудно-голубое. И все цвета нежнейшие, тонкие, чуть уловимые.

И вдруг одинокая, ночная белая чайка пролетает молча над почти пустынной площадью мимо подсвеченной колонны Александрийского столпа.

Изумительный город из какого-то иного, сказочного, не бывшего времени.

25.04. Завтракаем в гостинице с Игорем Шумейко (как и в первый день). Подарил мне Игорь Николаевич один из номеров красивого глянцевого журнала «Мужская работа». Ещё один номер этого журнала оставил у меня в номере вчера Ребров. Там беседа с Юрием Кублановским: «В 90-е годы все эти так называемые «чикагские мальчишки» и дали народу это право — право на бесчестие. И нынешнее повальное воровство, коррупция и бессовестность многих (слишком многих!) — всё это результат тех процессов, которые зародились тогда, в 90-е, когда лозунг «Обогащайся!» стал главным принципом, и о совести вообще уже люди перестали говорить и, кажется, даже думать» (МР № 58, 2016 г., стр. 11).

«Ещё живя на Западе, я старался читать перестроечные газеты... В отличие от нынешних времён, тогда пресса российская продавалась в киосках... Теперь-то всё абсолютно отрезано, и западный обыватель живёт исключительно тем, чем его кормят конъюнктурщики-журналисты... Не хотел, чтобы после того, что испытала Россия в XX веке, она становилась прямо на рельсы западного потребительского общества. Не для того были нами принесены в XX веке такие жертвы, чтобы наступать на те же грабли, на которые, как мне казалось, наступал уже тогда Запад... Те страшные кризисные проблемы, которые сейчас стоят перед Западной Европой, я уже тогда предвидел» (МР № 58, 2016 г. Стр. 6).

В подаренном номере статья Игоря «Шпицберген — наша норвежская земля». Меня эта тема давно интересует. Попытаемся посотрудничать.

До поезда сделал круг (со стороны гостиницы) по солнечному, почти жаркому Питеру. Прошёл к БДТ.

26.04. В Москве с Офитовым совершили просто грандиозную прогулку. Приехали на Воробьёвы горы, и от метро пошли вдоль реки по набережной сначала до Андреевского монастыря (зашли в библиотеку РПЦ, проверил наличие своих книг и журналов, подарил новые — нужно будет доукомплектовать недостающими экземплярами. Заглянули в комнату фестиваля «Золотой Витязь», но ушли не задерживаясь — Николай Буряев записывал какой-то видеосюжет), затем далее по набережной, до пешеходного моста на Фрунзенскую набережную.

Интересно было наблюдать за утками — одинокие селезни, определившиеся парочки — во всём свой смысл, своя логика отношений.

Перед зданием Министерства обороны четыре скульптурные композиции. Две, посвящённые двум мировым войнам, мне показались интересными. Но они в глубине, на лестнице главного входа, за оградой.

Первую остановку «в пути» сделали на Гоголевском бульваре, у памятника М.А. Шолохову. Так по бульварам и дошли до Цветного в редакцию «Нашего современника», к Александру Казинцеву.

С Александром Ивановичем обсудили наши дела, обменялись книгами и журналами. Как-то не очень у меня складывается сотрудничество с «Нашим современником».

Вечером за чаем у Николая Викторовича все дивились — какой же большой маршрут мы одолели. И он молодчина — выдержал весь путь без внешней усталости.

27.04. Еду домой. Уже знаю (по звонкам) — дел, требующих быстрых решений, накопилось много. Это несколько будоражит сознание. Успокаиваю себя чтением книги Анатолия Карпова «Сестра моя Каисса» — нашёл в обширной библиотеке Офитова.

«Возвращаясь из Стокгольма чемпионом мира среди юношей, я не строил розовых планов насчёт своей дальнейшей шахматной карьеры. Потому что знал: ни одну чиновную дверь мой успех не откроет. Таковы во все времена были нравы в этой среде. Если ты принадлежишь к какому-то клану, если в тебе заинтересованы — все твои дела решаются своевременно и просто. Если же ты сам по себе (...самостоятельный и с характером, что мало кто любит: я не хотел поводыря, не хотел слепо следовать на поводу — я предпочитал выбирать сам дорогу и попутчиков)... то сколько препятствий оказывается на вроде бы простой и ровной дороге...»

Ну вот, а я удивляюсь, почему мои дела не поддерживают, не оценивают, не принимают мою жертву.

Скольким уже пришлось пройти этот путь!

28 апреля

Общество «Двуглавый орёл» в областной библиотеке организовало встречу заинтересованных людей с Леонидом Решетниковым и Петром Мультигули. Первый — бывший разведчик (с его слов), второй историк, автор книги «Свидетельствуя о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование». Меня руководитель общества пригласил вчера вечером, и откататься я не смог. Да и Коломиец пообещал принести на эту встречу прочитанный текст статьи Чарыкова о Чкалове.

Пробыл немногим более часа, выслушал выступления обоих гостей. Был удивлён неглубокостью, риторичностью их выводов и утверждений. Призывы «нам нужно создать новую идею для страны» — правильны. Но докладчики ни одной конкретной оригинальной мысли не высказали. И уж совсем какая-то мешанина в исторических оценках. Особенно советского периода. Но не только...

Утверждать, например, что «мы никогда друг друга не уничтожали — только в гражданскую войну» — некорректно. А установление государственности Иваном Грозным, а восстание Пугачёва... Да хоть уничтожение «дворянских гнёзд» в начале XX века. И тут мы не хуже (как нам пытаются внушить) других — в любой стране таких примеров предостаточно — но и не лучше.

Утверждать, что люди не вступились за КПСС в начале 90-х годов, потому что больше не верили в партию — по-моему слишком поверхностно и банально. Они не вступились, потому что партия давно не жила их чаяниями и заботами, потому что они были элементарно голодны и озлоблены, наконец, потому, что пять лет на них выливали-выливали неимоверное количество негативной информации (да и просто лжи) об их стране и о них самих.

И уж совсем не могу согласиться, что белое движение сражалось за «святую Русь» (а значит, за монархию). Оно было насквозь «демократично»

— потому США с Европой и помогали ему материально. Яркий тому сегодняшней пример (на мой взгляд) — гражданская война в Новороссии.

В общем — это выступление не рассчитано на людей думающих, знающих, а значит, и объединить какую-то достойную социальную группу людей оно не сможет. Потому и вопросы гостям из зала начали задавать до примитивности скучные. На таком же уровне следовали и ответы-рассуждения.

Я ушёл.

30 апреля

Уже XVI Пасхальный Фестиваль Валерия Гергиева. Симфонический оркестр Мариинского театра открыл выступление «Вальсом» Мориса Равеля. Продолжил «Кольбельной» и «Финалом» из сюиты из балета «Жар-птица» Игоря Стравинского, а закончил «Симфонией № 8» Антона Брукнера. Удивительно красивая, гармоничная музыка. Я временами куда-то «улетал». Но неизменно «возвращала на землю» соседка слева, которая весь концерт что-то писала, потом «листала» в своём телефоне, потом вдруг начинала им снимать оркестр, и прочее, прочее, прочее... Вроде бы и женщина в возрасте, а вот тоже подвержена молодёжной «болезни» мобильного интернета.

3 мая

Вновь в филармонии, на тех же местах. Пасхальный фестиваль продолжает камерная программа. Лариса Гергиева представляет певцов из руководимой ей «Академии молодых оперных певцов Мариинского театра». Для памяти перечислю их тут всех: Антонина Весенина (сопрано), Виктория Ястребова (сопрано), Юлия Маточкина (меццо-сопрано), Илья Селиванов (тенор), Григорий Чернецов (баритон). Лариса Абисаловна каждого из них довольно подробно представила. Рассказала и об академии, куда стараются привлекать подающих надежды оперных молодых (начинающих) певцов со всей России. Мариинский театр предоставляет им уникальную возможность для развития, самоусовершенствования.

В театре три сцены, порой на них идут по два спектакля в день, и потому певцы разучивают много партий, принимают участие в представлениях, гастролях, конкурсах.

Пасхальный фестиваль Валерия Гергиева развивается: теперь кроме симфонической музыки в нём принимают участие мастера колокольного звона, камерного пения («В прошлом году мы побывали в семи городах, в этом уже в пятнадцати»).

Признаться, я не сразу «вошёл в концерт». Какое-то время привыкал что ли — и сам не пойму. Но затем музыка (прекрасный аккомпаниатор за роялем), чистейшие голоса (на языке оригинала исполнялись арии из опер, были и арии из классических и современных русских произведений, романсы прошлых веков и песни военного, советского времени), искренность исполнителей покорили зал. Я и сам давно с такой теплотой в сердце не воспринимал пение со сцены.

И вот во время концерта, в какой-то момент растроганно (и совершенно неожиданно для себя) подумал: скоро мне шестьдесят лет, и ведь во всей моей жизни большое зло так меня ни разу и не настигло. Были обидные, горькие несправедливости в отношении меня (их-то я и принимал за зло), были разочарования в людях, которых считал близкими... Но неизмеримо больше было тех, кто по воле Божией нёс мне добро (не всегда, если быть справедливым до конца, мною заслуженное), помогал и оберегал в жизни. И нужно быть духовно слепым, чтобы не видеть в этом явного высшего руководства.

Но почему эти мысли и ощущения мне пришли именно во время концерта — вот непостижимая загадка.

Господи, так хочется верить, что несмотря на всё моё недостойство, ты и впредь не оставишь меня!

5 мая Бурцево

Отметили восемьдесят пять лет Киму Ивановичу Шихову небольшой компанией. В тесноватой комнате деревенского дома собрались: местный министр культуры Сергей Александрович Горин с супругой, бывший зам. главного редактора «Московского комсомольца» и бывший министр областного правительства Сергей Рогожкин с племянником (художник из Питера), да мы с Александром Фёдоровичем Важнёвым. Но общение получилось заинтересованным. Рогожкин, оказывается, едет в Воскресенское что-то решать с домом своих предков — много десятилетий бывших районными (земскими) врачами. Теперь никого не осталось. Устроить бы в доме музей, посвящённый местной интеллигенции, да кто сейчас на это выделит деньги. Районный бюджет пуст, а из областного центра такую инициативу разве поддержат.

Я рассказал, что видел подобный музей в Елабуге. Но там целенаправленно создаётся туристический центр. В этом отношении музей в Воскресенском может быть только местной инициативой.

Шихов по какому-то случаю (всё застолье он сидел в академической мантии и академической шапочке с кисточкой Международной академии культуры и искусства) вспомнил о своём отце, о том, что после десяти лет, в детстве и юности проведённых в монастыре, стал убеждённым атеистом (об этом есть в нашей с ним беседе «Ведомый роком»), на что Горин тут же ответил — «попы все не искренние» (мол, все они и сами не верующие).

В полемику по этому вопросу я вступать не стал, просто в очередной раз убедился, что люди больше всего любят рассуждать о том, что от них бесконечно далеко. Ну, кого из настоящих, искренних, думающих священников-служителей видел Горин, что он прочитал из святоотеческой литературы. Ведь судит о Церкви по митрополитскому административному аппарату. Да разве там может быть что-то живое? Но есть ведь и такие священники, как Владимир Чугунов, Евгений Юшков, к которым тянутся живые души. Такими как они живёт Церковь, а не приспособленческим административным аппаратом. Да Горину ли этого не знать? Потому я и промолчал, не ответил я на реплику.

На обратном пути довели меня попутчики до метро «Пролетарской». Доехал до Московского вокзала. Шёл домой, и так вдруг ясно вспомнил, как бегал тут мальчишкой, как задержал меня милиционер на площади Революции, как в другой раз какой-то «бдительный» подонок отвёл в милицееское отделение, и другая «правильная» милиционерша продержала там несколько часов — сколько же жестокосердных, бесчувственных, себялюбивых людей роится вокруг нас! И все эти эпизоды так ясно вспомнились — а ведь мне уже почти 60 лет. Детство и 60 лет — как бы я ни старался, никак не соединялись во мне. Вроде бы это относится к разным людям. Но странно — сегодняшние шестьдесят вроде бы намного меньше имеют отношение ко мне, чем те далёкие десять лет. Загадка!

7 мая

Ходили с Ириной в Гордеевку на пяточок за продуктами. Там продают хорошее свежее мясо. На обратном пути звонок Андрея Реброва. Услышал я его голос, и так обрадовался, как самому родному человеку. Андрей абсолютно трезв. Начал его убеждать совсем бросить пить. Отчаянно боюсь, что с ним может что-то случиться, что попадутся ему (во время очередного загула) злые люди, и далеко ли до беды?

Андрей просит прислать фотографию Анатолия Александровича Абрашкина, статью которого к моему юбилею хочет опубликовать в «Родной Ладое». Пообещал ему всё подготовить, и вновь попросил — береги себя, откажись от спиртного.

В праздничные дни с интересом читаю продолжение дневников Николая Михайловича Коняева. Просто не могу оторваться. Я-то в девяно-

стые годы записей не вёл, о чём уже многократно пожалел. Как бы этот дневник «смутного времени» сейчас был интересен. Коняев во время Приднестровского конфликта побывал в Тирасполе. Как же всё похоже на Донбасскую войну на Украине — буквально один к одному. Жертвы среди мирного населения, безжалостность националистов, русское сопротивление, которое сломить уже невозможно, создание непризнанной (но живущей) республики.

Или вот о дневниках убийцы Оптинских монахов. Жуткое свидетельство существования потустороннего зла.

8 мая

В новостях показывают, как Москву заваливает мокрым снегом, заливает дождём. Холодно, дождь и у нас. Но так как дни наперёд все заняты — поехал в Союз писателей проверять правку после корректора, вёрдовый файл книги «Лестница». Отец Владимир Чугунов звонил, напоминал об этом. Он хочет выставить книгу (электронный вариант) на «ЛитРес». Вот я и сидел, сверял, правил. Работа нудная, долгая. Первую часть книги успел проверить ещё до поездки в Питер. Сегодня одолел оставшуюся вторую.

Вечером читал четвёртую главу книги Александра Васильевича Мюрисепа — о Ефиме Давидовиче Табачникове. Глава длинная, но написано вполне живо (а как иначе — воспоминания молодости), с любопытными деталями того (60-е, начало 70-х годов ушедшего века) времени. Встречи с Вацлавом Дворжецким, поэтом Лазарем Шерешевским, отдых с Табачниковыми на Оке и прочее, прочее, прочее... Есть в воспоминаниях некоторая многословность, но она не утомляет. Всё сглаживается искренностью пишущего. И только начало главы (это уже традиционно) сконструировано. Всё там вроде бы есть, кроме живого импульса, внутренней свободы, естественности. Всё похоже на красивую, но не живую картинку.

Не хватает в книге (во всех прочитанных мною главах) «режиссёрской лаборатории» Табачникова, его рассуждений, высказываний, оценок о театре, актёрском мастерстве, о рождении спектакля, сначала в голове, в душе режиссёра, а затем и на сцене. Не столько внешняя канва, а именно это должно быть главным в книге.

9 мая

Позвонил Мидов. Голос у Николая Павловича ничего, бодрый. Говорит, что побывал у себя в мастерской (поднялся на шестой этаж не без труда, с остановками на отдых) и воспрял духом. Конечно, всё самое важное в его жизни свершилось там. Потому туда и тянет.

По телевизору целый день о параде на Красной площади, шествии Бессмертного полка (в Москве установлен рекорд — 800 тысяч человек приняли участие) по всей России и во многих городах мира, приёме в Кремле ветеранов Великой Отечественной войны, на котором Владимир Владимирович Путин на этот раз внятно сказал — это мы разгромили фашистскую армию, поработившую большинство стран Европы. И ещё: «Для нас в случае поражения была уготована иная, чем для европейских народов участь. Нам должны были уничтожить не только как страну, но и как народ, этнос. Помня это, мы сейчас подготовили такую армию, которая отразит любую агрессию».

Вот ещё бы об этом говорить в школах на уроках истории. Иначе дети постперестроечного поколения, подверженные западной пропаганде, так и будут считать, что во второй мировой войне победили США со своими западными союзниками при участии СССР.

10 — 11 мая Кунавино

С Виктором Сидоровым опиливали семь яблонь. Холодно, но солнечно. Работалось после трёх рюмок водки весело. Выросшие, раскинувщи-

еся далеко в стороны ветки, которые сами толщиной больше напоминали ствол дерева, срезали электропилой, тут же кромсали на дрова.

Перешли на дальний участок. Потрудились на славу — не только разрыдали яблони, но и очистили наш лесок (ёлки с соснами), который рассадили мы с Ириной, выкопав малюсенькие ростки в лесу у дороги. Теперь это высокие деревья. И лучшее подтверждение быстроты исчезающего времени. Сколько всего минуло, пока эти сосны и ёлки выросли. Сколько людей ушло в мир иной, сколько детей выросло, ходя по этой земле.

Вечером жарили на костре курицу, пили у огня водку, слушали Рода Стюорта, возясь с растопкой самовара. Но удивительно — то чувство отдалённой печали, что поселилось во мне у обрыва к речке на моём дальнем участке, всё не проходило, не исчезало, не истаявало. Какое-то убеждённое чувство мелочности и тщетности всех наших забот (хозяйственных). Ведь и сад вновь зарастёт, и дом со временем разрушится, и я исчезну с этой земли, где сейчас у костра пью с Виктором по два глотка из рюмки остывшую после заката до родниково-ледяной ломоты зубов, водку.

Ночевали в первой комнате (дважды топил в ней печку). Сквозь сон ощущал, что тепла не хватает, замерзаю, но вставать не хотелось. Только к двум часам ночи поднялся, утеплился и блаженно заснул.

На следующий день встали в семь часов. На улице земля припорошена снегом. Цветы, зелёная трава — всё им укрыто. И так это всё красиво, радостно, что вчерашняя грусть незаметно покинула меня.

Вывезли с дальнего участка напиленные яблоневые дрова. Перетащали их под навес. Ветер гонит вдоль деревенской улицы сырой, забирающийся под одежду сквознячок. Сапоги где-то (пусть совсем немного) пропустили влагу, оттого и уехал из деревни без сожаления. Сидоров выбрал окружной путь (он частенько выбирает дорогу с окольными путями) через Городец, Балахну. Проезжая по плотине ГЭС, наверное, впервые видел такой шторм на Горьковском море — волны с белыми гребнями не просто шли к берегу, а будто толкались друг с другом в хаотическом движении. Не дай Бог оказаться в такую погоду на воде на небольшом катере или лодке. Верная гибель.

Уже подъезжали к дому, когда дозвонился до меня Александр Васильевич Мюрисеп. Напомнил о сегодняшнем концерте в кинозале «Рекорд».

Встретились. Александр Васильевич похудел. Однако бодр. Сразу заговорил о прочитанной мною недавно четвёртой главе. И о том, что будет снижать нагрузку в театральном училище.

— Правильно. Нужно больше оставлять времени для работы за столом, писать. У вас собран огромный архив, о многих событиях нужно успеть рассказать.

Подошёл главный дирижёр нашей филармонии (симфонического оркестра) Александр Михайлович Скульский. Поздоровались. Вновь разговор о главах воспоминаний о Табачникове. И вдруг:

— В вашей постановке Алеко убивает Земфиру? — интересуется Скульский у Мюрисепа.

— Всё как положено, — отвечает Александр Васильевич.

— А то мне нужно нож забрать для другой постановки в консерватории. Там тоже смертоубийство.

Так это забавно прозвучало, что мы все трое расхохотались.

В зале слушали концертный вариант оперы Сергея Рахманинова «Алеко» по поэме А.С. Пушкина «Цыганы». (Либретто Немировича-Данченко). Александр Васильевич тут выступил режиссёром-постановщиком, режиссёр его супруга Раида Мюрисеп. Музыка исполнял Оркестр русских народных инструментов. Дирижировал Борис Схиртладзе.

В кинозале звучал оркестр, как мне показалось, неважно. Но постановка получилась интересной: Земфира — Наталья Беляева (студентка

Нижегородской консерватории — я её уже слышал); Алеко — Герман Дематигиков (солист нашей филармонии и, как мне показалось, хороший драматический актёр); Молодой цыган — Александр Зубаренко (солист Нижегородской оперы — мне кажется, и сам он цыган или еврей — толстенький, курчавый, в красной атласной рубашке). Другие артисты были менее выразительны. Хор и вовсе потерялся.

12 мая

Ещё в деревне позвонил Борис Селезнёв. Готовит 30-й номер своей «Арины». В этом году альманаху пятнадцать лет. Просит что-то написать, поздравить. И вот думаю-думаю, что бы такое написать — и простое, и не банальное, а искреннее — но ничего не приходит в голову. Потому что жизни наши с Борисом друг у друга на виду, и вроде бы о чём ещё говорить. А ведь сделал он в жизни со своим альманахом большое, важное дело. Сделал, как понимал, как видел и чувствовал. И если кому-то что-то не нравится, то возьмите и сделайте лучше. Потратьте драгоценное время своей жизни на общее дело, а не сладострастно критикуйте то, что уже сделано другими.

Хотя — именно критики чаще всего и пальцем не пошевелият, если дело не приведёт к их личной выгоде.

Но вот сейчас, оглядываясь назад, внутренне восклицаю — сколько же всего произошло за эти пятнадцать лет в наших с Борисом жизнях! Конечно, в отличие от меня Борис мягок... но ведь и стоек, когда дело касается главных вопросов (не в наших взаимоотношениях — а надвременных).

В общем — пытаюсь все эти мысли как-то выразить в тексте поздравления «Арине».

Пришло письмо от Валентины Ерофеевой из «Дня литературы». Первую главу из «Искры потухающих костров» выставила на сайт газеты. Любопытно, найдёт ли мой текст какой-то отклик у читателей.

Из новостей: по данным правоохранителей Украины в Бессмертном полку прошло шестьдесят тысяч граждан страны. Не побоялись. Если исходить из того, что творится в Незалежной — это огромные цифры. И ведь это только те, кто осмелился, не убоился. А сколько ещё сочувствующих, но не решившихся встать в колонны под ругань и оскорбления националистов.

Самая запрашиваемая в поисковиках тема за эти дни на Украине — Парад Победы в Москве. Вот что значит память о своих предках. Как же глубоко она скрыта в душах людей, что даже такой массивной пропагандой её невозможно изничтожить.

13 мая

Рэм Иванович Чарыков просто истерзал меня своими переделками текста о перелёте экипажа Валерия Павловича Чкалова через Северный полюс в США. Забывая, он повторяется, вставляет уже описанные эпизоды, никак не может окончательно определиться с фотографиями для статьи. Вот и сегодня днём позвонил: «Я совсем запутался. Вы мне пришлите вёрстку журнала для последней, окончательной вычитки». А сколько уже этих окончательных вычиток было — и не сосчитать.

Позвонил Александру Николаевичу Гуляеву и попросил больше не ждать, верстать из того материала, который есть. Если я эту неуверенность автора не прерву — переделкам не будет конца. Да и все разумные сроки (я обещал выпустить специальный номер «Вертикали. XXI век» к 1 июня) уже прошли.

А для текста поздравления Бориса Селезнёва с 15-летием «Арины» решил использовать стихотворения, что прислал мне Борис по почте на домашний адрес в моменты своей душевной смуты. Ведь чужому человеку такие стихи писать и посылать не станешь:

*Друг уехал,
Друг мой замолчал.
И приедет, видимо, не скоро.
Никогда меня не огорчал,
Только тешил соколиным взором.
А теперь в столице, говорят...
Подмигнул мне некий человек.
Я бы аргументов целый ряд
Выставил. А мне ответить нечем...
Ничего, я тоже помолчу.
Может быть, и сам туда заеду.
Знаю только, другу по плечу
И в столице одержать победу!
Ведь не зря ж рванул в такую даль
С неподкупной и кристальной верой
В Господа... и в нашу «Вертикаль»...
.....
Только приезжай скорей, Валера!*

Почтовый штамп на конверте: 030203 (3 февраля 2003 года).

Время, когда я понял, что в нижнем журнал не нужен (местным «писателям»). Профессионально они не готовы к такому уровню требований, которые я вкладываю в издание «Вертикали». Уровню профессионального творческого разговора. И главные мои интересы оказались в Москве. Туда я стал часто ездить, встречаться с писателями, договариваться с авторами, принимать участие в какой-то общественной жизни.

Из стихотворения видно, что Селезнёв «отстаёт» от меня, не поспевает, в некоторой степени теряет — и от этого его душа томится. И в искренних, дружеских строках стихотворения это всё ощущается, читается.

Когда проходит время, такие чувства приобретают иную цену — намного большую первоначальной.

14 мая

У Николая Михайловича Коняева в статье «Особенности либерального террора в России» прочитал рассуждения, созвучные с моим пониманием личности И.В. Сталина (особенно в период уничтожения «Ленинской гвардии»). Выпишу довольно большие цитаты сюда для памяти. (Написание статьи автором помечено: 23 декабря 2008 года. Санкт-Петербург.)

«Разумеется, нельзя забывать о просчётах И.В. Сталина: об антинародной коллективизации, о жестоких репрессиях 30-х годов, об ошибках, совершённых в ходе Великой Отечественной войны... Но предъявляя Сталину эти претензии, надо всё-таки разделять его личные, частные ошибки, и те системные преступления власти, которую Сталин и пытался изменить и которую он изменил, вырубив созданную Лениным и Троцким — выражение Г. Пятакова! — «чудо партию». Поэтому когда мы говорим об уродливо проведённой коллективизации, о миллионах раскулаченных, не будем забывать, что И.В. Сталин был, может быть, единственным советским руководителем, который сумел — вспомните его статью «Головокружение от успехов»! — всё-таки остановить расправу над русскими крестьянами. Уместно упомянуть тут, что из восьми руководителей, возглавлявших преступную коллективизацию непосредственно на местах, семеро (Станислав Косиор, Шая Голощёкин, Роберт Эйхе, Борис Шободаев, Менда Хатаевич, Юозас Варейкис, Карл Бауман) вскоре были расстреляны.

Либеральные историки склонны видеть в статье... и в расстреле... лишь проявление сталинского лицемерия, его особого коварства. Это разумеется не так... Это же касается и репрессий, в которых обвиняют И.В. Сталина. Да, жертвы, понесённые русским народом в ходе чисток 30-х годов, весьма тяжелы. И хотя многие жертвы лежат на совести связанных с Троцким и Зиновьевым чекистов (пытаясь остановить затеянную Сталиным чистку, они сознательно арестовывали и уничтожали совершенно невинных людей), и хотя Сталин и сумел привлечь к ответственности этих выродков, всё равно это не снимает с него вины, как с непосредственного руководителя нашей страны.

Но, упрекая Сталина за 37-й год, не будем забывать и того, что если бы в ходе этих чисток Сталину не удалось уничтожить всех этих троцких, зиновьевых, бухаринных, каменевых и иже с ними, то не было бы сейчас ни России, ни Православия, и вся наша страна с её народами и природными богатствами была бы израсходована в интересах международного Интернационала... Постепенно начинаем мы понимать, что наши либералы так пламенно ненавидят Сталина не за то, что при нём было уничтожено много русских людей. Они ненавидят Сталина за то, что он уничтожил систему уничтожения русского народа, которая была создана Лениным и Троцким со товарищи.»

16 мая

В газете «День литературы» материал Андрея Канавщикова о Евгении Евтушенко. Трезвая статья, напомнившая мне вечер поэта в Нижнем Новгороде в середине 90-х годов. Тогда в филармонии на бесплатное выступление Евтушенко собрались немногочисленные остатки «недобитой советской интеллигенции». Вёл вечер музыковед Белза. Евгений Александрович читал стихи, рассказывал о себе. В перерыве устроил автограф-сессию (тут же продавались его книги, но он подписывал и те сборники, что принесли зрители с собой) — очень долгую, пока всем не подписал книги.

Я ещё тогда подумал — зачем ему это бесплатное выступление нужно (в полупустом зале, в котором просто витает, физически ощущается чувство обречённости)? Неужели не понимает, что время славы поэтов ушло — может быть, даже безвозвратно?

И вот только теперь я, кажется, понял смысл того выступления. Евтушенко, с одной стороны, не мог жить без публичного успеха, без востребованности даже в самое «непоэтическое» время. С другой — он не мог жить вне поэзии, не сочиняя стихов. А раз так, то эти стихи необходимо было кому-то показывать. Ну, и книжки свои, конечно, продавать — не без этого. Я не думаю, что в те года материально ему жилось намного легче, чем огромному, подавляющему большинству других литераторов. Вот по этим причинам поэт и отправился в народ, к той немногочисленной публике, которая его ещё не забыла и у которой остались духовные силы воспринимать поэзию, слушать стихи.

Всё написанное мной выше не изменяет тех оценок, которые я высказал о Евгении Александровиче в записи, сделанной в Сочи.

17 мая

Отец Сергей Муратов прислал прозаические тексты для книжечки, которую я ему давно советовал выпустить. Тут рассказы, статьи, эссе. В сопроводительном письме высказал опасения — стоит ли всё это «выпускать в свет». Я не скажу, что в книжке много каких-то значительных художественных открытий, но это самостоятельный взгляд на пережитое, узнанное, продуманное, а потому, должно быть издано, лечь своей крохой в гумусный слой русской исторической памяти, русского мировоззрения, русской культуры.

Есть в сборнике текст, посвящённый памяти митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова). В общем-то незатейливый

текст, но как хорошо передаёт простую мудрость (если так можно выразиться) владыки. Мудрость не книжная, а житейская, идущая из глубин, от многих поколений.

Читал я воспоминания, и вспоминал кабинет митрополита — шкафы с книгами, иконы на стене за его письменным столом, и то, как выходит он из-за стола, благословляет. Скольким ещё эти несколько страничек напечатанного доброго, светлого в их жизни, потому что владыка был именно добрым.

Отец Владимир Чугунов, рассказывая о нём, часто вспоминает слова митрополита Николая, обращённые к молодым священникам: «Ропщите, что я с вами строг. Вот подождите, — придут на моё место бывшие комсомольцы, тогда вспомните меня».

Предупреждения владыки полностью оправдались. И вспомнили, и пожалели о прошедших временах.

18 мая

В этом году на рассмотрение в издательский совет Нижегородской области было подано всего девятнадцать заявок, одну из которых (переиздание романа «Девки» Николая Ивановича Кочина) исключили из перечня на стадии первичного обсуждения. Но главная дискуссия разгорелась не по этому поводу. Яков Иосифович Гройсман, хозяин издательства «Деком», стал требовать гарантии, что все его заявки будут профинансированы (конечно, не говоря этого напрямую, а только лишь беспокоясь об общем благе — чтобы были профинансированы проекты по определённым ранее приоритетным темам, куда все его заявки и входят общей суммой почти на 1 миллион 200 тысяч рублей — половина всей выделенной местным правительством суммы) — и добивался этого в течение всего заседания настойчиво, даже агрессивно (несмотря на свой преклонный возраст). Но при голосовании гарантии не поддержали. Хотя это, конечно, не означает, что Гройсман своих денег не получит.

Другой возмутитель спокойствия, доктор исторических наук Андрей Александрович Кузнецов вдруг заявил, что юбилей — это пятьдесят и сто лет. А все остальные округлённые даты юбилеями не являются. Тут уж я не выдержал и включил свой микрофон, чтобы ответить и Якову Иосифовичу и профессору.

— Мы отмечаем юбилей не ради круглых арифметических чисел, а чтобы напомнить самим себе, не дать угаснуть в общественном сознании памяти о замечательных людях, важных исторических свершениях. Следуя вашей логике, 70-летие Победы также не стоит отмечать. Категорически с этим не согласен. Что касается выделения (заранее) восьмидесяти процентов от суммы поддержки издательских проектов, то этого мы делать не имеем морального права, пока не познакомимся со всеми поданными заявками, не оценим предлагаемые книги. С этической точки — мы можем поступить только так.

Но меня беспокоит и ещё одна наметившаяся в нашей работе тенденция. Несколько лет назад я уже об этом говорил. Совершенно не являются книги художественной литературы. Это происходит потому, что в прошлые годы они не находили нашей поддержки. Убеждён — на это направление издательской деятельности нужно выделять средства целенаправленно. Иначе после нашего времени останется пустыня в литературном плане. Будто никто на нижегородской земле из литераторов никто не работал. А это не так.

Последнее моё предложение потонуло в молчании членов Совета, не вызвав у них никакого интереса.

Новости из Украины:

Готовится закон о фактическом запрещении Русской Православной Церкви на территории незалежной; Порошенко подписал закон о блокировании интернет-ресурсов России в украинском информационном пространстве. Думаю, если закон о РПЦ будет принят — это и поставит точку в существовании этого государства. Раскол религиозный Украина

не переживёт. Теперешние её властители этого не понимают. Плохо учили историю — в том числе и России. Ведь именно раскол во многом в итоге привёл страну к революции, которую мы не можем пережить уже сто лет.

19 мая

Вот и пришло летнее тепло. Иду по Канавинскому мосту. Вижу, как рыбаку в зыбку попал большой сом. Он осторожно подтягивает сетку к мосту, но сможет ли на такую высоту поднять рыбу — не уверен. Тяжела.

Сом осторожно шевелит хвостом, выставив вверх белое брюхо, и будто собирается с силами для мощного удара. Рыбак под мостом, на арках (мне не виден). Прутья сетки согнуты до предела. Ещё момент — и всё скрывается от моего взгляда под мостом. Итог этого противостояния мне неведом. Но почему-то хочется, чтобы сом вырвался на свободу.

23 мая

Утро началось с сообщений из Англии. В Манчестере после окончания концерта какой-то поп-дивы из США смертник взорвал себя в толпе. Двадцать два человека погибли, более шестидесяти ранено, в том числе тяжело — жизнь некоторых тоже под угрозой. Среди жертв дети и подростки. Уже заявлено властями Великобритании (Тереза Мей), что это самый страшный террористический акт в истории страны.

Александр Григорьевич Высоцкому 65 лет. Павел Климешов позвал его поздравить. Я приготовил специальную грамоту от Союза писателей, взял бутылку водки — пошёл.

В квартиру страшно заходить — грязь, разруха. Как здесь можно жить? А Александр обитает в этих стенах, заставленных стеллажами с замысловатыми книгами, уже многие годы. И пишет, пишет стихи. Издал книжку о поэтах-друзьях. Для него этой вопиющей разрухи, грязи, потолка в жёлтых грязных разводах от протечек словно не существует: завёл кошку, кормит на балконе птиц (голуби и воробьи сидят на перилах, на близких ветвях старой берёзы), которые и сейчас ждут хлебных крошек. Но с перил тут же перелетают на берёзу, как только на балкон выходит кошка. Мира между ней и птицами нет.

Сколько мог — посидел на табуретке у столика с выпивкой, послушал несколько стихов хозяина, да и ушёл, забрав подаренный Павлом Климешовым только что вышедший его поэтический сборник «Лики века».

Для Высоцкого общение с Павлом спасение. Иначе остаются одни местные алкаши с Ярмарки. (Микрорайон моего детства.) Александр почти не слышит, стал плохо видеть. Всё рушится в его жизни.

От отца Владимира Чугунова привезли только что вышедшую книгу «Лестница». Перелистал её внимательно и почувствовал, что составил её батюшка хорошо, продуманно. Рассказы, повести, очерки идут, будто цепляясь один за другой, рождая ощущение цельности повествования.

Из типографии «Радонеж» доставили тираж книжки Т.Ф. Дёминой «Мои воспоминания». Сколько уже подобного было, когда из хаоса небрежных, неподготовленных текстов я формировал, вычитывал, чистил, создавал книгу! Вот и теперь — радостно, что всё хорошо, достойно получилось. Ещё судьба одной семьи получила свою «историческую прописку», сохранена для потомков. Приятные ощущения — будто свою книжку выпустил в свет, к читателям.

Стало известно, что подал в отставку с поста главы города Иван Николаевич Карнилин. Не выдержал натиска с обвинениями в коррупции. И хоть оправдывался, что квартиры в США принадлежат жене, с которой он вроде бы официально в разводе, но, видимо, дела плохи, раз решил «уйти в тень». Жаль, если худшее подтвердится. На серьёзного коррупционера Иван Николаевич никак не похож.

День заканчивается сообщениями с Филиппин. И тут бойцы ИГИЛ устроили бойню в одном из районов страны. Всё это совпало с приездом в Россию президента Филиппин Родриго Дутерте, который вынужден

срочно вернуться к себе. Но встреча с Путиным и подписание подготовленных соглашений состоялась — поздно вечером. Дутерте перед поездкой в Россию отказался от приглашения приехать в Вашингтон для встречи с Трампом, объяснив это своей занятостью и предстоящей поездкой к Путину. И вот тут же атака террористов. Пусть мне кто-то докажет, что всё это случайность.

24 мая

Ранний звонок Сергея Тимофеевича Прохорова из Нижнего Ингаша. Там у них в Сибири день в разгаре, жара под сорок градусов. Сообщил мне, что выслал журнал «Истоки» с опубликованной первой главой (2000 — 2001 годы) из книги «Искры потухающих костров». Начинают мои «Искры...» жить самостоятельной жизнью — кроме «Вертикали. XXI век» вторую главу напечатал альманах «Под часами» (Смоленск), третью на своём сайте опубликовал «День литературы», четвёртую опять же «Истоки».

Хоть и продолжают меня одолевать некоторые сомнения относительно этой книги, но в то же время понимаю — это будет нужный документ времени.

Проходил через площадь имени В.И. Ленина. Там у памятника «вождю мирового пролетариата» митинг против сокращения маршрутов для частных пассажирских перевозок. Выбегает к микрофону молодой парень. Представляют — лидер какого-то движения (сколько же их развелось!). Начинает говорить косноязычно, штампами о чём-то совсем постороннем. Явно вышел, чтобы засветиться, разместить новость в свой «пост». Он из тех молодых и циничных, что поняли — деньги зарабатываются не трудом, а вот такой болтовнёй на митингах, политических тусовках, где главное — точно знать, за какие взгляды хорошо платят, какая позиция востребована хозяевами, формирующими «общественное мнение».

Возвращался из Дома книги опять через площадь. Столкнулся с уходящей от продолжающегося митинга группой ребят. Старший (недавно выступавший «лидер движения») выговаривал остальным, что мало и плохо ему аплодировали. Те оправдывались — мол, старались, громко кричали. Прошли мимо (почти пробежали) ещё не остывшие от митингового волнения, возбуждённые, азартные.

26 мая

Говорил по телефону с Виктором Александровичем Карпочевым о наших совместных издательских делах. Книга о В.П. Чкалове («Первопроходцы») в работе. Типография пообещала к 5 июня подготовить часть тиража, и тогда что-то я успею привезти в Москву. Столетие Семёна Ивановича Шуртакова отметили в «Вертикали. XXI век» публикацией его воспоминаний «Чищёба» с вступительной статьёй Карпочева. Книгу же юбиляра провести через Издательский совет области не получилось. Посмотрим, как всё сложится на следующий год. У меня создалось такое впечатление, что Виктор Александрович эту тему не оставит и найдёт средства для публикации уже подготовленной книги.

В Египте нападение на паломников. В автобусах ехали христиане копты (дети и сопровождающие их взрослые) паломнической поездкой в древний коптский монастырь. Их остановили человек десять на джипах (прострелили колёса), расстреляли автобусы и подожгли. Убито 35 человек, более 30 ранено.

Взорван автомобиль бывшего премьер-министра Греции Лукаса Пападимоса. Ранены он, его водитель и охранник. Сдетанировал при открывании переданный ему пакет.

В Сибири у Канска и Нижнего Ингаша всё горит. В пепелища превращены целые деревни, лесозаводы. В телевизионных репортажах показывают апокалиптические кадры — на большом расстоянии вокруг одни печные трубы торчат на пепелищах. А Ставрополье и Краснодар-

ский край заливают дождями. Потопы такие, что первые этажи домов ушли под воду. И тоже целыми посёлками, улицами. Что за беда каждый год обрушивается на Россию?

27 мая

Юрий Михайлович Поляков встретился с нижегородской интеллигенцией в Литературном музее М. Горького. Долго рассказывал о своих пьесах. Особенно о «Чемоданчике» и «Золоте партии» и почти ничего не сказал о романах. Представил новую книгу эссе (размышления о литературе, мемуарные заметки) и две публицистические книги.

Очень долго и подробно отвечал на мой вопрос по поводу того, почему власть так последовательно, упорно поддерживает литераторов с антигосударственным, антирусским мировоззрением и безразлична к тем, кто переживает за состояние России, отстаивает её истинную историю. Для Полякова, как и для меня, это неразрешимая загадка — хотя размышляя он на эту тему никак не менее получаса. А может, и более. В подавляющем большинстве с доводами и выводами писателя я согласен — так же думаю и оцениваю.

Но одну мысль для памяти здесь для себя запишу: «Чтобы культура полноценно развивалась, у неё должно быть как бы два крыла — условно либеральное и консервативное. Если случается перекосяк, то всё рухнет, теряется качество». «Сегодняшняя ситуация приведёт к тому, что когда наступит критическая ситуация, то власти не на что будет опереться. Не окажется духовной опоры, которой всегда оказывалась традиционная русская литература».

Отвечая на вопрос, есть ли будущее у современного Союза писателей России — резко негативно заговорил о Валерии Ганичеве, Сергее Котыкало. Опять же о писательских дачах в Переделкино (это так далеко от интересов нашей публики). В общем, видно, что от баталий на эту тему Юрий Михайлович ещё не остыл. Тогда я и задал вопрос о возможном его председательстве в нашем Союзе. Ответил на него Поляков разумно, взвешенно, с полным пониманием сложностей и задач: «Главное — нужно много сил и энергии, чтобы всё оживить, привести в порядок, дать новый импульс работе. За такую работу можно браться только командой, а не в одиночку. Но сейчас вновь реанимировались разговоры о создании совершенно нового союза, который должен будет в значительной мере выполнять функции писательского профсоюза — помогать юридически отстаивать литераторам их авторские права, обеспечивать медицинским обслуживанием и прочее.

Честно говоря, я условий для создания такого Союза писателей не вижу. Тут много факторов, и я не буду их перечислять. Скажу лишь о главном. В 1934 году создавался Союз писателей СССР не только из идеологической заинтересованности власти, но и чтобы поднять культурный, духовный уровень народа, дать ему новую литературу. Разве нынешнее государство может поставить перед собой подобные задачи?»

После окончания встречи я подошёл к Полякову, отдал свою визитную карточку и сказал, что при необходимости в каких-то организационных моментах он может рассчитывать на нашу областную организацию Союза писателей России. Юрий Михайлович предложил подготовить письмо от областных организаций и направить. (Куда? Опять же в Москву?) Всё время, пока я говорил с Поляковым, за моей спиной стоял Александр Фигарев и без стыда подслушивал.

С Аллой Марковной Лебедевой договорились летом созвониться и составить на осень план писательских встреч у них в гостинной музея-квартиры М. Горького. Я сам это предложил. Хочу попытаться создать там некий литературный центр.

Сегодня умер, может быть, самый яркий (во всяком случае — явный, открытый, публичный) ненавистник России — Збигнев Бжезинский. Ему было 89 лет.

Цветёт рябина. Около моего дома её много посажено. В сумерках белые кисти размыто светятся волшебными фонариками в густой зелени деревьев.

28 мая Лысково

Довольно скучной получилась поездка, хотя я и не ожидал от неё каких-то новых впечатлений — поехал по обязанности и поддавшись уговорам.

Панихиду в храме Преображения Господня отслужили всё те же священники — местный и из московской грузинской церкви. Здесь начались работы по восстановлению алтарной части собора. Такое впечатление, что всё доведут до конца. Видимо, нашёлся благодетитель.

В культурном центре «Рассвет» Мария Арсентьевна Сухорукова читала стихи из нового тома собственных сочинений — книги «Малое стадо». Долго, утомительно, без всякой меры. Устав сидеть, я выходил из зала, прогуливался по фойе. В конце более чем двухчасового выступления попросили и меня что-то сказать. Как ни отказывался — так и настояли. А что можно сказать нового об авторе, у которого каждый год выходят такой кирпичной толщины книги? Это — двадцать третья по счёту. Всё уже произнесено, и не по разу.

На обратном пути ближе к Кстову видели жуткую аварию. В чьи-то дома пришло горе, и все «политические размышления» моих спутников враз показались такими мелкими и никчемными. Как много пустословия в наших повседневных разговорах.

В итоговой за неделю новостной передаче Дмитрия Киселёва (Россия 2) услышал такую информацию: по данным американского аналитического центра с 2001 года только в Лондоне было закрыто 500 христианских храмов, а 423 мечети открылись. В том же Манчестере уже каждый шестой житель — мусульманин.

29 мая

В Москве невиданный ураган. Одиннадцать человек погибло, десятки травмированы. Телевидение показывает хаос из поваленных деревьев, сорванных с домов крыш, опрокинутых машин, упавших башенных кранов и рекламных конструкций. Ничего подобного столица ещё не переживала. Как и заморозков со снежными сугробами немногим более недели назад. За всю 140-летнюю историю метеонаблюдений примеров подобных природных катаклизмов, как утверждают специалисты, не найти. Нижний Новгород отделался легко — дождями и понижением температуры до плюс четырёх. Весь день под дождём и ветром проходил по городу. Даже одуванчики бедные съёжились, плотно закрыли жёлтые цветочки, словно сильно-сильно (как дети во время испуга) зажмурились, так, что и смотришь-то на них с сожалением, жалостью, состраданием. Ведь живые существа страдают.

30 мая

Решили отметить 15-летие альманаха «Арина» у нас в Союзе писателей. Созвали гостей. Борис Селезнёв и Татьяна Антипова с коллегами по поэтическо-музыкальному коллективу хорошо выступили с довольно продуманной, выстроенной программой. Поздравительная часть, которую пришлось вести мне, была довольно небольшой и быстротечной. За ней — долгое застолье за накрытыми в зале столами. Мне места не хватило, и потому с Виктором Константиновичем Тырдановым и Евгением Ивановичем Юсовым, Евгением Ивановичем Галкиным и Владимиром Михайловичем Тереховым мы уединились в моём кабинете. Позже к нам присоединился Ярослав Валерьевич Кауров. И так мы хорошо, спокойно разговаривали, что и не заметили, как опорожнили три бутылки водки.

Идя домой, изумился невероятно красивому цвету поздневечернего неба. Такая нежность переходящих тонов, такая глубина цвета. Позво-

нил Ирине, позвал погулять. Встретились у дома и ходили не спеша по бульвару от улицы Должанской до Староярмарочного Собора, что-то вспоминали, обсуждали небольшие будничные заботы. Мирно было у меня на сердце.

31 мая

В Кабуле, в дипломатическом квартале невероятной мощности взрыв. Бомбой послужила набитая взрывчаткой автоцистерна, из тех, на которых в городе развозят воду. Разрушения в радиусе одного километра от эпицентра. Пострадали посольства многих стран. Ранены и убиты их сотрудники, журналисты. Девяносто человек погибло, около четырёхсот ранено. Дипмиссия России не пострадала, так как построена отдельно, на окраине афганской столицы.

Наш флот из Средиземного моря крылатыми ракетами атаковал объекты террористов в Сирии недалеко от Пальмиры. Пуски произвели фрегат и подводная лодка (из подводного положения). Все четыре ракеты попали в цель — подтвердила съёмка беспилотников. Это уже пятая подобная наша атака.

Владимир Путин в Рогожской слободе, в Духовном центре старообрядцев посетил митрополита Корнилия (70 лет) — главу Русской старообрядческой церкви. За 350 лет впервые глава Российского государства приехал в старообрядческий центр. Владимиру Владимировичу в подарок была преподнесена древняя Богородичная икона. Митрополит особо подчеркнул — намоленная.

2 июня

Дожди, дожди... Санкт-Петербург, Москву и всю Центральную Россию заливают дожди. Холодно.

Читаю норвежские новеллы XIX — XX веков. Ещё советское издание 1974 года (Ленинградское отделение издательства «Художественная литература»). Маленькая страна, сравнима с областями современной России, а литература воспринимается как отдельное явление в мировой культуре.

Посмотрел в интернете для сравнения: площадь Норвегии (385 186 км кв.) и Нижегородской области (76 900 км кв.). По населению 5 258 317 человек против 3 258 645 чел. Тут уже разница не столь велика. Тогда в чём же дело?

Пока разыскивал эти цифры в компьютере, вышла на связь Таня (по скайпу). Они живут в маленьком норвежском городке Драммен. И в нём есть современная библиотека (стеклянные стены) в пять этажей(!), оборудованная всевозможной техникой — компьютерами, принтерами, синтезаторами. Любый желающий может всем этим пользоваться совершенно бесплатно. И пользуются — работают, читают, отдыхают. В залах многолюдно. Есть книги и на русском языке. Попросил Таню выяснить — можно ли там как-то представить номера «Вертикали. XXI век»? Пусть русская диаспора знакомится с нашим журналом.

Но вернусь к вопросу, почему норвежская литература воспринимается самостоятельным явлением, а нижегородская нет. Наша беда (Россия) в нашей огромности. И потому целостно оценить происходящие в России процессы (в том числе и в литературе) не получается. Мы всё происходящее в стране видим раздробленно, регионально. Судьбы всего значимого решаются в столице. А и там толкотня, борьба. Оттого много значимого (во всех сферах) нам не видно. И это обидно. Коли же не видно, то местная бюрократия уверена — этого значимого в их местности нет. Вот и влачат жалкое существование у нас ещё оставшиеся библиотеки. Вот и выживает литература, невероятными усилиями выживаясь из-под спуда, вопреки всему.

Вечером встретил на Московском вокзале Володю Макаренко. За один день на «Ласточках» через Москву он из Смоленска доехал до Ниж-

него Новгорода. Переночует у меня, а завтра вместе отправимся в Болдино на праздник.

3 — 4 июня Большое Болдино

На этот раз вместе со всеми гостями ездил на экскурсию во Львовку (барский дом, церковно-приходская школа — всё уже знакомо) и присутствовал на открытии выставки «Горизонты нижегородской акварели» (наши акварелисты собрали, представили хорошую, разноплановую экспозицию), и выступил на торжественном вечере, посвящённом 218-ой годовщине со дня рождения А.С. Пушкина (нас по трое посадили за три столика на сцене нового культурного центра — в своём выступлении прочитал стихотворение Юрия Андреевича Адрианова «Зрелый жёлудь, это капля вечности...») и прослушал отличный концерт ансамбля народной песни из Мурома «Мурома» (песенная русская культура имеет глубочайшие корни). Было у меня в этот день мирно, покойно на душе.

На следующий день 51-ый Всероссийский Пушкинский праздник поэзии начался с возложения цветов к памятнику А.С. Пушкина. Участвовали все гости: Сергей Овчинников (Тула), Владимир Макаренков (Смоленск), Валерий Тургай (Чебоксары), Константин Скворцов (Москва), Вячеслав Ар-Серги (Ижевск). Было довольно прохладно (лето всё никак не наступит), и поёживаясь от ветра, когда начался короткий митинг у памятника, я всё смотрел в небо, где ветер гнал высокие облака. А между ними и землёй висел ястреб, швыряемый порывами из стороны в сторону. Лишь пробивавшееся к земле сквозь облака солнце временами согрело нас, стоявших у памятника поэту.

Гулять по парку в этот раз не пошёл — в прошлом году находился по нему вволю. Попил горячего чаю с пирогами, послушал задорных цыган, устроивших представление на лужайке у барского дома (нижегородский ансамбль «Рада»), да и пошёл на часок в гостиницу — отдохнуть, поваляться на кровати, почитать привезённый Овчинниковым альманах «Тула», где вместе с моим (теперь уже рассказом — так я сократил повесть) «Сезоном» опубликована большая статья Бориса Ивановича Лукина «Тупик Апокалипсиса?» к моему шестидесятилетию.

Но вначале услышал, что ночью в Лондоне трое человек совершили террористическую атаку: на микроавтобусе сначала давили пешеходов на «Лондонском мосту», затем съехали с этого моста, вышли из машины и ножами начали резать попавшихся людей — без разбора. В итоге семь человек погибли, сорок восемь госпитализированы. Нападавшие ликвидированы полицией. Так в Европу возвращается вскормленный ей исламский экстремизм.

У нас же здесь тихо, мирно. Вышел на балкончик в номере — у гостиницы пасутся козы, щиплют травку. Где-то прокричал петух. Проехала в стороне одинокая машина. И вновь сонная тишина опускается на площадь.

Надо сказать, что статья Бориса в «Туле» — для меня полная неожиданность. Я её читал раньше (Лукин присылал по электронной почте), но теперешний текст вроде бы глаже и интереснее.

Перед тем, как ехать выступать в рошу Лучинник, прошёл к местной церкви. И тут всё стало ухоженнее, как и в усадебном парке, где в кустах сирени, цветущей большими пахучими гроздьями, неустанно поют птицы.

Невольно вспомнил вчерашний рассказ Владимира Макаренкова, как умирал у него на руках его взрослый сын. Двадцать два года было парню. И ведь это надо было пережить!

В автобусе любовался чудесными видами окрест. Невероятно красива, просторна, певуча русская природа с плавно удаляющимися от дороги склонами холмов, дальними полями, перелесками, скользящими по зелени теньями облаков.

В это время, когда я залюбовался видами за окном, Тургай мне и сказал: «Валерий Шамшуринов обижен, что его в Болдино не позвали» (они разговаривали об этом по телефону).

Что на это ответить. Обо всём надо думать в своё время. Мы своих друзей не забываем и не бросаем.

В Лучиннике развернулась во всю ширь ярмарка — и чего на ней только нет. Продаются гончарные поделки, плетёнки из лозы, много резьбы по дереву, вышивки. Заглядение.

На сцене нас застигает дождь. Но ничего — доводим всё до конца.

На обратном пути в Нижний Новгород говорили с Сергеем Овчинниковым о Льве Анненском. Они дружат давно. Сергей был вхож в дом критика (когда была жива его жена), благодарен Льву Александровичу за «литературную учёбу». Рассказал и о трагических эпизодах из жизни Анненского (случай с молодой музыканткой, попавшей под машину и потерявшей пальцы — это после жёсткого разговора с ней дочерей критика). Я вспомнил о своём письме в «Литературную газету» по поводу книжки Анненского «Михаил Луконин» (М.: Современник, 1982), и его ответ мне. Вообще же личность Льва Александровича Анненского для меня чрезвычайно интересна.

Расстались со всеми у Московского вокзала. С Володей Макаренковым отправились ко мне.

5 — 8 июня Москва

Жутким холодом встретила нас столица. Я-то хоть в лёгкой куртке, а Макаренков вообще в одном пиджаке. Под дождём (ладно Николай Офитов встретил с зонтиком) прошли на Красную площадь. Там книжный фестиваль. Выставили свою продукцию и нижегородские издательства, в том числе «Родное пепелище». Нашли Чугунова. Но дождь продолжает хлестать, ветер пронизывает. Одна отрада, что над рядами сделали навесы, да с боков немного прикрыли. Однако книги от сырости под обложками пошли волнами.

Пробыли с полчаса, да и распрощались. Макаренков поехал на вокзал, мы с Николаем к нему домой. Задержались только у шатра, где представлял свою новую книгу мемуаров Александр Коржаков — бывший руководитель охраны Бориса Николаевича Ельцина. Александр Васильевич сидел на стуле в довольно лёгком спортивном костюме — полный, морщился от боли, когда менял позу. Перед ним на столе стояла его книга «Бесы 2.0»: «После 1996 года Ельцин был овощ, а не полноценный человек. Он ничем не руководил. Всё решало окружение: Чубайс, дочь Татьяна и прочие».

У дома Офитова, хоть и прошло уже достаточно времени, всё ещё лежат поваленные прошедшей в Москве бурей деревья — американские клёны, вывороченные с корнем. Так много работы, что не дошла очередь до дворов.

После обеда вновь отправился на Красную площадь — хотел успеть записать видеоподкаст с отцом Владимиром по его книгам из серии «Библиотека семейного романа». Оказалось — приехал зря. Видеокамеру увёз Илья.

Рассказал мне Чугунов новость — у Данчуков от воспаления лёгких умерла старшая дочь Лиза.

Погода к вечеру успокоилась, потеплело. Дождь прекратился, ветер унялся. Пошёл ходить по павильонам — смотреть книжные новинки, слушать выступающих. На большой сцене под аккомпанемент фортепиано читает поэму «Реквием» Анны Андреевны Ахматовой актриса Евгения Павловна Симонова — как и принято, с криком, с надрывом. Никогда не понимал, почему стихи из этой поэмы так читают. Это же скорбь, плач, слеза, а не митинговые призывы. Тут не глотка должна разрываться, а страдающее сердце. Прошёл по площади, тревожно озираясь по сторонам, бывший министр культуры РФ Михаил Ефимович Швыдкой.

В одном из шатров встреча с продюсером фильма «Брестская крепость» Игорем Станиславовичем Угольниковым. Тут я задержался. Для меня главная неожиданность в том, что я помню Угольникова как комика, шоумена на телевидении, а тут... так хорошо, серьёзно говорит — с полным знанием дела, истории, сопереживая.

Вернувшись к Николаю Викторовичу, за чаем услышал новость — за взятку арестован вице-губернатор Курской области Василий Зубков.

06.06. День выдался несколько суетливым, но и запоминающимся. Утром поехал на Красную площадь. На этот раз половину дела сделать успели — побеседовали с отцом Владимиром на камеру. Представили в новом издании романы «Молодые», «Невеста», «Причастие», «Провинциальный апокалипсис».

К 12-и уехал в Елоховский собор. Перед панихидой успел передать письмо для Виктора Александровича Карпычева Юрию Петровичу Афонину. В храме же так хорошо, празднично, весь он украшен берёзками (ходишь, как в лесу) — Троица!

Панихиду по А.С. Пушкину отслужили (в этом соборе его крестили) и перешли в недалёкое здание — великолепный особняк по Спартаковской улице, д. 9. Это главный дом некогда бывшей городской усадьбы, принадлежащей Тимофею Ивановичу Чонжину (1722-1803). Далее у этого дома долгая история. Но вот 27 июля 1899 года Московская Городская Дума принимает решение: «С целью увековечить день столетия со времени рождения А.С. Пушкина и с целью доставить возможность пользоваться книгами тем слоям городского населения, которым по состоянию их средств существующие библиотеки недоступны... учреждается библиотека-читальня в память А.С. Пушкина».

По предложению Городского Головы князя В.М. Голицына, заведовать библиотекой была избрана старшая дочь А.С. Пушкина Мария Александровна Гартунг, которая «в течение десяти лет с чувством гордости и ответственности исполняла эту роль».

В 1912 году городом приобретает этот особняк и библиотека переезжает в него. С тех пор в этих стенах хранятся книги.

Красивейшая парадная металлическая (чугунная) лестница, на втором этаже мраморные стены, фигурная лепнина потолка, камин. Выставлены предметы потомков Пушкина — золотые часы-луковка с вензелями и т.д.

В большом зале устроен концерт молодых оперных певцов — выпускников Центра оперного пения имени Галины Вишневской, солистов Музыкального театра Н.И. Сац: Вера Азикова, Виктория Шиловская, Вячеслав Леонтьев, Дарья Кулицкая. За фортепиано Анастасия Милованова.

Расставаясь, подарил директору Ольге Макарьевне Ковальчук свои книги «Возвращение» и «В предчувствии Апокалипсиса» — подписанные библиотеке.

Вновь Красная площадь. Окончательно завершаем видеозапись бесед по книгам — на этот раз говорили о «Русских мальчиках», романе «Мечтатель», повестях «Буря» и других.

Вечером встреча с Борисом Лукиным у МХАТ им. М. Горького. Теперь он здесь работает главным редактором. Как я понял, это что-то наподобие зав. Литературной части. Кабинет у Бориса на самой верхотуре огромного театра. Перед спектаклем успели выпить по чашке кофе и обменяться книгами — я подарил «Лестницу», взамен получил первые два тома антологии поэзии Великой Отечественной войны.

Всё-таки это грандиозный в своих размерах театр. Зрители заполнили (и то не очень плотно) первую половину партера, ближнюю к сцене, но и их хватило бы для другого театра, чтобы заполнить зал. Смотрел «Красавец мужчина» А.Н. Островского — на одном дыхании. Что называется — взахлёб.

07.06. Загубил день. Только далеко после обеда пошли с Николаем Викторовичем прогуляться в Измайловский парк, а вечером вновь от-

правился на Тверской бульвар — Борис договорился, чтобы администратор вновь дала мне пропуск на спектакль.

У метро «Тверская» уличный ансамбль зажигает рок-н-ролл — азартно, со знанием дела, хоть и не молодые. В начале бульвара выставка образцов советского оружия: пушка, станковые пулемёты, винтовка Мосина, рожковый автомат...

А.Н. Островский. «Отелло уездного города». Декорации спектакля напоминают вчерашние. Но это и хорошо. Словно смотришь продолжение отличного фильма, хотя и в совершенно новом составе.

Хороша труппа, нужно будет походить на их спектакли, когда вновь окажусь в Москве.

Поздний вечер. Город в огнях, наполнен праздной толпой. Свернул в Камергерский переулок. Сплошь рестораны и кафе, забитые посетителями — запахи хорошего кофе, вкусно приготовленного мяса, говор посетителей за уличными столиками...

Из новостей:

Тегеран. Нападение на иранский парламент группы террористов ИГИЛ. Четверо ворвались в здание и начали расстреливать людей из автоматов Калашникова. Семнадцать человек погибло, сорок три ранено. Одновременно другая группа напала на Мавзолей Хомейни.

Фиксирую все эти факты, чтобы показать безумие современного мира. Слишком быстро подобный ужас забывается, выветривается из человеческой памяти.

08.06. Едем к Храму Христа Спасителя. Понимаю, что внутрь не поехать, но хоть рядом побывать, когда в нём выставлены для поклонения часть мощей Николая Чудотворца — наверное, самого почитаемого в России святого.

В районе собора на Волхонке и Остоженке всё перерыто. К тому же и проходы перекрыты милицией — на набережную не пройти. Помыкались мы с Николаем Викторовичем в толпе, да и отправились восвояси. Стремление множества паломников понятно, но людской водоворот так утомляет.

От метро «Кропоткинская», перекрестившись, обратился к святому своей краткой молитвой. Услышит он меня сквозь шум двигателей автомобилей, работающей строительной техники, гомон уже побывавших у его мощей людей — если хоть крошку я достоин того, чтобы быть услышанным Чудотворцем.

До «Арбатской» пошла пешком, с остановкой у памятника Шолохову. Там на лавочке в «Московском литераторе» прочитал материал о поездке автора в осиротелый дом Василия Ивановича Белова в Тимонихе. Оказывается, писатель любил живопись, и у него (и в квартире в Вологде, и в деревенском доме) по стенам висит много картин.

Уже подходили к дому, когда позвонила мне Людмила Сергеевна Ермакова. Вчера утром в Арзамасе внезапно умер Юрий Владимирович Назаров. Шестого числа побывал на Пушкинском празднике в пединституте, подарил всем свой новый сборник стихов, а на утро стал застилать кровать после сна (ночевал у брата), упал и умер. Было ему 68 лет. Следом с этой же новостью Виктор Александрович Карпочев. Горькая утрата. И я никак не успею завтра приехать в Сергач на похороны. Ладно вечером (я уже приехал в Нижний Новгород) позвони из Сеченова Александр Семёнович Глыбин. Попросил его принести соболезнования от моего имени и всего правления.

А мне надо написать слово прощания с добрым и достойным человеком.

9 июня

Пошёл в Союз писателей. По дороге на почте получил пакет с журналом «Истоки» из Нижнего Ингаша (Красноярский край). Там напечатан 2000 — 2001 гг. из моих «Искр потухающих костров».

Написал прощальное слово с Юрием Назаровым. Вот что получилось: «7 июня скоропостижно скончался член Правления Нижегородской областной организации Союза писателей России — поэт, педагог, ответственный секретарь организационного комитета по подготовке и проведению ежегодного праздника Славянской письменности и культуры в городе Сергаче. Невосполнимая, горькая потеря. Юрий Владимирович был на редкость светлым, отзывчивым человеком, верным в дружбе, ответственно относящимся к своему служению русской литературе, поэзии. Им был подготовлен и издан второй том альманаха «Сергач». Незадолго до смерти у поэта вышел очередной сборник стихов. Много планов было намечено у Юрия Владимировича Назарова на будущее, и вот... свершилось непоправимое. Но остались нам его стихи, песни, которые так любят петь в Сергаче. Да и сам Юрий Владимирович пел замечательно, душевно. Теперь остались добрые воспоминания о нём его друзей, коллег и многих-многих учеников. Остались нам его книги.

Светлая память о Юрии Владимировиче Назарове будет всегда жить в наших сердцах».

Разместил этот некролог на нашем сайте.

10 июня

Алексей Пушкин в передаче «Постскриптум» опубликовал такую информацию: на Украине переименованы 51 493 улицы и снесено 1320 памятников. Полное безумие последних трёх лет.

Из последних переименований — проспект имени Командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Ватутина (освободил Киев от немцев во время Великой Отечественной войны) хотят переименовать в Шухевича — главаря карательного Украинского батальона «Нафтигаль», повинного в пролитии рек крови русского, польского, еврейского, украинского и прочих народов. Возможно, что теперь проспект Шухевича в украинской столице продолжится проспектом Бандеры. А памятники им уже давно наставили в малороссийских городах.

12 июня

У своего дома встретился с отцом Евгением Юшковым. Батюшка завёз книги (свои) для Синодальной библиотеки РПЦ. Рассказал ему о попытке подойти к Храму Христа Спасителя, где выставлены для поклонения мощи Николая Угодника.

— Так и у нас частичка его мощей есть, в нашем молельном доме.

— Как она могла к вам попасть?

— У одной моей прихожанки был отец священником. Как-то на развалинах одного из храмов он нашёл серебряный медальон, в котором была залита воском частичка мощей. На медальоне надпись о том, что это частичка мощей Святого Николая. Отец той прихожанки довольно рано умер. Она же собралась уйти в монастырь, и святыню передала нам. Я уговаривал её оставить мощевик у себя, но она настояла, чтобы передать реликвию в нашу общину. Тогда я быстро, как мог, написал образ Святителя.

Тут вступил в разговор Александр (он привёз батюшку):

— Я как подъезжаю к нашему храму, всё смотрю — нет ли очереди поклоняющихся мощам. Пока не случилось такого.

Это Александр, конечно, пошутил. Но в шутке этой большой смысл. Любит наш народ ажиотаж. Легко поддаётся общему беспокойствию, возбуждению. А ведь вся наша земля усеяна святынями. Так надо ли стремиться куда-то вдаль? Не легче ли внимательно оглянуться вокруг? И здесь, у себя, из глубины сердца помолиться тем угодникам Божиим, что мощами, святыми чудотворными иконами уже пребывают на наших землях.

Пришло письмо от Овчинникова по поводу главы из «Искр потухающих костров», что отослал я ему ранее. Порадовал меня Сергей Михайло-

вич добрым словом и неравнодушным сердцем. Всё больше убеждаюсь, что правильно поступил, начав публикацию этой книги.

Чугунов сообщил, что наши видеозаписи на Красной площади о его книгах испорчены. Были какие-то неполадки с камерой, которые он не заметил, и потому всё пропало. А говорили, как мне показалось, неплохо, интересно. Могли бы получиться любопытные сюжеты. Но — не суждено. Отец Владимир расстроился. Я успокоил:

— Приезжай ко мне в Союз писателей. На фоне портрета А. Мельникова-Печерского ещё раз поговорим. А вообще, подобные беседы на самые разные темы следует записывать в определённой периодичности и выкладывать на наш сайт.

14 июня

Хорошо сегодня настроился на работу, и вот за пять часов (пока за окном то светило солнце, то лил дождь) подготовил к вёрстке большую часть текстов для «Вертикали — 51». В какие-то внёс дополнительную правку, какие-то просто оформил грамотно. Всё это мною ранее перечитано и отредактировано. Но вот довести дело до конца собраться никак не мог. И вдруг сегодня за эти часы легко и с удовольствием сделал.

Отправил материалы Александру Николаевичу Гуляеву для вёрстки. Это будет основной блок номера. Собрался уходить из Союза писателей, да тут опять зарядил дождь. Пока его переживал, позвонил в Санкт-Петербург Андрею Реброву. Он трезв, весел. Так этим своим состоянием меня порадовал. Готовит следующий номер «Родной Ладogi», где идёт моя статья о книге писем Павла Флоренского из заточения.

После инфаркта Александр Васильевич Мюрисеп впервые выходит на сцену в роли управляющего гостиницей в комедии Рэя Куни «№ 13». Встретились у него в гримёрке. Некоторая болезненность в Александре Васильевиче ещё чувствуется — похудел, осунулся, черты лица заострились.

Расспросил его, как продвигается работа над книгой о Ефиме Давидовиче Табачникове. Тут случилась небольшая задержка (в очередной главе рассказ о поступлении Мюрисепа в театральное училище, постановка «Тихого Дона» в народном театре, работа инженером на авиационном заводе) — событий много, все они разноплановые, со своей историей, и потому трудно их выстроить в один чёткий сюжет.

Спектакль дрянненький. Я его уже смотрел семь лет назад. Но зрители на него ходят, и потому из репертуара постановку не снимают. Мюрисеп справился со своей задачей без видимых усилий. Хотя блеска, лёгкости в его игре пока нет. Может быть, оттого, что подсознательно прислушивался к себе, своему состоянию — как там сердце, не слишком забилось?

Из театра ехали вместе на такси. Время к десяти, а ещё довольно светло. Сумерки. Сумерки проходящей нашей жизни. И невольно вспомнился состоявшийся днём по телефону разговор с Карпочевым. Виктор Александрович всё кому-то хотел позвонить, попросить финансовой помощи для издания мною подготовленной книги к столетию Семёна Ивановича Шуртакова.

— Всё хотел сначала с вами посоветоваться. А сегодня мне сообщили, что этот человек умер... Как вы правы — надо спешить, успеть воплотить задуманное.

15 июня

Заезжал отец Владимир Чугунов. Спокойно, мирно говорили в моём кабинете про издательские дела, и невольно всплыла тема конечности времени, отпущенного нам для их свершения.

Вот сегодня на 89-м году жизни умер Алексей Владимирович Баталов — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР и прочее, прочее, прочее. Многие

относятся к его киноролям восторженно. Я его творчество тоже знаю, но ярым его поклонником никогда не был. Удивляет же меня в подобных Баталову людях другое — зачем они так запачкались в перестройку и ельцинский период, бросая комки грязи в советское прошлое своей страны. Получали советские награды, пользовались предоставляемыми властью благами — а потом... Даже если ты и держал в сердце какие-то обиды, так промолчи. Нет, непременно нужно пнуть поверженный строй... успеть пнуть. В конце же жизни начинают давать друг другу восторженные оценки — совесть нации, истинный интеллигент и так далее. А того, кто действительно поступал по совести, как, например, Юрий Васильевич Бондарев, просто вычеркнули из жизни, из общественной памяти, воздвигнув на их место Солженицыных, Граниных...

Сегодня в Москве самый холодный летний день за весь период (138 лет) метеонаблюдений.

Четыре часа президент РФ В.В. Путин отвечал на вопросы граждан своей страны (и не только). Главный вывод, что сделал я для себя — на одной территории у нас существует как бы два государства — чиновники всех мастей (от федеральных до районных) и собственно народ. И интересы этих двух государств нигде не сходятся. Они по-разному отвечают перед законодательством, по разным правилам начисляют себе зарплаты, по-разному воспринимают цели существования государства Российской Федерации. Все эти противоречия непременно должны привести к мощному социальному конфликту. Вопрос только в сроках.

17 июня

Дожди, дожди, дожди...

И ночью, и вот днём. Кажется, уже бы хватит. Но нет, погода не смиряется и продолжает вместо долгожданного тепла одаривать порядком поднадоевшим холодом.

От внутренней душевной скуки принялся читать норвежские новеллы XIX — XX веков. Всегда с большим интересом погружался в жизнь других народов, переданную литературным словом, но сегодня и это не помогло. И только когда засел за вычитку 2013 года «Искр потухающих костров», неожиданно дело пошло на лад: втянулся, увлёкся и довольно много сделал. Почти дошёл до конца, лишь самую малость оставил на завтрашнее утро. На сердце стало поспокойнее. День прожит не зря.

18 июня

Поехал к Валерию Валентиновичу Фирсову забирать рукопись поэмы, которую он мне вчера прочитал по телефону — «Размышления у памятника Вождю». Отмечу этой публикацией столетие революции в России. Век мы живём в смуте. А тот более спокойный (в политическом и социальном планах) период, что был в стране в 60-70-е годы, мы тут же окрестили застоём. Нам всё бури подавай, мятежи, да чтобы кровушки побольше лилось, жестокости и подлости побольше.

Пока разговаривали с Валерием у него в квартире (серьёзную библиотеку он собрал — продуманно), прочитал мне хозяин юмористическую поэму «В Греческом зале» — давно (лет сорок назад) написанную, но никогда не публиковавшуюся. Легко, вольно написана эта вещь, с озорством. Так сочиняют, когда сил много и в то же время литературная зрелость пришла. Настойчиво посоветовал Фирсову собрать подобные неопубликованные вещи и издать отдельной книжкой. А не только публиковать поэмы, подобные «Сказу о посолони-Коловрате» из его сборника «Русские думы» (тоже мне прочитал громко, с выражением).

Домой отправился пешком — сколько пройду, а там сяду на метро. Да так от метро «Двигатель революции» до площади Ленина и прошагал — не заметил как. На каждом шагу воспоминания детства, молодости. В «Саду им. 1 Мая» даже немного посидел на лавочке, но уж больно шумно, суетливо вокруг (на всей территории устроили развлечения для детей с

громкой музыкой, какими-то зазывалками) — пошёл дальше. А кажется — давно ли сам мальчишкой лет шести катался (летал) на самолётике у самых вершин старинных тополей.

19 июня

Американский самолёт сбил сирийский, который выполнял боевую задачу. Российское Министерство обороны в ответ прекратило действие договорённости с США о взаимодействии по предотвращению инцидентов в воздухе и объявило, что все летательные аппараты в зоне боевых действий будут сопровождаться нашими ПВО как цели. Впрочем — нечто подобное российские ВКС уже предпринимали, но довольно быстро вернулись к прежним договорённостям. Хватит ли решимости на этот раз? Ведь от безнаказанности янки всё больше и больше наглеют. Не встречая противодействия только за последнее время на их счету: бомбёжка сирийских позиций, уничтожение колонны сирийской военной техники, обстрел военного аэродрома ракетами «Тамагавк», и вот сбитый Су-22. Что дальше?

В Лондоне атака на толпу людей на автомобиле. В этот раз пострадавшие — мусульмане. В Париже атака на автомобиле полицейского патруля.

Прочитал присланный материал о создании Русского художественного Союза. По идеологии, задачам — это наша тема. Но жизнеспособно ли? Уж слишком всё неясно, размыто с перспективой. Пока ощущение одно — декларации правильные, но если в этой структуре появятся деньги — всё разумное будет вытеснено всевозможными дельцами и проходимцами.

Вот с такими мыслями сегодня закончил формировать 51-ый номер «Вертикали. XXI век».

22 июня

Начал день с того, что написал министру культуры С.А. Горину письмо по поводу издания книги к 100-летию Семёна Ивановича Шуртакова «Ода русскому слову» и отнёс его вместе с книжкой «Первопроходцы» Сергеем Александровичу. Разговоры-переговоры — это одно, а документ — это нечто совсем иное.

С Валерием Валентиновичем Фирсовым обсуждали публикацию его стихов в 51-м номере «Вертикали. XXI век». Сошлись на том, что пойдут две небольшие поэмы («Гиперборей» и «Сказ о посолони-коловрате») с послесловием об истории литературной гостиницы «Светёлка», которую создал Валерий в 1988 году. Разговор получился долгим и чрезвычайно утомительным. Фирсов не в состоянии сосредоточиться на одном предмете. Говорит сразу обо всём, что придёт в голову — без всякой системы. После трёх часов такого общения чувствую себя столь утомлённым, что не могу продолжать работу над текстом своей книги «Искры потухающих костров».

Вечером в театре драмы премьера — «Подходцев и двое других» (по повести Аркадия Аверченко). Александр Васильевич Мюрисеп оценил действо так: «Слишком нафталином пахнет». И я с ним полностью согласен. Тут дело не только в зошеновско-гайдаевском стиле постановки — хотя сама вторичность наводит невообразимую скуку — но в совершенно далёком от сегодняшнего времени разговоре со зрителями (в отличие от тех же постановок Мюрисепа в студенческом театре). Нет нитей, которые бы дёргали нервы зрителей XXI века. Конечно, кроме гомерического хохота от ужимок актёров. Ну, да это небольшое достижение.

Во втором действии, где пошли одни разговоры и монологи, я и вовсе приуныл — еле дождался занавеса. Впрочем — главная у меня цель была повидаться с министром Гориним, на словах передать Сергею Александровичу просьбу столичного землячества по книге С.И. Шуртакова (обещал это сделать Виктору Александровичу Карпочеву), что и выполнил.

В интернете («Душенов», №102 на сайте газеты «Завтра») в программе Константина Душенова опубликована информация: по неподтверждённым пока данным наш комплекс над Средиземным морем сбил огромных размеров американский беспилотник «Глобал хок» (новейший, может до двух суток находиться в воздухе, размах крыльев 30 метров, большой запас вооружений), который вошёл в ранее обозначенную российскими ВКС зону, как воздушное пространство их контроля. Интересно, так ли это?

25 июня

Вышел в альманахе «Арина» мой фельетон-ответ на реплику Владимира Седова о журнале «Вертикаль. XXI век», опубликованную в местном издании. Борис Селезнёв дал моему тексту удивительно точное название: «В пустой бочке звону много». А прежде пустил подзаголовком: «Как «писатель» Владимир Седов Ивана Алексеевича Бунина в свои подмастерья определил». У меня это первый подобный опыт — написано в ерническом и для Седова в довольно уничижительном ключе.

Дал распечатку текста Мюрисепу. Александр Васильевич с Райдой Леонидовной прочитали и чрезвычайно высоко его оценили. До этого читал Станислав Александрович Смирнов, но опубликовать на своём сайте побоялся. И Мюрисепы, и Смирнов говорят о смелости написанного. Насколько же наша интеллигенция запугана этими бизнесменами — выходцами из полукриминального подполья, впоследствии занявшими высокие посты в местной власти, вплоть до министра культуры.

Читаю распечатку новой книги Владимира Чугунова «Катастрофа», и прихожу в некоторое уныние. Сюжет романа повторяется автором уже в третий раз: сначала «Моя теодицея», затем «Буря». С самодеятельной певицей герой повествования (он — отец, она — дочь) едет на конкурс в Китай. До этого такой же был в Санкт-Петербурге. Но в это же время он размышляет о глобальных мировых проблемах: истории веры (не только Русской Православной Церкви, но вообще о зарождении веры в Бога, начиная с египетских жрецов); развитии Китая, и что за этим последует во всём современном мироустройстве; о Сталине и Берии — как они видели будущее СССР... Основной сюжет (довольно мелкий и неинтересный) в книге вступает в противоречие с размышлениями писателя.

Есть и ещё одна слабость в повествовании — главный герой, вспоминая свою молодость, рассказывает о том, как играл и пел в вокально-инструментальном ансамбле. Этот сюжет тоже эксплуатируется Чугуновым из книги в книгу. Создаётся впечатление какого-то личного «комплекса неудовлетворённости», не совершившейся мечты молодости. Сказал об этом отцу Владимиру, предложил изменить сюжет: пусть главный герой будет книгоиздателем, а дочь поэтессой, и едут они на книжную ярмарку. Хоть какое-то разнообразие в сюжете появится. Впрочем, навряд ли моим советом воспользуются.

По заявлению министра внутренних дел Украины Авакова — с начала этого года более 500 участников боевых действий на Донбассе (анти-террористической операции — АТО) покончили жизнь самоубийством. Этот факт заставляет о многом задуматься.

29 июня

Левада-центр обнародовал данные соцопроса, проведённого летом 2017 года. По нему жители России самыми выдающимися деятелями мировой истории назвали: 1. И.В. Сталина, 2-3 А.С. Пушкина и В.В. Путина, 4. Петра Первого, 5. Юрия Гагарина.

Эти результаты вызвали целый поток комментариев в средствах массовой информации. И ведь есть чему удивляться: начиная с конца 80-х годов прошлого века, тридцать лет «сталинизм» объявлялся самым члoвеконенавистническим, кровожадным явлением в мировой истории. На эту тему написано сотни тысяч статей, книг, снято документальных и

художественных фильмов. Кажется, на историческом периоде, когда во главе государства стоял Иосиф Виссарионович, должно остаться «выжженное поле» из ненависти к нему. И вот такой результат... Ведь вот и сейчас нет художественного фильма, показанного по телевидению, о периоде 30-х — 50-х годов, где бы ни бесчинствовали «монстры-чекисты», тюремщики, властные чиновники. Куда же вся эта ненависть к Сталину девается, почему не задерживается в общегражданском сознании, а исчезает, как вода в песок? Загадка...

Был в гостях у Александра Фёдоровича Важнёва. Поздравлял этого добрейшей души человека с днём рождения. Пили хорошую водку. Звонили мне туда Е.А. Андрианов и Михаил Чириков. У первого по радио будет трансляция выступления — солирование с оркестром нашей филармонии. Второй хлопочет по музею своего прадеда-писателя. Просит подписать письма в поддержку инициативы. Конечно — подпишу.

Вот только вчера отправил письмо-выдвижение на премию Союзного государства России-Белоруссии на писателя из Минска Николая Ивановича Чергинца — автора романов «Сыновья», «Вам — задание», «За секунду до выстрела» и других. Просил об этом Анатолий Аврутин.

7 июля

Давно не заходил в выставочный зал на площади Минина и Пожарского. Сегодня собрался, и не пожалел. И если выставка акварелей Александра Терентьева оставила просто хорошее впечатление (поэтические, профессиональные — особенно зимние городские пейзажи), то экспозиция живописца из Омской области Владимира Анатольевича Чупило — это открытие. Сразу обратил на картины внимание — слишком самостоятельны, не похожи на общепринятые изображения деревенского быта — гуся, звери, пейзажи (заснеженные), портрет священника — всё многообразие жизни, но переданное душой, ещё не потерявшей, не избывшей детство. Просты и в то же время завораживающе хороши эти картины. Неведомо почему так откликается на них душа.

Ещё 5 июля на 99-м году жизни умер Даниил Александрович Гранин (Герман). Но и сегодня продолжают о нём говорить, как о «великом писателе». Мне, когда я это слышу с экрана телевизора, невольно хочется добавить — не написавший ни одной не то что великой, но хотя бы сколько-то заметной книги в русской литературе. Ну в самом деле — не считать же такими «Иду на грозу», «Искатели» (романы), «Зубр» (биографическая), «Блокадная книга» (журналистская, подготовленная совместно с критиком из Минска Алесем Адамовичем). При этом за долгую жизнь писатель получил все мыслимые государственные награды: Герой Социалистического Труда (1989), Ордена Ленина (два) и другие советские награды. Лауреат Государственной премии СССР (1976). Лауреат премии Президента РФ (1998). Кавалер высших орденов России: Александра Невского и Андрея Первозванного.

В воспоминаниях современников о нём говорится, как об искусном интригане, «подпольном» властителе литературной жизни Ленинграда. И вот — «великий писатель». Только ведь всё это — пыль. Обидно другое — происходит всё это при действительно живом классике русской литературы Юрии Васильевиче Бондареве. Загадка — почему сегодняшней власти ближе первые, чем вторые.

Позвонил Николай Викторович Офитов, радостный! Спешит сообщить, что его статья к моему шестидесятилетию «Боль. Вера. Любовь» опубликована в еженедельнике «Слово». Хотя и в сокращённом виде, но и этот вариант занял в газете (главный редактор которой Виктор Алексеевич Линник передаёт мне самые тёплые приветия) целую полосу.

Ах, Николай — добрая, отзывчивая, родная душа! Заговорил, что уже соскучился — впору письмо писать. Поддержал его — точно, давай как прежде писать друг другу письма. По старинке, в конвертах (электронной почтой Николай Викторович пока не овладел).

Меня тоже тянет в Москву к Офитову. Хорошо с Николаем Викторовичем общаться, покойно в его доме среди книг, газет, разговоров. И даже московские хлопоты вместе с ним не тягостны.

9 июля

На 88-м году жизни скончался народный художник СССР Илья Сергеевич Глазунов. Сколько доброго он сделал для страны. Во второй половине 80-х годов воссоздал в Москве Академию живописи, ваяния и зодчества. На свои деньги возил студентов в Европу, показывал шедевры мировой культуры. Академия хранит лучшие традиции русского реалистического искусства. Теперь здание на Мясницкой, 21 превращено в дворец — так оно красиво снаружи и внутри.

В своей галерее Илья Сергеевич открыл Музей сословий России, куда собрал, спас предметы искусства и быта, которые сам в течение своей жизни покупал, коллекционировал. Это, безусловно, гражданский подвиг.

По словам сына, Ивана Ильича Глазунова, художник ушёл из жизни по-христиански, в кругу семьи, в ясном сознании, держа до смерти руку внука, смотря в окно на хмурое, пасмурное небо — восхищаясь его красотой.

Поздно вечером в память Глазунова по ТВ «Россия 1» показали фильм «Личность в истории. Илья Глазунов» Алексея Денисова.

15 — 16 июля Сады. Богородский район

Место называется «Ромашково». Массив садового товарищества граничит с территорией, на которой ранее располагалась воинская часть. Старожилы рассказывают, что за бетонными столбами, на которых до сих пор держится ржавая колючая проволока, стояла боевая военная техника, ходили строем солдаты. Я подзреваю, что это была учебная часть. Теперь это просто лес. Казармы разломаны, разграблены на стройматериалы почти до фундамента. Копаниры, в которых (для учений) укрывалась техника, осыпаются. Только асфальтированные дороги, такой нелепостью воспринимающиеся посередине леса, напоминают времена, когда здесь жили, трудились, учились защищать Родину люди. Разрушительным, гибельным вихрем пронеслись над страной, по стране девяностые годы прошлого века. Да разве это случилось с нами в первый раз?

Прочитал в газете «Завтра» (№11, 2017) большой материал «Зияющая пропасть февраля» — беседа с историком Андреем Фурсовым. Мне нравится аналитический подход Андрея Ильича к осмыслению исторических событий, пережитых человечеством за многие столетия. Вот и на этот раз, говоря о февральском (1917 года) свержении самодержавной власти в России, историк точно отмечает, оценивает участие в этом процессе среднего слоя российской интеллигенции.

Фурсов приводит слова русского мыслителя Ивана Лукьяновича Солоневича: «Делаю революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет... Ни Достоевский, ни Менделеев, ни Павлов — никто из русских первого сорта, при всём их критическом отношении к отдельным частям русской жизни, революции не хотели и революции не делали. Революцию сделали писатели второго сорта вроде Горького. Историки третьего сорта вроде Милюкова, адвокаты четвёртого сорта вроде Керенского. Делаю революцию почти безымянная масса вроде гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала в русское сознание мысль о том, что с научной точки зрения революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот почти безымянных процессов... Без массовой поддержки этой профессуры революция не имела бы никакой общественной опоры».

Как точно этот поставленный общественный, социальный диагноз можно отнести и к событиям, происходившим в Российской империи (СССР) в конце века. Вновь безвестная дотоле профессура прорвалась

на трибуны Верховных Советов и Съездов, в эфиры радио и телевидения, на страницы газет и журналов с миллионными тиражами. Одуревшая от их воззваний толпа разрушила государство, ввергла сама себя в нищету и, вроде бы одумавшись, попыталась повернуть назад, да не тут-то было.

Кто до «перестроечных» событий знал Анатолия Собчака, Егора Гайдара, Анатолия Курчаткина (которому в потасовке разбили очки в ЦДЛ — и это оказался для писателя звёздный час)?

Рано, ещё в начале 80-х годов, я определил для себя цену этой «несостоявшейся интеллигенции» — агрессивной, необразованной, но чрезвычайно требовательной к окружающим. И не ошибся.

Запишу и ещё один факт, о котором рассказал задававший вопросы А.И. Фурсову Андрей Фефелов: «Первыми, кто встал на сторону Временного правительства, были монахи Соловецкого монастыря. Они отослали приветственную телеграмму новому правительству ещё до знаменитого заседания Священного Синода, когда из окна выкинули царский трон». Думаю, для многих это малоизвестный факт.

А вообще, эту поездку скрашивал нам Сашка. Таня прилетела с ним из Норвегии на несколько недель, и мы не можем им налюбоваться, наслушаться его голосом, надивиться на его сообразительность.

18 июля

Сделаю запись для памяти. В Донецке глава Донецкой народной республики Александр Захарченко собрал что-то в виде конференции, на которой выступил с заявлением (текст с листа прочитал «спотыкаясь», заикаясь) о стремлении к созданию государства Новороссия со столицей в Донецке. Обоснование — сегодняшняя ситуация на Донбассе тупиковая, и потому нужно определиться с новой исторической целью.

По словам лидера ДНР представители двенадцати регионов Украины подписали этот документ. Были проведены консультации с представителями бизнеса и власти этих областей. Речь не идёт о военном продвижении вглубь независимой, а лишь о политическом процессе.

Я не очень понимаю, что из всего этого получится. Думаю — никаких последствий не последует. Для властей России, исходя из комментариев (редких), а затем и вообще полном молчании, эта инициатива оказалась неожиданной. Но всё это говорит о том, что политическое «брожение» на Донбассе не прекратилось.

21 июля

Закончил вычитку «Искр потухающих костров. Разворачивая свиток времени». Казалось, эту работу невозможно было сделать (да и не была бы она сделана, если бы не огромный бескорыстный труд Татьяны Антиповой — весь текст дневников она набрала на компьютере), страшно было к ней приступить, многие сомнения одолевали — стоит ли сейчас публиковать дневниковые записи, будут ли они интересны читателю? И вот всё позади (кроме сомнений): вычитаны дневники с конца 2000-го года по 2016 год. Сколько людей в моей жизни за это время появились и исчезли — кто навсегда (умерли), кто-то ещё, может быть, повстречается на моём пути (хотя — маловероятно). Главы из книги зажали своей жизнью — в первую очередь на страницах «Вертикали. XXI век» (в журнале хочу опубликовать всю книгу), но и в альманахах «Истоки» (Красноярский край), «Под часами» (Смоленск), на сайтах «День литературы», «Журнальный мир». Кажется, будут публикации и в других изданиях.

Не всё меня устраивает в книге (надо бы поработать над стилистикой, не изменяя смысла записей — не нарушая исторической правды происходившего), и возможно, ещё буду к её содержанию возвращаться. Но всё это потом. Сейчас же испытываю чувство облегчения и удовлетворения — всё-таки довёл начатое до конца.

Хотя — ведь книга, как и моя жизнь, продолжается.

26 июля

Из встреч и впечатлений последних дней.

Как всегда неслышно, крадучись вошёл ко мне в кабинет журналист Валерий Татаринцев. Давно не виделись (ровно год — тогда он так же незаметно «растворился» с моего дня рождения), потому тем для разговора немало. Например, Валерий рассказал о гибели (разбился на вертолёте в Ялте) владельца корпорации «Союз Маринс Групп» Александра Куликова. В Нижнем Новгороде это был известный сайентолог, владелец компании «Центр-ГАЗ», а затем группой «Земляне». Я работал в «Центр-ГАЗе», встречался с этим оригиналом, у которого в кабинете жила огромная змея. Видимо, в этого бизнесмена вложили немалые деньги, чтобы скупить имеющиеся в городе, тогда ещё государственные, гостиницу «Сормовская», Дом моды, гостиницу «Центральную», Центральный универмаг, городскую типографию и прочее, прочее, прочее... Теперь, как оказалось, он ещё и актёр, певец, занимался кинематографией. И вот — смерть. Думаю, с собой он не смог забрать ни копейки. А как жёстко, «механически» он вёл себя с людьми как с инструментом для достижения цели.

Поделился с Валерием впечатлением от недавней поездки в Лысково (оказывается, Татаринцев просто не захотел туда ехать, потому и не пришёл в назначенное время к автобусу — в отличие от меня), где выступали казаки (генерал-майор и полковник), «академик» С.Скатов, «профессор» М. Сухорукова.

— Вот так и живём среди всего фальшивого — званий, степеней, наград. А ещё удивляемся, что такое пренебрежительное отношение властей к «деятелям культуры».

Фальшивые академики, генералы, профессора. И как итог — фальшивая жизнь.

Готовил книгу избранных стихов Валерия Фирсова. Просмотрел и большей частью прочитал все семь его предыдущих сборников. На итоговую книгу набрал вполне добротной поэзии. Но вот что удивительно — ранние стихи (80-х годов прошлого века) намного оригинальнее, интереснее, свободнее, поэтичнее текстов позднего периода, из которых совсем ушла поэзия, а осталась лишь удачная зарифмованность — грубая, тяжеловесная. Читаешь эти строки, и будто грязные, тяжёлые булыганы с трудом переворачиваешь.

Отец Евгений Юшков только сегодня смог приехать, чтобы поздравить меня с 60-летием. Выпили мы с ним по чуть-чуть замечательного напитка. Закусили ломтиками солёной вкуснейшей волжской рыбы. И так радостно для души, хорошо поговорили... Батюшка вроде бы плоть от плоти человек нашего времени. Говорит на темы обыденные, понятные. Но такое впечатление (у меня), что в нём живёт ощущение вечности, нечто надвременное — которое и непостижимо сложно для восприятия, и непостижимо просто одновременно.

Главное, я понимаю, что сам он этого не ощущает. Может, потому соль добр, сочувственен, отзывчив. И всё это без всякой слезливой сентиментальности, без показных вздыханий. Просто его душе легче именно так проходить свой земной срок. Вот отец Евгений за ней, душой, и следует.

Рассказал батюшка недавний удивительный случай, что произошёл на Бору. Муж и жена пошли в лес за грибами. Набрали лисичек — и заспорили, указывая в разные стороны, как дойти до автобусной остановки. Так, поссорившись, и разошлись. Муж дошёл до остановки, до вечера ждал супругу. Не дождался и отправился за помощью.

Шесть дней искали заблудившуюся волонтеры — равнодушные люди (сын бросил клич о помощи по интернету) — и нашли. Искусаную насекомыми, в изорванной одежде, обессиленную, но живую.

— Мы молились о ней, о том, чтобы была страдальце помощь Божия. Милиция на следующий день заявила: «Чего искать, она уже мёртвая». Сын же верил — жива она. Вернее — чувствовал. Вот такое чудо.

— Да, чудо, — согласился я, — в котором главное то, что всё в России (главное) делается на совести и жертвенности: спасение людей, создание новых производств, культура. Там же, где есть оплата, «вертятся» деньги — сбиваются люди корыстные, стяжательные, вороватые. И несут они с собой развращение и разрушение. Нет у людей на них опоры, в них веры.

Подарил отец Евгений мне фарфоровую кружку (а до этого такую же «художественную» чашку — большую) художницы Елены Валерьевны Мольковой. Будет мне добрая память.

И последнее: Таня и Сашка улетели в Осло. Ирина до сих пор его игрушки на место не убирает. Смотрит в компьютере фотографии, видеозаписи внука, сделанные за этот срок гостевания. Тоскует... И я вместе с ней, хотя не показываю вида.

29 июля Семёнов

Прошло пять лет, как я был в этом городе на 105-летию со дня рождения Бориса Петровича Корнилова. И вот русскому поэту 110 лет. Приглашение пришло из Центральной районной библиотеки — теперь она разместилась в отдельном здании, в котором раньше хозяйничал какой-то банк. Поехали с Ириной, повезла Светлана Леонтьева.

Митинг у памятника поэту на площади имени Б.П. Корнилова проходит под палящим солнцем. Пол лета не было тепла, и вот сразу пекло такое, что больше напоминает пытку.

Хорошее слово сказал Геннадий Николаевич Красников. Конечно, в основном повторил мысли, что сформулировал (ранее) в очерке о Корнилове «Я — последний из вашего рода...», который я читал в его книге «В минуты роковые». Пожалел, что мало людей пришло на митинг — мол, десять лет назад слушателей собралось больше, вся площадь была заполнена людьми.

Я тут же подумал — а главное ли это для сохранения памяти о поэте?

В историко-художественном музее три зала посвящены жизни и творчеству Корнилова: редкие детские фотографии, прижизненные издания книг, подлинные автографы и документы, фотографии комсомольской юности и, наконец, открытие памятника поэту в 1968 году — поздней снежной осенью. Редкая мать доживает до того дня, когда погибший сын возвращается к ней в граните. Таисия Михайловна дожила до этого времени благодаря стараниям и упорству первой жены Бориса Петровича — Ольги Фёдоровны Бергольц.

Но я поднялся и на второй этаж особняка, принадлежавшего когда-то купцу-старообрядцу Петру Петровичу Шарыгину. С XIX века у этого дома большая и «поломанная» судьба. Обосновавшийся здесь музей принёс ему успокоение.

Залы с деревянной резьбой замечательны. Тут всё — от утвари и игрушки, до скульптуры и наличников.

Завершение торжества в Центре Культуры и искусства. Тут совершенно неожиданно вызвали меня на сцену. Пришлось говорить то, что Бог «вложил в мои уста». Не предполагал выступать, и потому даже самую малость не продумывал своего слова. Но об исконных корнях сохранения русской культуры на этой земле упомянул, местных поэтов отметил, и то, что важно не количество собравшихся, а сам факт нашей памяти о Корнилове, подчеркнул.

На сцене семёновцы читали стихи Бориса Петровича. А потом местные выступили со своими виршами. И так это было проигрышно на фоне действительно высокой, талантливой поэзии, что я пожалел наших стихотворцев. Всё-таки надо понимать, где и когда ты можешь показывать свои произведения.

Познакомился в Семёнове с исполнительным директором Нижегородской областной организации ветеранов комсомола «Комсомольская площадь» Сергеем Петровичем Бурным. Хочет проводить какие-то со-

вместные акции с Союзом писателей. Но меня заинтересовало другое — они на сайте выставляют первые страницы комсомольских билетов. Пожалуй, я и свой сосканирую и отправлю им — там на фотографии у меня волосы ниже плеч. Фотографировали в комитете комсомола завода ГАЗ им. Попова, перед армией. Я был в кофте, и правоверные комсомольцы, ладно, с моей причёской согласились, но заставили надеть чей-то пиджак. Так, в одежонке с чужого плеча я и остался запечатлен «для истории».

Идём после застолья к машине. Тихий, уютный провинциальный старинный городок так внутренне добр, душевен, так в нём ясно ощущаешь проходящее время, что и сам невольно, где-то глубоко внутри себя, успокаиваешься.

Подарил музею №№ 49, 50, 51 «Вертикали. XXI век», где опубликованы дневники «Искры потухающих костров». Хорошо подписал (упомянув Корниловский юбилей), закрепил печатью Областной писательской организации — может быть, сохранят для будущих поколений, как документ литературной жизни Нижегородского края.

31 июля

Главная новость в России — наш ответ США на предновогоднюю высылку из Вашингтона 35 российских дипломатов и отъём у Российского посольства двух особняков за городом, предназначенных для отдыха персонала дипмиссии и членов их семей. Теперь Москва изгоняет из страны 755 дипломатов США, отбирает у посольства США дачу в «Серебряном бору» и складское помещение в столице. Решение Министерства иностранных дел России обнародовано 28.07. Понятно, что в телевизионных дискуссиях эту новость без конца обсуждают — эмоционально, с криками, как дело, в определённом смысле, судьбоносное.

Я смотрю на всё это, слушаю высокообразованных (это редкость — чаще всего не очень) «политологов» и «общественных деятелей», и вспоминаю труп мальчишки лет 12-14 на дороге у станции Киселихи (сразу за железнодорожным мостом, почти на том же месте, где погибла семья Вадима Семирикова — мать, брат с женой...). Валяется рядом скутер (небольшой мотороллер или мотоцикл), джинсы порваны, и сквозь них видно окровавленное колено. Какой-то парень из остановившегося автобуса пытается заставить сердце мальчишки забиться — давит ему толчками своими ладонями на грудную клетку, но как-то обречённо, не веря, что спасёт.

Всё произошло буквально только что (мы ехали в Семёнов на праздник), ещё его родители, близкие не знают о случившемся. Возможно, смеются, смотрят телевизор, спорят и раздражаются по пустякам, и не знают, какое горе их поджидает, какая беда на них обрушится. Они уверены, что их сын жив, а его уже нет с ними.

И как на фоне одной неожиданной смерти мелка новость с высылкой дипломатов, отъёмом дачи и склада. Последнее раздражает, «взвинчивает нервы». А только подумаю о погибшем мальчишке, беспомощно распростёртом на асфальте шоссе, и ком забивает горло, от которого не избавиться. И такой мелкой, ничтожной становится телевизионная суета, по сравнению с той тайной, свидетелем которой невольно стал. Мир изменился с гибелью этого мальчишки. Это пугает, заставляет трепетать душу, накатывают на глаза слёзы.

Как же мы должны быть связаны друг с другом, если смерть неизвестного нам человека может так на нас влиять. Есть ли в этом что-то случайное?

2 августа

Николай Михайлович Лапшин позвонил из Дивеева, с празднования. Попросил дать возможность провести в Союзе писателей встречу с публицистом из Белоруссии Валерием Михайловичем Ярчаком. И вот ве-

чером собралось в нашем зале человек двадцать. Ярчак — фигура колоритная: высок, очень толст, бородат, в русской льняной рубаше (на спине сырой от пота), подпоясанной кожаным ремнём с пряжкой, на которой монограмма императора Николая II (в Дивееве в этот праздник открыли памятник царской семье). Говорит довольно сбивчиво и сразу обо всём. Не знаю — это от неподготовленности к встрече с пришедшими, или от характера.

Валерий Михайлович автор книги «Слово и дело Ивана Грозного». Но ещё, как оказалось, адвокат, общественный околочерковный деятель и прочее, прочее, прочее. Мне оказалось достаточно его послушать о президенте Белоруссии Лукашенко, о тамошнем национализме, о сокращении православного населения в республике, чтобы заскучать и уйти из зала. Благо позвонил отец Евгений Юшков — был благовидный повод. Ну почему — как выступает кто-то от патриотов (странствующих), то чаще всего такой неряшливостью, неопрятностью (физической и интеллектуальной), скукотой веет от этих встреч. Произносятся какие-то «избитые истины», рассказываются истории, которым непонятно — верить или нет.

6 августа

Ходил к собору Александра Невского прощаться со старой Стрелкой. Вернее — с тем, что от неё осталось. Всё снесено, расчищается до земли. И следа не осталось от старых кирпичных домов, в которых при мне ютились ГАИ Канавинского района, медвытрезвитель, жилые бараки... Целы у реки административные здания порта, в которых до последнего времени располагалась нижегородская таможня, но и они брошенно опустели, доживают последние дни.

Территория порта непривычно обнажена, скрывавший её забор уничтожен тяжёлой техникой, которая теперь добывает старые грузовые пакгаузы на берегу Оки.

Всё неузнаваемо меняется. И уже никто не вспомнит, как жили (выживали в жутких бытовых условиях) здесь люди. Как беспрестанно работали огромные портовые краны (их демонтировали — хотя, наверное, можно было всё это архитекторам, дизайнерам как-то обыграть, устроить на этом месте какой-то ретро-парк, что ли?), разгружали баржи с арбузами, помидорами — да с чем только не разгружали!

Обошёл собор. Вплоть до строящегося стадиона (к чемпионату мира по футболу в 1918 году) — «голое поле». Груды кирпичей, бетонные блоки торчат из раскучерченной земли, в которой роятся цыгане — женщины, мужчины стоят рядом, разговаривают, смеются, курят. Чего нужно этим бедолагам? Ищут металлолом? Единственный уцелевший красного кирпича трёхэтажный дом (той, дореволюционной, староярмарочной постройки) нелепо и растерянно смотрит на всё происходящее запылёнными, частью разбитыми окнами. Видимо, и его существование предрешиено.

Отчего-то грустно на сердце, когда видишь наступление всего этого неизбежного. Стираются историей, временем жизни и судьбы людей, меняются пространства. Всё говорит о материальной недолговечности и окружающего нас, и нас самих.

11 августа

Вот и ещё одна «сюжетная линия» в моём дневнике оборвалась. Умер Сергей Петрович Чуянов. Сообщили об этом вчера — позвонили из Союза журналистов, незадолго до прихода ко мне А.М. Коломийца. Алексей Маркович приехал прочитать свою статью о творчестве Александра Ивановича Люкина. Тогда я ему и передал эту новость.

Статья для «Вертикали. XXI век» получилась. Каких-то открытий в ней нет, но автор спроецировал поэзию, стихи Люкина на свою жизнь, проиллюстрировал (отчасти) ими собственную биографию, и это ожидало текст размышлений. Но тут другая сложность — слишком много

цитат, и среди них собственно авторский текст начинает теряться. В общем, при подготовке нужно будет всё ужимать, приводить в порядок.

Относительно похорон Чуянова — договорились пойти вместе. Но оказалось, что поехали с отцом Владимиром Чугуновым. Коломиец так и не появился. Прощание с Сергеем Петровичем проходило в новом ритуальном зале Бугровского кладбища. Гроб закрыт. И это понятно — Сергей перестал «выходить на связь» 31 июля. Только через несколько дней его нашли в собственной квартире на улице Ковалихинской бездыханным. Позже паталого-анатомы определили — кровоизлияние в мозг.

Подошедший А.М. Цирульников рассказал, что они вместе отдыхали в санатории «Городецкий», и Чуянов постоянно ездил в Городец решать вопрос о создании там своего музея. Из последующих разговоров с другими людьми я выяснил, что власти городка в этом ему отказали, хотя Сергей готов был передать в музей свои коллекции городецкой росписи, донец (основание прялок), картин, глиняной посуды, огромный архив (интереснейший — он переписывался с выдающимися людьми, хранил разные ценные исторические документы). Но вот — ничего не успел. Что-то особенно ценное (в художественно-историческом плане), наверное, ещё могут у наследников приобрести коллекционеры, музеи. Большая же часть бумаг, увы, скорее всего погибнет. Кто их будет разбирать, кто потратит на это кусок собственной жизни?

Повезли гроб на старое автозаводское кладбище, положили в могилу, где захоронены дедушка, бабушка и мать.

Я впервые в этом месте. Пошёл осматривать погост.

Поражают надгробия цыган. Чёрный мрамор, точёный отполированный камень, высокая площадка. Но есть и целые мавзолеи. Я на такой один набрёл. Высокая кованная сень, закрытая пластиком. Внутри могильный комплекс — плиты чёрного мрамора, на которых изображены портреты покойных, колонны, затейливые ступени и много ещё чего. И обязательно рядом с покойным изображён стол с коньяками, винами, фруктами. Сытость — главное достижение в жизни.

На этом фоне захоронения бывших директоров ГАЗа скромны, но более достойны. Тут в центре лежат и Иван Иванович Киселёв — Герой Социалистического Труда, руководил предприятием огромный срок (1958-1983 гг.) — легенда города, и Борис Павлович Видяев (1986-1994 гг.).

Нашёл могилу Виктора Сергеевича Коноваленко (1938-1996) — нашего прославленного хоккейного вратаря, заслуженного мастера спорта СССР, двукратного олимпийского чемпиона, восьмикратного чемпиона мира и семикратного чемпиона Европы. Хорошая скульптура. Её не единожды оскверняли (воровали бронзовую шайбу, отпиливали бронзовую вратарскую клюшку — шов от сварки, где устраняли последствия вандализма, и сейчас виден), видно, что за захоронением ухаживают. И стоит Виктор Сергеевич под елью в вольной вратарской позе с достоинством, как и должно заслуженному человеку.

Поминальный обед в столовой телецентра. Тут узнаю историю последних месяцев жизни Чуянова. Сергея уволили с телевидения в марте. Остаться не у дел, в одиночестве — тяжёлое испытание после семидесяти лет. Но вернувшись на ННТВ (после хождения в депутатство и во власть) Ольга Носкова пообещала Сергею Петровичу взять его назад — у того были какие-то идеи, новые проекты. Зная Чуянова, мне тяжело у это поверить. Он, по своему менталитету, человек середины прошлого века. Его передачи выглядели довольно устаревшими, скучными — потому его и изгоняли из телестудии. Но я не знаю ещё человека, который бы так знал нашу область — её художественные промыслы, самый маленький музей, всякий самодеятельный коллектив, библиотеки... За это Сергей был избран почётным гражданином трёх районов — Городецко-го, Балахнинского и Большеболдинского.

Многое, что интеллектуально накопил, Чуянов успел перенести в свои книги, которых издал немало — о городецкой росписи, нижегородском

балете, художниках, книги писем ему Расторгуева (Евгений Анатольевич Расторгуев — художник. Книга: «Ангел над Городцом», Нижний Новгород, Родное пепелище, 2012) и Золотарёва (Владимир Золотарёв — баянист, композитор. Книга: «Наедине с душой», Николо-Погост, НООФ «Родное пепелище», 2010).

Он был членом четырёх творческих союзов: журналистов, художников, театральных деятелей, писателей. Везде входил в состав правления. И только я вывел его из правления Союза писателей, когда стал председателем организации. Но в конце жизни всё это оказалось неважным. Не спасло от одиночества и чувства покинутости. И как итог — смерть.

14 августа

Смотрел фильм о протоиерее Николае Алексеевиче Гурьянове (24.05.1909 — 24.08.2002), настоятеле храма св. Николая на острове Табалск (Залит) в Псковской области. Из многого всего, рассказанного о старце, поразила меня одна, в общем-то бытовая деталь, относящаяся к его жизни. О ней поведали жители острова.

До того, как отец Николай прибыл сюда, остров был «голым», без леса. Именно Гурьянов насадил на нём деревья, выходил их. Сколько поколений людей жило здесь, посреди вод Псковского озера, и никому не пришла в голову простая мысль — посадить деревья, чтобы и взгляд усладить, и окружающий мир украсить, и от пронзительного ветра защиту возвести. А появился один человек — и всё изменил. И так всё в нашей жизни, в мире, окружающем нас, происходит. Каждый привносит в него нечто (дурное или отрадное), что изменяет вокруг пространство — видимое и невидимое (духовное).

16 августа

Открытие выставки Виктора Ивановича Пурихова «Лики и лица» в Музее Московского района. Я и раньше слышал о существовании в городе этих выставочных площадей, но приехал сюда впервые.

Пурихов устроил солидную выставку своих скульптур — показал и произведения, вырубленные из дерева, и мелкую пластику (гипс, ангедрит). Тут и портреты (бюсты — В.И. Занюги, С.И. Шуртакова, хирурга Королёва...), и композиции «бытовой жизни». Думаю, мало у кого из наших скульпторов найдётся столько не заказных (ради заработка), а именно вольных творческих работ. Но именно они и доказывают, что признание к скульптору пришло заслуженно — как итог огромного труда. Об этом я говорил и в своём выступлении, и давая интервью телевизионщикам. Виктор Иванович вспомнил слова своего учителя-земляка, народного художника РСФСР, скульптора Павла Ивановича Гусева: «Ты должен работать не только ради заработка, но и для души, для творчества, участвовать в выставках, создавать то, чего хочется, а не только то, что заказывает заказчик».

Пурихов всю жизнь следовал этому завету. Я не единожды бывал у него в мастерской (почти все выставленные работы я там уже видел — правда, здесь, в залах, на витринах, очищенные от пыли, они «заиграли» совсем иначе) и потому знаю, о чём говорю. Только через труд раскрывается творец.

Жаль, что мелкая пластика (а она любопытна) почти вся выполнена в гипсе (частью тонированном), и лишь несколько работ в материале — камне и одна статуэтка в бронзе. Гипс — материал недолговечный, его нелегко сохранить. Особенно в провинциальном музее села Барнукова, куда хочет отвезти основную часть своих работ Виктор Иванович. Ну, да что поделаешь. Вот вместе с учителем и будут выставляться в одном помещении, на втором этаже местного Дома культуры — изгнав оттуда за ненадобностью библиотеку.

В США продолжается снос памятников героям конфедерации (южанам, боровшимся в гражданской войне против северян). Всё это так

напоминает недавние события во всех цветных революциях Ближнего Востока, Грузии, Украины, что невольно понимаешь — работают всё те же политико-социальные технологии, которые теперь используются и в Америке для создания хаоса, неуправляемости в стране.

Удивительно, как люди быстро превращаются в очумевшую толпу — налетают на поверженные с пьедесталов монументы, неистово пинают их, крушат, будто эти куски бронзы и есть главный враг в их жизни.

Попытавшегося объяснить гражданам страны, что история сложна и в ней нет только виноватых и только безвинных, президента Трампа «демократическая пресса» заклеила позором.

Меня не покидает чувство, что мир идёт к глобальному (и кем-то задуманному) потрясению, которое его переиначит, перекроит, изменит его экономическую основу. Иначе из того тупика, в который зашло человечество, возможно и не выбраться. Но это в глобальном понимании. Что же касается отдельной человеческой личности, то всех нас ждут безрадостные, губительные времена, в которых удобно существовать будет только рабам, думающим и поступающим «как все».

17 — 20 августа Кунавино

На участке у дома за последние два года скопилась целая куча обрванных веток от яблонь, смородины, вишни, шиповника. Всё собирался от неё избавиться, да руки не доходили. В этот приезд решил пожечь древесный хлам в печках — сколько получится. Понимаю, что по времени это занятие излишне затратное, но уж коли решил — взялся. Ломал руками засохшие сучки, скручивал в жгуты иссохшие веточки, складывал всё это добро в большие пластмассовые ванны и уносил в дом. Печки топил в очередь. Дом просил тепла — за всё лето впервые в него приехал. И не то чтобы стены хранили зимнюю сырость (этого не ощущалось), но лёгкости воздуха, каким он становится только от ровного печного тепла, не было. Тяжеловат, густ он сейчас в комнатах дома. Надо сказать, кучу к вечеру я заметно поубавил. Гордо возвышавшаяся недалеко от кустов смородины, к окончанию моей работы она поприникла к земле, поскромнела. Думаю, за следующие дни придёт к ней и ещё значительно поубавиться.

Конечно, я бы мог этот древесный хлам куда-то перетаскать (а сколько бы на это времени потратил — не думаю, что меньше, чем на сожжение), и гнил был он в ображке у дороги, захламленностью укоряя взгляд всякого проходящего. А так — взявшийся в печках огонь из хаоса (этим-то куча засохших веток и угнетала взгляд — хаосом торчащих в разные стороны корявых сучьев, нелогичностью, изломанностью линий), из неприглядности смерти всё превратил в ровный слой алых углей, по которым словно нервы, порывисто пробегают искрящиеся огоньки. Воистину — велика созидательная сила огня. В первозданность он превратил то, что уже не могло жить на земле.

Только сейчас стало известно — зимой умер мой сосед Евгений Елисейкин. Я посокрушался — но не очень. Дело всё к тому шло. Был он мастер на все руки. С ранней весны до поздней осени жил в деревне. В хозяйстве имел всякий инструмент и оборудование — сварочный аппарат, станок с электропилой и рубанком... Как-то у меня под верандой покосился кирпичный столб — он принёс лебёдку и исправил неполадку в строении, со словами: «Я умру — никто тебе не починит».

Но вот как-то в одно лето бросил он напрочь свой деревенский дом, баню, теплицы (всё сам построил — из бывших в употреблении, отслуживших вой срок шпал) — и запил безбожно. Что тут было виной, что послужило такому изменению его жизненного уклада — я не знаю. Но догадываюсь... Не очень у него складывались отношения с супругой. Даже жили летом по разным «дачам». Но вот той пришлось свои загородные хоромы продать (понадобились срочно деньги в помощь сыну), и вернуться в дом к супругу. И тут настали для Евгения Алексеевича времена

непростые. Супруга — женщина характерная (привыкла в трамвайном управлении мужиками командовать), он тоже не из подкаблучников, человек самостоятельный. А тут — сделай то, сделай это, лишнюю рюмку не выпей (а к этому, надо признаться, он имел некоторую слабость) — в общем, не жизнь, а мучение. Вот и сорвался.

Впрочем, повторю, это только мои предположения. Но в деревне он не показывался года три. Супруга на наши вопросы отвечала — опустился, обомжтался, стал настоящим алкоголиком. В прошлом году его вновь привезли в деревню. Я даже не сразу узнал Евгения Алексеевича — так он постарел, стал «плохим» на память. И вот — его не стало. Я как-то, не совсем объяснимо для самого себя, загрустил. И только когда пошёл на озеро искупаться, проходя по деревне, понял, в чём дело: Елисейкин был последним из тех мужиков, кого я застал, покупая тут дом тридцать лет назад. Из женщин ещё кое-кто хозяйствует, а из мужиков — никого. Все умерли. И выходит, что в этом ряду я стал крайним. Как тут не вспомнить присказку Валентина Арсеньевича Николаева (тоже бывал у меня в гостях в этой деревне): «Вот и смотри...»

Близок рубеж. Близок...

Суббота. У соседей гремит дурная музыка. В окрестностях деревни, в лесах, окружающих её, грохочут выстрелы — как на войне. (Где они только столько дичи нашли. Или тешат себя стрельбой по всякой всячине — веселятся?) Тут не то что писать — читать невозможно.

Бросил всё, пошёл носить для дома воду с родника. Вода чистая, холодная — оттого немного радостнее сделалось на душе. Бабочка прилетела и забила в окно на веранде. Большая, красивая, чёрная с цветными разводами по краям крылышек. Невольно вспомнилось вчерашнее ночное небо — чистейшее, глубокое, с будто в учебнике по астрономии нарисованными созвездиями. И захотелось спросить бабочку: «Ты откуда? Из той, минувшей навсегда ночи?» Но понимаю — и мешающие выстрелы, и хаосом звуков гремящей «музыки», и лёгкое, шелестящее постукивание крылышек бабочки о стекло окна — всё это отражение моей душевной смуты, моей глубокой внутренней несобранности, нецельности. От этого маетно на сердце, а не от окружающего. Но только из этой смуты, из борьбы с ней и может что-то родиться, написаться. Уж плохо или хорошо — другой вопрос.

Купался у плотины, там, где речка с шумом падает в бетонный колодец, и под дорогой убегает дальше в овраг, по склону которого к ней спускается и наш дальний участок. Вода тёмная, торфяная, холодная, лесная. Не вот сразу в неё зайдёшь. Но зато уж когда справишься с собой, с ознобом, до мурашек по телу обжигающим холодом, и бухнешься в неё — лёгкость появляется в движениях и какая-то освобождённость... от тела.

Не подобно ли и душа покидает нас в своё время, в свой черёд?

21 — 22 августа Сады. Борский район

Устроили с Михаилом Рубцовым лесной поход от его дачного домика через посёлок Глубинный до исчезнувшей деревни Рябиновки. Около трёх часов шли туда и обратно.

Богословскую дискуссию начатую Михаилом я постарался побыстрее завершить — толку в этих разговорах минимум, да и слишком они далеки от насущной жизни. Все эти теоретические изыскания неглубоки и по сути своей вторичны. Это не открытия, сделанные собственным интеллектом, а цитирование уже готовых истин, множество раз повторенных и произнесённых другими. Но вот новость, которая меня действительно не оставила равнодушным — это о том, что у Василия Никитина сгорел деревенский дом. Родовой — деда, отца. Всё произошло в начале лета. И виной всему огонь лампадки в комнате матери. Как обычно — всё началось с занавески и далее, далее... Не дай Бог кому такое пережить. Ладно, сами все спаслись.

А дорога в лесу замечательная — узкая асфальтированная полоса, где без обочины осторожно разъедутся две машины. Тихо, пустынно. Громко дятлы долбят верхушки стволов погибших сосен прямо у дороги. Одинокий лесоруб пилит на делянке стволы берёз и сосен. Михаил говорит, что их буря наломала. Было прежде не пройти. Но теперь всё пошло в хозяйство, в дело.

Какие-то заповедные места, будто созданные именно для подобных созерцательных прогулок.

Назад в дом вернулись в поздних сумерках. После чая лёг спать в верхней (заново отремонтированной) комнате. Немного полистал книги, да и выключил свет. Снизу доносился негромкий голос Рубцова, читающего очередной акафист. Окончания этого чтения не дождался — уснул.

На утро Михаил смиловивился — правило, на которое и меня поставил, смог завершить менее чем за полчаса.

Накопали мне чесноку, и отправил меня Рубцов восвояси. Вновь шёл по перелескам и деревням, ставших дачными посёлками. Хорошо, тихо. Мир, совсем не похожий на тот, куда я возвращаюсь.

23 августа

Хорошая встреча в Союзе писателей с Владимиром Михайловичем Тереховым. Мы как-то осторожно, мелкими шажками начали сближаться, пошли навстречу друг другу. И продолжается это не первый год. Из-за чего так происходит — мне сказать трудно. Разность в возрасте? Разность (в прошлом) общественного статуса — Владимир Михайлович заслуженный работник культуры РФ, директор музея Н.А. Добролюбова? Недоверие из-за разности воззрений на историю и сегодняшние события в стране? Не знаю.

Владимир приглашал меня на вечера, проводимые им, как руководителем Нижегородской организации Союза профессиональных литераторов, но у меня ни разу не получилось на них побывать. В то же время, когда я его звал, он добросовестно откликался. В общем, литературной жизни города Терехов человек не чужой.

На этот раз он попросил о встрече, чтобы обсудить некоторые перспективные совместные мероприятия (по всем я высказал полную свою поддержку), и предложил написать страничку текста (приветственного) для книжки, которую готовит к изданию в честь своего 70-летия. Заметку я написал сразу после ухода Терехова. Думаю, её можно привести в дневнике:

«Владимир Михайлович Терехов — личность известная в Нижнем Новгороде. Даже где-то легендарная. Понимаю, что никакой «америки» этим утверждением я не открываю, и всё-таки хочется его повторить ещё раз вслух из-за какого-то внутреннего беспокойства. Мол, вдруг найдётся такой человек, который возьмёт, да и засомневается: «Так уж и известная?». Так вот именно для него это я (большинством горожан, интересующихся литературой и краеведением, давно и бесспорно принятое) утверждение и повторяю.

Мы не так давно узнали друг друга (вернее, относительно недавно начали узнаваемо раскланиваться при встрече друг с другом), но как это всегда бывает в отношениях более старших с младшими — я-то его узнал задолго до нашего очного знакомства. Признаюсь, всегда с большим интересом ожидал его выступлений на каких-то литературных торжествах, собраниях «культурной общественности города». И никогда в этих выступлениях не разочаровывался. Они неизменно были умны, остроумны, неординарны и внутренне свободны.

Наверно, благодаря этой внутренней свободе Владимир Терехов писал и пишет свои стихи — их ни с чьими другими не спутать.

*Открываются тайные строки,
Что таились в душевной глубине,*

*Дожидаюсь предельного срока
Жизни, веры, надежды, любви...*

А ещё создал в Нижнем Новгороде отделение общероссийской организации «Союза профессиональных литераторов», альманах «Российский литератор». Единственное, что он явно мог бы, но пока ещё не сделал (и это автору я не единожды говорил) — это не написал хороших интересных мемуаров. Он столько замечательных людей знал, со столькими дружил. Думаю, случившийся юбилей Владимира Михайловича к этому труду подтолкнёт. А мы все будем их с нетерпением ждать.

Вообще — мне всегда были милы самостоятельно думающие и самостоятельно принимающие решения люди. Терехов из таких.

Владимир Михайлович, я рад, что судьба неведомыми путями как-то свела наши пути. Надеюсь — ещё на долгие и долгие годы.

Валерий Сдобняков
Август 2017»

Случайно наткнулся в интернете на лингвистический анализ моей книги «В предчувствии апокалипсиса». На шести страницах сделано множество всяческих подсчётов: сколько и каких букв и знаков препинания использовано в книге, части речи и много ещё чего подсчитано и разбито по таблицам. Но меня больше всего порадовали данные по «активному словарному запасу»: Использование уникальных слов 23039. Активный словарный запас 22402

25 августа

В деревне на стеллажах второго этажа отыскал пятый том из собрания сочинений Садриддина Айни. В нём воспоминания «Бухара» в переводе с таджикского Сергея Бородина («Художественная литература», Москва 1974 г. Тираж 50 тысяч экземпляров). Начал листать — и зачитался. Привёз книгу в город. В деревне не хватило времени дойти до её конца.

Удивительные картинки быта, характеров, нравов жителей Бухары и учеников Медресе. Своеобразная культура народов, населяющих этот древний город в конце XIX века — таджики, индусы, арабы, киргизы... Всё варилось в этом этнографическом котле — но не смешивалось. И вот это «варево» в начале XXI века выплеснулось на улицы русских городов, можно сказать, в своём первоначальном виде, с первоначальным пониманием религии (ислама), отношением к труду, уважением и ненавистью к хозяину. С внешними терпением и услужливостью, но что там зреет внутри этой массы — нам не ведомо. Потому что мы перестали изучать культуру этих народов, переводить и читать их книги. Да и возможно ли это в нынешних условиях? В пределах Российской империи и Советского Союза — да, а теперь, когда мы разъединены не только расстояниями, но и границами?

И ещё — о тюрьме народов, об угнетении их культур.

Интересно — сейчас кто-то издаст переводы произведений таджикского автора в шеститомном собрании сочинений, да ещё таким тиражом? А сколько их за те годы увидело свет в Москве! Конечно, это пополнило и нашу культуру, наше понимание разнообразия мира, того, что приезжающие на заработки в Россию таджики — это космонавты, жители с другой национально-социальной планеты. Но в первую очередь это всё-таки говорит о том, как много было сделано для этого народа в прошлые времена, и как неблагодарно он ответил за все благодеяния, совершённые по отношению к нему, чтобы в XXI веке вновь, практически, вернуться в то состояние рабства, из которого был выведен жертвенностью и терпением русского народа.

Но, может быть, именно в этом состоянии ему и следует для чего-то жить — в этом его предназначение и его счастье? Ведь нет ничего случайного на земле, нет хаоса — всё предопределено и всё существует на

своих местах. Ведь вот представленный в воспоминаниях Садриддина Айни мир — целен, логичен, естественен и оттого бесконечно интересен мне, наблюдающему (через чтение) его со стороны. Потому что человеческая основа (не взирая на национальные различия) у всех народов одна — любовь, доброта, отзывчивость, неприятие гордыни, жадности, заносчивости, чванливости... неприятие несправедливости. Хотя при этом существуют и особенности — потребление опиума (о котором русский мужик в те времена слыхом не слыхивал), шариатский суд, казни (в том числе «побивание камнями»). Всё это реалии той жизни, которые для народов Средней Азии были и остались естественными. Этот-то тысячелетний жизненно-общественный опыт они принесли теперь в наши города и посёлки.

28 августа

После встреч и разговоров с Валерием Валентиновичем Фирсовым (по поводу вёрстки его книги стихов «В поисках человека»), Станиславом Смирновым (письмо-справка о деятельности объединения «Отчизна» для областной прокуратуры), Владимиром Тереховым (о создании фестиваля поэтов), Александром Семёновичем Глыбиным (привёз свою новую книжку в подарок) пришёл домой, и тут звонок отца Евгения Юшкова:

— Никак мы с тобой повидаться не можем.

— А я только сегодня думал — как матушка ваша себя чувствует?

— Так умерла она. Завтра будем отпевать в Сергиевском храме на Бору... Две недели ничего не ела.

29 августа Бор

Холодно. Мелкий нудный дождь осторожно постукивает по зонту. Иду к Сергиевской церкви. Теперь тут создана, выстроена целая слобода, храмовый комплекс из двух церквей, домов притча, большой детской площадки, цветников и удобных дорожек. Посредине этого пространства возвышается памятник Сергию Радонежскому — ровно в половину меньше тех памятников святым, что поставлены в Нижнем Новгороде.

В церкви многолюдно. Гроб установлен посередине трапезной. К нему никто не подходит. Вот и я, обойдя центр, прошёл к правой стене храма, приложился к иконам Святой Троицы и Богородичной (почитаемой местными прихожанами, увешанной цепочками, невероятным количеством золотых колец и перстней, крестов и образков).

Отпевало покойную несколько священников — как я понимаю, братья Юшковы. Отец Евгений спокоен, но слёзы украдкой вытирает непрерывно и скорбно.

Перед началом службы из алтаря батюшка со вниманием вывел Николая Павловича Мидова. Как я потом узнал, он приехал «туда и обратно на нанятой машине».

Отпевание долгое, но не торжественное, а сочувственное, по-простому, по-крестьянски, без показного страдания. Будто сосредоточенно и ответственно выполнялась важная работа, за которой с расписанных стен наблюдали лики русских святых, в том числе и нижегородской земли. Свеча в моей руке догорела до конца, до жжения расплавленным воском пальцев.

Люди потянулись к гробу для последнего прощания. Выждав немного, я подошёл к отцу Евгению. Он заулыбался:

— Всё-таки успел!

— Мы с Ириной тут с начала отпевания. Просто вы всегда стояли ко мне спиной.

— Я в четверг к тебе приеду.

Мы попрощались. С Ириной ещё раз обошли (под дождичком) территорию у церквей и отправились на автобусную остановку.

Ближе к вечеру (по необходимости — нужно было отдать остатки книг Р.И. Чарыкова для передачи их В.А. Карпочеву) побывал в Союзе писа-

телей. Зашёл Сергей Скатов. Заговорили о моём фельетоне «В пустой бочке звону много» — ответ на пасквиль Владимира Седова.

— Он тебе может отомстить. Наймёт кого-нибудь.

— И что — ты предлагаешь таких, как Седов, бояться?

На Канавинском мосту не мог оторвать взгляда от пробившегося между нижним и верхним фронтами серых облаков оранжево-красного, цвета расплавленного в огне золота, заходящего солнца. Непостижимой красоты свет лился в это неширокое небесное пространство. Дыхание перехватило от увиденного!

Опустил взгляд, словно остужая его, на воду. По Оке медленно двигалась полоса речной пены. Под ней «ходили» волны (неспокойно, сумбурно от порывистого ветра) и создавалось впечатление, что это и не волны вовсе, а потусторонний, живой туман внутри себя рождает нечто жутковатое, неземное, грозящее бедой.

30 августа

В Учебном театре Нижегородского театрального училища им. Е.Евстигнеева 2-й курс, который ведут совместно А.В. Мюрисеп и директор училища Л.А. Чигин, показал экспериментальную постановку — спектакль «Ма Мы» (режиссёр О.В. Лысак). Экспериментальность заключается в том, что 23 студента записали на диктофон рассказы своих матерей о самом запоминающемся в их жизни, и затем всё это сыграли в своих миниатюрах — очень откровенных. Только молодые могут так безжалостно, откровенно, публично обнажать «язвы» своих самых родных и близких, не понимая, до какой степени это может причинить им боль.

В миниатюрах-откровениях есть всё — и о первой любви, и о разочаровании в ней, и о встречах с потусторонним (барабашкой, НЛО), о страшной жестокости по отношению к ним (молоденьким тогда женщинам), о несостоявшейся (в социальном отношении) жизни, о первом аборте в совсем ранней юности и о пережитом после этого презрении бывших друзей по двору... Думаю, пройдёт время, и некоторые из ребят и девчонок пожалеют, что когда-то такое рассказали о своих матерях.

В миниатюре «Аборт» (от физиологической правды повествования, когда в тазе лежали куски растерзанного в утробе матери четырёхмесячного младенца, вырванного оттуда) моей душе стало так невыносимо тяжело, что я закрыла лицо ладонью и начал молиться. Так затосковало, заболело, завывало от страха что-то у меня в груди. Не от внешнего страха... Тут что-то совсем другое.

Вот я и подумал — жестокий эксперимент над своими подопечными произвели педагоги-режиссёры. Ведь та боль, которую так легкомысленно обнажили эти дети, к ним обязательно вернётся и станет их болью.

Делясь после спектакля впечатлениями с Александром Васильевичем Мюрисепом, отметил главное: как я уже стар, раз мамы этих ребят только на рубеже конца 80-х — начала 90-х годов XX века сами поступали в институты, влюблялись, выходили замуж; подавляющее большинство второкурсников, прямо скажем, из семей почти необразованных, а значит, и у них самих интеллектуальный багаж на самом низком уровне; спектакль получился, потому что они понимали, видели, кого играть — вплоть до интонаций голоса. Ну и режиссёр всё действие привёл в законченную форму, вкропил в него некоторые находки (пионерский хор, исполняющий песни тех лет; пианист, при необходимости исполняющий «отвлекающие» мелодии и так далее), которые разбивают однообразие повествований, не дают заскучать зрителю.

И всё-таки осталось у меня ощущение опасности подобных экспериментов.

31 августа

Заехал за 51-ми номерами «Вертикали. XXI век» отец Евгений Юшков. Спросил у него, как умирала матушка.

— Тихо, смиренно, лишь в самом конце пострадала. Я всё хотел привезти к ней врача, а она на это отвечала: «Я тихо поживу...» Так и угасла.

Видно, в конце срока открывается человеку нечто, когда он понимает, что сопротивляться неизбежному незачем. Я уже не первый раз это наблюдаю и об этом думаю.

Ночевал у мен Николай Викторович Офитов. Приехал вступать в права наследства квартиры в Дзержинске, оставшейся после кончины родного брата. Привёз газеты «Слово» со своей статьёй к моему 60-летию «Боль. Вера. Любовь». Так я один экземпляр подарил батюшке вместе с журналами.

Познакомился с Сергеем Борисовичем Мольковым — скульптором, который приехал забрать журналы и книги для Михаила Викторовича Павлова, нового автора «Вертикали. XXI век» из Москвы. Сергей оставил хорошее впечатление человека внимательного, доброжелательного, спокойного. Не торопясь (надев очки) рассмотрел фотографии на стене, особенно групповые у бюстов и памятников — тут у него был двойной интерес. Очень похвалил мой портрет работы Е.И. Юсова. Да, рисунок у Евгения Ивановича получился замечательным. Сам скульптор готовит работы к юбилею М. Горького.

Позвонил Виктор Александрович Карпочев. Передал суть разговора с местным министром культуры С.А. Гориным по поводу поддержки издания книги к 100-летию С.И. Шуртакова. Вроде бы есть какая-то надежда, но не очень.

А вот вопрос передачи мною документов в областной архив с «товарищем генералом» обсудили подробно. Здесь я был полностью на стороне архивистов и убеждал Карпочева, что люди они ответственные и искренне заинтересованные в сборе и сохранении материалов, отражающих время, исторический процесс. От «Нижегородского землячества в столице» в архив уже переданы коробки с какими-то документами.

1 сентября

Осенний вернисаж в выставочном зале на площади Минина и Пожарского. Много любопытных, хороших работ. Но толкучка невероятная — как на пяточке перед началом демонстрации. Все возбуждены, громко говорливы, шумно здороваются друг с другом — обнимания, поцелуи. Смотришь на всё это, и не покидает ощущение суетливой неискренности происходящего вокруг. Но повторяю, есть любопытные работы и в живописи, и в акварели.

Увидел Мидова. Поздоровались. Спросил Николая Павловича о здоровье. Хотя чего спрашивать — выглядит он неважно, запущенно. Ответил, что пришёл на открытие выставки потому, что ему должны вручить какую-то грамоту. Господи, да об этом ли думать в подобном состоянии? Приобнял Мидова за плечи (такая вдруг жалость к нему нахлынула в сердце), и сквозь полотно рубашки ощутил его косточки. И было в этом ощущении моей ладони что-то недозволительно узнанное. Будто непростено вторгся в тайную, интимную сферу жизни другого человека. Потому и убрал поспешно свою руку с плеча Николая Павловича.

Удивило белое пятно у него на щеке рядом с онкологической опухолью. Словно ещё живую плоть тронул потусторонний тлен... Нет, что-то я уж слишком мрачно думаю. Даст Бог, ещё всё обойдётся, продлится время художника.

На выставке (на первом этаже) представлена совсем маленькая, в четвертинку писчей бумаги, работа Мидова — офорт «Николай Чудотворец». Около неё остановились с Геннадием Щегловым. Борется за остаток зрения — операции на глаза одна за другой. Хочет совсем бросить работу за компьютером: «Что зарабатываю вёрсткой, трачу на лечение». Хотя бодр, оптимистичен, загорел (много времени проводит за городом, в деревенском доме). Несмотря на такие нерадостные новости, выставка произвела хорошее, светлое впечатление. Работают художники. Творят.

Ещё перед началом спектакля в учебном театре Александр Васильевич Мюрисеп рассказал мне, что собирает воспоминания для книги к 100-летию Горьковского — Нижегородского театрального училища. Вроде бы директор училища Л.А. Чигин не очень хочет брать на себя обузу по поиску средств для выпуска книги, но я уверен — А.В. Мюрисеп настаивает на своём и печатно 100-летие отмечено будет. К тому же я предложил и свои услуги — почему бы не выпустить специальный номер журнала «Вертикаль. XXI век», посвящённый этой дате. Тематический выпуск о жизни и творчестве Е.Д. Табачникова имел большой успех. Отчего же не повторить попытку? Можно издать номер поскромнее, без фотовклеек на мелованной бумаге.

Александр Васильевич идеей вроде бы загорелся. И вот сегодня позвонил — будет разговаривать с директором перед торжеством, посвящённым началу нового учебного года. Хочет, чтобы Чигин объявил о сборе материалов и о том, что редактор «Вертикали. XXI век» готов их опубликовать, тем самым поздравив училище со знаменательной датой.

Да, я бы с удовольствием взялся за эту работу.

5

5 сентября

Смотрю в компьютере фильм «Зияющие Высоты» о жизни Александра Александровича Зиновьева. Поразительную мысль о писателе, учёном (логик, философ, социолог) высказала его супруга Ольга Зиновьева: «Зиновьев — есть русская судьба. Ему не повезло — он был слишком сильной натурой и принципиальным одиночкой всю жизнь. Очевидно, если бы он поддался искушению прильнуть к кому-то — он был бы растоптан». В этой фразе «прильнуть» означает, как я понимаю, потерю самостоятельности, самости, своего жизненного стержня, надлом характера.

Потрясающе точное понимание главного в человеке. С этим главным тяжело жить, но и невероятно сладостно ощущать это одиночество, эту свободу в душе, внутри себя. Ощущать, что ты сам творишь свою судьбу, а не плетёшься по ней, понукаемый кем-то, исполняя (беспрерывно) чужую волю ради страха потерять должность, деньги, ещё что-то. Именно это порождает в человеке чувство — не сметь! И в какую же ненависть его приводит, когда он видит, что кто-то смеет.

Рабом быть просто, легко... но и противно, пагубно для души. Одиночкой жить тяжело, но... смотри выше.

Замечательно, что я видел Зиновьева с супругой и дочерью (они приходили на праздничную встречу в честь Дня Победы в «Форте Клуб» на Бронной, которую устроил Московский интеллектуально-деловой клуб. Клуб Н.И. Рыжкова), слушал его.

И вот, в продолжение этой темы разговор у меня в кабинете в Союзе писателей с Коломийцем. Алексей Маркович пришёл на представление второго издания книги о политических репрессиях в Нижегородской области, которую подготовил вместе с другими авторами Станислав Александрович Смирнов (А.Беяков, О.Дёгтева, О.Сенюткина, С.Смирнов. «Политические репрессии в Нижегородской области. 1917-1953»). Коломиец рассказал о своём предшественнике в кресле генерального директора «Волгагеологии» — человеке до крайности циничном. Он утверждал, что понятия честь, совесть — это всё выдумки, таких оценочных критериев в человеческой жизни не существует. Что тебе в удовольствие, тебе выгодно — это и есть главное и самое ценное в твоём существовании.

Я был знаком с этим человеком (пенсионером), даже по каким-то вопросам спорил. Так вот — не должность делает человека свободным от рабства, а дух. Потому что отсутствие в человеке совести — это абсолютное доказательство духовного и физического рабства.

6 — 10 сентября Москва — Тула — Щёкино — Ясная Поляна

Юбилейная 30-я Московская международная книжная выставка-ярмарка. До этого несколько выставок я пропустил, и потому был непри-

ятно удивлён, что нынешняя вся уместилась в левом крыле 75-го павильона ВДНХ. Да и просторно довольно среди выставочных стендов. Непривычно просторно по сравнению с теми годами, когда я только начал приезжать сюда.

Думаю, мы с отцом Владимиром Чугуновым сюда бы не отправились, если бы его не включили в список выступающих на конференции «Продвижение российской литературы для зарубежного читателя». Послушать, что говорят Владимир Григорьев (зам. руководителя федерального агентства по печати и массовым коммуникациям), Нина Литвинец (программный директор АНО «Институт перевода»), Анастасия Милёхина (руководитель «Центра немецкой книги в Москве»), Евгений Карьев (директор редакции прикладной литературы издательства «ЭКСМО») было любопытно. Но все поднятые ими вопросы вертелись в сфере бизнеса, продажи и получения прибыли. Это сугубо производственный подход к книгопечатанию. Меня же больше интересует влияние книги на интеллектуальное, духовное состояние человека.

Представителям трёх издательств из Тюмени, Якутска и Нижнего Новгорода короткое слово дали в самом конце, как придаток к конференции, при опустевшем зале. Никто их серьёзно слушать, конечно же, не собирався.

07.09. Утром поехали с Николаем Офитовым в Серебряный бор на дачу Чкаловых к Рэму Ивановичу Чарыкову. Утро выдалось чудесным, солнечным. В дачном посёлке пахнет влажным осенним лесом.

Чарыков нас ждал. Передал ему №№ 49 и 50 (по четыре штуки) «Вертикали. XXI век» — с публикациями его статей. За чаем обсудили следующую публикацию, посвящённую мытарствам установления памятника В.П. Чкалова в Москве. Сколько бумаг исписано, сколько решений принято, да и макет памятника давно готов, а воз и ныне там.

Я заверил, что готов опубликовать материалы, к тому же в преддверии 80-летия гибели прославленного лётчика.

— А нас не посадят за эту статью?

Ох, уж это старое поколение — честное слово, не знаешь, смеяться тут или плакать. Успокоил Рэма Ивановича, что горькая чаша его минет, всё обойдётся. Уходя из дома, вновь подивился его громадным размерам.

— Дерево крепчайшее. Особняк принадлежал какому-то купцу. Когда было принято решение правительством страны подарить семье погибшего лётчика дачу, этот дом разобрали и перевезли сюда.

Попрощались с Чарыковым на пороге. Рукопожатие, несмотря на возраст, у него удивительно крепкое, цепкое.

Вновь ВДНХ. Записываем с Чугуновым видеобеседы сначала в павильоне Сербии, затем Турции. Прежде чем ехать к Владимиру Павловичу Смирнову (кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей русской литературы в Литинституте) вновь обошёл выставку. Какой-то она мне показалась униженно съёжившейся, ужавшейся. А ведь как было раньше... В журнале «Книжная индустрия» (№7 (150) 2017 г), взял вчера на конференции, прочитал: «1985 год — пятая выставка-ярмарка. Приняли участие 3300 фирм из 102 стран мира. Впервые участвовали Мальта, Мавритания и Непал. Советские издатели продемонстрировали 20 тысяч изданий. Форум собрал 200 тысяч посетителей. Заключено 2790 контрактов и 5500 соглашений о намерениях». Вот тебе и разваливающаяся советская экономика.

Уже совсем покидая выставку, на главном подиуме издательства «АСТ» увидел (с радостью) выступающую Галину Таланову. Говорила о своих «женских» романах.

Вечер у Смирнова прошёл в непрерывных беседах (Чугунова и профессора) под хорошую водку. Я больше молчал, потому что стоило только произнести первоначальную фразу, как Чугунов тут же перебивал (Смирнова тоже) и начинал нести что-то своё, не воспринимая чужие доводы и аргументы. А это для собеседников скучно.

Правда, перед застольем поговорили с Владимиром Павловичем на камеру, но, как я хотел, о новейшей литературе XX века (русской) было сказано мало. Всё больше собеседник «уходил» в XIX век — начало (дореволюционной) XX-го. Но материал для журнала, думаю, получится.

08.09. В Туле на вокзале встретил Сергей Овчинников и тут же повёз в Тульский государственный музей оружия.

Новый великолепный дворец современной архитектуры. Экспозицию дополняют информационные компьютерные блоки. Первый этаж — история стрелкового и холодного оружия с XIV века и до 1914 года. Второй — с 1914 до 1945 гг. Есть и третий этаж, но его экспозиция ещё только готовится. Там будут представлены образцы с послевоенного периода до наших дней.

Как всё-таки оружие притягательно красиво, изящно (в подавляющем своём большинстве). Как богато оно украшалось в прошлые века. Выставлены все эти «предметы убийства» в витринах свободно — будто парят в воздухе. Каждый клинок, пистолет, винтовку, автомат можно рассмотреть со всех сторон — словно в руках подержать. Пулемёты и вовсе доступны для «осязания».

Почему-то был уверен, что всё это великолепие создали (как стало модно в нынешние времена) приглашённые заморские дизайнеры. Тем отраднее было прочесть в буклете, что «проект новой экспозиции разработан с учётом последних достижений в области музейного дизайна Александром Никитичем Коновым — заслуженным художником РФ».

Проехали по Туле. Дважды судьба приводила меня в него. Первый раз в девятом классе во время осенних каникул мы ездили сюда на несколько дней на экскурсию. Тогда же и в Ясной Поляне побывали. Второй раз во времена разрухи я ездил в командировку в Ефремов, и добирался в этот городишко тоже через Тулу. Но тогда лишь доехал с железнодорожного вокзала до автовокзала.

Тула — типичный образец советского градостроительства для промышленных центров. Помпезное здание бывшего обкома КПСС и невзрачные, серые, угловатые пятиэтажные дома вдоль больших улиц, коим присвоены прошлые революционные названия.

В противоположность этому Ясная Поляна — отрада для души. Туда мы отправились сразу, только устроившись в гостиницу в городке Щёкино. Усадьба велика — не вот тебе сразу обойдёшь. Только благодаря старанию Сергея многое повидали — побывали у могилы Л.Н. Толстого, прошли пруды, хозяйственные постройки (ну это-то все туристы видят), прошли через яблоневые сады к полям, по краю их вышли к словому лесу, где восстановлена «скамья Толстого». В этом месте, довольно далеко от дома, писатель любил уединяться.

Попробовали и яснополянских яблок, записали с Овчинниковым беседу на лавочке в липовой аллее (Да оказалось, что микрофон был выключенным — уж по чьей вине, это не важно. Отец Владимир вроде бы всё правильно подключал.), заглянули в сарай, где стоит коляска, на которой уехал Лев Николаевич (бежал из дома) в свой последний прижизненный путь, а по стенам развешены венки с его похорон. Всё это оказалось сохранённым, вывезенным, когда немцы на несколько недель оккупировали Ясную Поляну, и затем всё возвращено на место.

Вечером втроем сидели в номере гостиницы. Говорили (в том числе) о видеоканале, который хочет открыть Чугунов. Уже и название ему придумал: «Айсберг». (Для этого канала на видеокамеру мы и записываем беседы).

09.09. У дома усадьбы открытие XXII международных писательских встреч. Интересно выступил Павел Басинский. Во время свободного микрофона взял слово Чугунов — и удачно. К отцу Владимиру тут же подошли китайцы и записали с ним интервью.

С экскурсией прошли по дому Толстого. А ведь никаких излишеств. Комнаты маленькие. Только зал с обеденным столом побольше осталь-

ных. Даже удивительно — где же размещались многочисленные гости, останавливавшиеся у Толстых?

После обеда Сергей отвёз к церкви, показал некрополь Толстых. В сельском Доме Культуры — в зале с удобными креслами, ряды которых высоко поднимаются от близкой сцены, и потому с любого места всё хорошо видно и слышно, послушали беседу Владислава Отрошенко и словенского писателя Драго Янчара.

Проехали по городку Щёкино к памятнику Игорю Талькову. Оказывается, он отсюда родом, и Овчинников написал «рассказ» о нём. Памятник установили в глубине городского парка. Это не городская скульптура, а полноценный памятник с постаментом в виде сцены, на котором певец в своём концертном костюме в пол оборота повернувшись к зрителям, как бы уходит от них в вечность, что ли?

На обратном пути к гостинице Сергей передал мне распечатку своего длинного текста «Игорь Тальков и наш маленький город». Лёжа в кровати его прочитал. Рассказывал Овчинников о певце интереснее, чем написал. Так бывает.

Уже ближе к ночи приехал Борис Лукин с супругой — погулять по Ясной Поляне, послушать писательские выступления. И как же обрадовалось ему моё сердце!

10.09. Уже в машине перед отъездом звонок от Ермаковой — хранительницы некоторых бумаг С.И. Шуртакова. Архив писателя девать некуда. Попыталась получить протекцию в литературный архив у правдиста Кожемяко, но и тот, оказывается, многие свои бумаги сжигает — некуда отдать на хранение. Сергей Котькало в Союзе писателей России в помощи тоже отказал. Посоветовал обратиться в региональный Нижегородский архив. Так что теперь вся надежда только на меня.

— Но вы мне верните Семёна Ивановича диплом Лауреата Государственной премии РСФСР, диплом об окончании Литературного института и дневник.

Спрашивается — а чего же сдавать в архив? Вторые экземпляры уже опубликованных его заметок?

Пока ехали на вокзал, поделился с Овчинниковым своим впечатлением от прочитанного его очерка. Посоветовал, какие места в нём сократить, а какие переписать. И нужно подготовить текст беседы (звук которой не записался на видеокамеру, но, хоть и в плохом качестве, оказался зафиксированным в памяти его телефона), и тогда в «Вертикали. XXI век» мы дадим вместе оба этих материала.

Расстались у поезда тепло, по-братски. Сергей по душе удивительно тёплый, отзывчивый человек.

В вагоне и до Москвы, и затем от столицы до Нижнего Новгорода многое вспоминалось из этой поездки. Например, о том, как заместитель директора музея, совсем молодой человек, проводил для нас экскурсию по «огороду» Толстых. Каких только цветов, лекарственных растений, трав и овощей не выращивается на нём. А ещё кустарники, табак, сливы, бахчевые... Изобилие растительной жизни. И ведь всё это в усадьбе при Толстом было высажено, всё использовалось.

А за окном поезда «Стриж» первые признаки осени. От этого и грустно, и упоительно на душе.

12 сентября

Сам не пойму — как согласился на эту встречу в библиотеке имени Декабристов Ленинского района? Всегда от подобных предложений решительно отказывался, а тут ни с того ни с сего согласился. И вот теперь надо ехать, что-то рассказывать пожилым любительницам чтения. Ладно, пригласил с собой А.В. Мюрисепа. Всё же повеселей будет. Да в последний момент решил привлечь Виктора Сидорова, чтоб не на общественном транспорте до улицы Баумана добираться (это в Молитовке), а на машине.

Библиотекари к приезду гостя подготовили стенд — журналы с моими публикациями, копии газет с интервью и отзывами о моих книгах. Из самых книг только «Говорящее дерево», полученная ими по программе Правительства области. Библиотека на первом этаже стоящего свечкой девятиэтажного дома — уютная, опрятная, с довольно большим фондом книг. Любящему чтение тут бывает одно удовольствие. Небольшой читальный зал оказался полностью занят читательницами — тем, кому за шестьдесят. Некоторые оказались знакомы с отдельными номерами «Вертикали. XXI век».

Рассказал о журнале, его авторах, о вышедших в этом году своих книгах «Память сердца» и «Лестница». Пришлось представить и книгу А.В. Мюрисепа «Степень свободы». Александр Васильевич сказал о ней совсем мало, и как-то вяло, без азарта. Зато хорошо прочитал стихи Юрия Адрианова, А.С. Пушкина — буквально на бис.

Распрошались с хозяевами тепло, всем общение оказалось не в тягость. Но в машине на обратном пути я пожалел о «впустую потраченном времени».

— Ну почему, — возразил Мюрисеп, — ведь им это надо.

Имелось в виду, что для пожилых людей это какая-то отдушина в жизни, приятное развлечение. Ну кто ж с этим будет спорить. И всё-таки... есть ли уж такой большой смысл в подобной благотворительности, когда убивается собственный полноценный рабочий день. А пойдёт ли кому-то на пользу встреча, ради кого ты приехал — ещё вопрос.

Благотворительность требует разумности и точности в исполнении.

14 сентября

В рамках VI Международного бизнес-саммита VI Нижегородской ярмарке в здании Главного ярмарочного дома, в кабинете 220 Круглый стол «Несвоевременные мысли» и события XXI века». Организовали местное министерство культуры и Государственный музей А.М. Горького. Вёл встречу я. Выступали: доктор филологических наук В.Т. Захарова, доктор исторических наук А.А. Кузнецов, искусствовед Л.И. Помыткина, журналистка Н.Н. Скворцова, заместитель директора Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина О.А. Кузнецова. Все сообщения по-своему интересны и дискуссионны. Виктория Трофимовна Захарова традиционно блистала эрудицией. Профессор Нижегородского госуниверситета Андрей Александрович Кузнецов в своих суждениях боек, категоричен, но уж очень схематичен, тем самым выявляя полное непонимание самой природы творческого процесса. Ему аргументированно ответила заслуженный работник Культуры РФ Лариса Ивановна Помыткина. Даже затронула тему о разобщённости творческих сословий в Нижнем Новгороде и привела пример из дореволюционного прошлого города, когда в нём было создано общество любителей искусства, куда почётным членом входил местный губернатор, среди его членов был и М. Горький. Просуществовало это общество более 15 лет.

Директор Центра журналистских технологий Наталья Николаевна Скворцова с одной стороны (чтобы привлечь читателей) советует обращаться к целевой аудитории, с другой, посетовала, что в телевизионных сюжетах, освещающих события культуры, она видит одни и те же лица. Тут мне пришлось (в который уже раз) заговорить о том, что само понятие культура, искусство (не в виде новостного события, а как повод для профессионального разговора — рецензии на книги и спектакли, статьи о творчестве художников и так далее) полностью исчезли из местных СМИ. Хотя те газеты, которые финансирует из бюджета местное правительство, могли бы в этом вопросе быть активнее, заинтересованнее. Видимо, нет на это ни политического, ни социального заказа.

Ольга Александровна Кузнецова рассказала о прижизненных изданиях Горького, хранящихся в фондах областной библиотеки (ну, это не

великая редкость), и о книгах, в своё время переданных самим Горьким из собственного собрания — а это более девятистот томов. Но судьба и этого собрания, как и коллекции картин, не радостная. Всё разобщено, частью (значительной) утеряно, частью попоночке растащено по отдельным (в том числе и частным) коллекциям.

Вообще, покидая Нижний Новгород (после обрушившейся на него мировой славы), Пешков немало художественно ценного оставил родному городу. Но достойно сохранить всё это нижегородцы не смогли. И только ли революционные события тому причиной?

В качестве обсуждения услышанных сообщений были и ещё высказаны какие-то мнения, что называется, с места, но это ничего не добавило существенного к уже сказанному. Да и разговор длился уже около двух часов. Поблагодарив министерство и музей за организацию Круглого стола, я завершил встречу. Похоже, что подавляющее большинство пришедших остались довольны произошедшим обменом мнениями.

14 — 18 сентября Кунавино

Выехали из города засветло, но ближе к Линде въехали под чёрное небо, дорожный асфальт сыр после недавно прошедшего ливня. Просёлочная дорога и вовсе в разлившихся лужах. И тревожная темень наваливается всё гуще, всё враждебнее.

В дом вошли в полной темноте. Первым делом затопил печку, поставили чай — и сразу по-домашнему спокойно стало на душе.

Перед сном, выключив на веранде свет, ахнул, взглянув на небо. Ни одного облачка и потрясающая, контрастная россыпь звёзд.

Вот и сжёг всю кучу срезанных веток, что были навалены кучей недалеко от дома. Стало опрятнее, ухоженнее на участке. Теперь надо продолжить очищать территорию у дальних яблонь.

Всегда удивлялся, бывая в Переделкино, обилию древесного хлама на дачных участках наших писателей. Казалось бы, выйди вечером из дома (лучше поздней осенью или зимой), затепли костерок под соснами или на полянке — и себя огоньком и живым теплом порадуешь, и глаз к восприятию окружающей природы оживишь (созерцание трепещущего среди поленьев огня очень этому способствует), и участок приберёшь. Но, видимо, наши писатели до такой прозы жизни не опускаются. Они парят в вышине в думах о вечном и прекрасном... когда перед домом гниют сложенные ветром ветки да прожившие свой век, упавшие на землю стволы деревьев.

В сумерках пошли с Ириной прогуляться по дороге. Ветер так тёпл, ласков, но почему же ощутима тревога в природе. Смотрю по сторонам на выросший на месте бывших полей лес, и не верится — неужели это при мне здесь простирались ровные травяные просторы, спускавшиеся прямо к озёрной глади? Как быстротечно время, как безжалостно оно к нам. Как невыносимо быстро (сознание не успевает перестроиться, запорошить забвением в памяти) меняет оно окружающее нас пространство, его материальные формы. Но мы-то продолжаем ощущать себя прежними — как и тридцать лет назад. И потому невероятно сложно соединить воедино видимое сейчас и чувственную, эмоциональную память прошлого. Как жить с этой разобщённостью внутри себя? Ведь от этого разделения просто невыносимо больно, тоскливо на сердце до того, что выть хочется.

Самое безжалостное к человеку в течение его жизни — это время, его власть не только над чем-то физическим, но и над сознанием, неспособным его постичь.

Вышел на плотину. Под порывами ветра деревья на берегу шумят вершинами тревожно и напуганно. Слева светится на небе цветом тусклого стального клинка полоска меж скоплениями облаков. Справа — черным-черно. По такой же чёрной воде движутся по течению, сонно, не торопясь, плывут к обрыву светлые осенние листики берёз — чтобы

вместе с чёрной водой сорваться в глубь бетонного провала.

Всё вокруг черно — небо, вода, лес по берегам, и только на горизонте, который с трудом угадывается, горит кроваво-красным огнём — тревожно, зловеще — сигналы на какой-то вышке. Словно кто вглядывается тремя налитыми кровью глазами в погружившийся в беспросветность мир. И в какой-то момент вдруг так беспричинно тоскливо и одиноко стало на душе — от беспокойного всплеска падающей в бетонный колодец воды, от шума приготовившихся к осеннему умиранию деревьев, от налетающих друг на друга чёрных облаков над головой — что быстрее захотелось в печную теплоту оставленного дома, к яркому электрическому свету, к книге, которую можно взять в руки, и погружившись в чтение, забыться в чужом, кем-то созданном ином мире.

Я и вернулся, и уселся в уютном кресле под висевшей на стене лампой в кружевном матерчатом абажуре. И прочитал удивительный рассказ «Верёвочная лестница» норвежца Ангнара Мюкле. Совершенно иной сюжет, чем в моём «Кольке», но тема та же. Отец через общение с маленьким сыном хочет вернуться в мир своего детства, но мальчик не может его «взять с собой», и тогда отец испытывает горькое разочарование обманутости ожидания.

Такое впечатление, что мы с автором рассказа и думали об одном и том же, и переживали одно и то же, когда, каждый порознь и, наверное, в разном возрасте писали свои произведения.

Но как и сладостно и горько на сердце после прочтения «Верёвочной лестницы».

Не мог уснуть до тех пор, пока в окне не посерело от где-то в неведомой дали робко зарождающегося дня. Бушевал ветер за стеной. В деревенском доме его мощь ощущаешь непосредственно — звенят стёкла окон и сами старые брёвна, кажется, вот-вот не выдержат его напора, рухнут, раскатятся в стороны. В такую пору невольно что-то вспоминаешь. В моём сознании всплыла высокая металлическая сень на кладбище у некрополя Толстых (село Кочаки, церковь святого Николая). Сергей Овчинников, указав на неё, рассказал, что там похоронена местночтимая блаженная Дуняша. Одни считали её сумасшедшей, другие юродивой, святой. Во время недолгой немецкой оккупации этих мест старица ходила по улицам и говорила:

— Фашисты Тулу не возьмут. Я её на замочек закрыла.

Фашисты в Тулу так и не вошли

Чугунов с Овчинниковым пошли к машине, а я, обойдя церковь, возле которой суетливо работали приезжие из Средней Азии (как видно — укрепляли фундамент храма), прошёл под сень, постоял у могильного холмика старицы, помолился о своих близких. Ведь что-то меня потянуло к ней.

На фотографии — простое русское лицо с внешними следами неразumnости. Да только кто из нас знает, что у Бога разумно, а что нет.

Под впечатлением поездки к Овчинникову, от рассказов Сергея Михайловича о Толстых, достал со стеллажей номера литературно-художественного иллюстрированного журнала «Ясная Поляна». В своих записях я уже упоминаю это издание. Теперь заново всё перелистал, что-то новое для себя открыл, прочитал (в № 2 за 1997 г.). По-моему, интереснейшая статья Надежды Тэффи «Его жена» (под текстом стоит дата: Август 1928 г.), публикация А.Д. Романенко. Взгляд умной женщины, понимающей природу творчества, полностью реабилитирующий от наветов недоброжелателей супругу гениального писателя Софью Андреевну Толстую: «И Софья Андреевна лучше других понимала умом своей души, всегда к нему обращённым, что в нём от гения, от великого огня, и что — прах земной, в землю обращающийся».

И это в статье не просто авторская декларация, а довольно основательно доказанная (на примерах, документальных свидетельствах) точная зрениа.

«Бог с ними, с деньгами, — говорила С.А., — а главное, то есть писание романов, я люблю и цену и даже волнуюсь им всегда ужасно».

В другом месте (уже женское): «Не могу я поворачиваться за ним, как флюгер, с девятью детьми».

И в конце статьи вывод Тэффи: «Софья Андреевна была преданной женой Льва Николаевича и самоотверженной подругой гениального писателя, за которого пошла бы на крестную смерть, но ни в Толстом-сапожнике, ни в Толстом-водовозе и пыльщике признать его не могла. Слишком для этого любила и ценила. И за это замучили её, оклеветали и опозорили перед всем миром... За трудный подвиг всей женской её жизни, за беззаветное служение великому русскому гению и за жертвенную любовь к нему, перед всем миром распятую, — вечная память».

В этой же журнальной книжке Павел Басинский статью «Орден Виктора Курочкина», написанной с неподдельной любовью к писателю, предваряет публикацию повести Виктора Александровича «Урод». Статья проиллюстрирована замечательными фотографиями молодого лейтенанта-гвардейца — красавца, на груди орден Красной Звезды, ордена Отечественной Войны первой и второй степени, медали «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», за плечами битва на Курской дуге, участие в освобождении Левобережной Украины, взятие Киева и Львова, форсирование Вислы и Одера. А с фотографии на нас смотрит красивое, умное вдохновенное и располагающе улыбающееся лицо. После рассматривания фотографий я с некоторой осторожностью приступил к чтению повести — уж очень не гармонировало её название с обликом автора. Но опасения оказались напрасными. «Урод» — это кличка собаки, добрейшего и умнейшего бульдога, жизнь которого началась с «трагедии» — покалечился, попав под машину ещё щенком. Тогда же его и подобрал в общем-то добрый (хотя и довольно бесшабашный) человек, не очень-то состоявшийся актёр кино Иван Алексеевич Отелков. Вот об их совместном житие-бытие и идёт речь в повествовании — увлекательном и даже местами довольно неожиданным.

Надо признаться, что повесть я прочитал не отрываясь — настолько в ней всё динамично, сконцентрировано, насыщено живыми типажам: Васенька Шляпоберский, Степан Емельяныч Штукин («Яй-бога»), режиссёр фильма «Земные боги» Гостилицын и так далее.

А ведь до этого для меня Виктор Курочкин был автором только одной (замечательной!) повести «На войне, как на войне». Конечно — автобиографической. Оттого и было это литературное открытие вдвойне приятным. Особенно после того, как полазил по крыше, ремонтируя треснувший шифер, навозился с начавшим заедать замком на воротах и натаскался воды с овражка из родника.

Впрочем — в деревне всегда «трудовые будни» перемешиваются с литературными бдениями. Для этого сюда и уезжаю. Жаль только, что уж очень редко это случается.

19 сентября

Гастроли Академического русского театра драмы им. Г. Константинова (Йошкар-Ола) начались с постановки повести-сказки Василия Макаровича Шукшина «Точка зрения». Мне не хочется писать об этом спектакле, где люди изображены то опустившимися ничтожествами (со всей грязью — бытовой и нравственной), то неживыми «коммунистическими» манекенами, говорящими лозунгами. В режиссуре много издевательского над природой человека, но нет сочувствия, сострадания. А без этого любая точка зрения — пустомельство.

В антракте обменялись мнениями с А.В. Мюрисепом.

Я: «Какая-то гадость».

Мюрисеп: «Есть хорошая актёрская игра. Но режиссёр, видно, молод — потому так издевается над всем «советским». Не знает этого времени».

Я: «И, наверно, не русский. Шуточки Жванецкого никак не сочетают-

ся, не гармонируют с текстом Шукшина».

Но надо признаться — этого произведения Василия Макаровича я не читал, никогда раньше о нём не слышал. Не уверен, что оно публиковалось при его жизни. Всё-таки писатель всегда ставил в своих сказках ещё и некую сверхзадачу (вспомним «До третьих петухов»). Тут же...

А насчёт режиссёра мы угадали.

Поздний тихий вечер. В Кремле ни души. Иду от Дмитровской башни по Ивановскому съезду к Ивановской башне. Фонари горят только по краю обрыва, наверху, у памятника-стелы К. Минину и Д. Пожарскому И. Мартоса (1828 г.). Ветер треплет вершины лип (я их помню всю свою жизнь), гонит по асфальту редкие сухие листья. И они пощёлкивают в тишине, касаясь твёрдого чёрного дорожного полотна. Как сейчас одиноко здесь, и как хорошо, покойно.

Поднимаясь по лестнице на Канавинский мост, увидел, как по ступенькам мечется хорёк — увидев меня, в испуге выскочил на мост (но там свет фонарей, машины), опять бросился вниз, остановился. Я пошёл ближе к стене, чтобы дать зверьку пробежать вдоль перил, но он юркнул сквозь решётку и исчез.

Это было почти наверху, высота большая. Не разбился ли о бетон, или всё-таки допрыгнул до газона? Остановился, перевесившись через перила стал вглядываться. Нет, хорька не видно. И всё-таки жалко, что он мне не поверил, не побежал по лестнице вниз. Так моему сердцу (совести) было бы спокойнее.

20 сентября Горбатовка

Прочитал принесённый отцом Евгением Юшковым текст рассказа Елены Ляховой «Маленькая душа» — о любви, аборте, страданиях (душевных), о душе загубленной в чреве, жизни, которая так и не покинула мать, о заботящихся о ней ангелах...

Конец у рассказа счастливый. Написан текст сжато, энергично, грамотно, без всяких словесных украс. Это одна из первых, если не самая первая, попытка автора что-то написать, и сразу многое в рассказе удалось. В первую очередь справиться с многоступенчатым, непростым сюжетом, все обозначенные повествовательные линии не оборвать и довести до логического конца. Невольно начинаешь сострадать произошедшему в произведении, взволнованно сочувствовать героям — молодой женщине Наташе, полюбившему её Роману Сергеевичу. Да и окружающие их люди (эпизоды в повествовании) разнохарактерны, но живые, интересные читателю своими проглядывающими сквозь текст судьбами. Невольно узнанное в рассказе начинаешь прикидывать и на свою жизнь. И в себе самом, в своём сердце вдруг ощущаешь беспокойное брожение, чувство покаяния.

Прочитал я «Маленькую душу», посвящённую Еленой Ляховой «неродившимся», убрал текст в портфель, и отправился в Горбатовку к Александру Фёдоровичу Важнёву — уж не единожды переносил эту обещанную ему поездку, а сегодня твёрдо решил, что выполняю.

В электричке, а затем и идя по посёлку, всё думал — как хороша реалистическая школа русского театра. И актёры, прошедшие эту школу, могут сыграть всё, что заставит их сыграть пастух-режиссёр. Даже самую мерзость из мерзостей, поселив в душе зрителей такую ненависть, такое презрение к человеку, от которых сердце холодеет. Но разве не должно актёру этому сопротивляться (если не внешне, административно, то внутренне, создавая на сцене жизнь образа), разве не его задача выходить к зрителю не заводной куклой, а страдающим, любящим, ненавидящим — разным, но живым — человеком, чтобы от его игры что-то происходило в душах у зрителей.

Не оставляет меня в покое вчерашний спектакль йошкарولينцев. И не согласен я с А.В. Мюрисепом. Если мастерство актёра выплёскивает со сцены в зрительный зал человеконенавистническую мерзость — нет

этому никакого оправдания. И даже более надо спрашивать, чем с неразумных и бесталанных.

21 сентября

В Союзе писателей Сергей Скатов попытался собрать членов Нижегородского отделения «Русского Собрания». Пришло всего несколько человек, да и из тех половина представляют иные самостоятельные организации. Грустно смотреть на потуги «объединения русских патриотических сил», когда за такое дело берутся люди неспособные, равнодушные.

Формальная тема собрания — принятие резолюции и обращения к властям области о запрете показа фильма «Матильда» в местных кинотеатрах. Надо сказать, что по поводу этого фильма Алексея Учителя (режиссёр) разгорелись в стране нешуточные страсти. Главный нарушитель спокойствия — депутат Государственной Думы (в прошлом прокурор Республики Крым во время возвращения полуострова в состав России, а ещё раньше работник Главной украинской прокуратуры в Киеве, вынужденная оттуда бежать, потому что не приняла произошедшего переворота) Наталья Поклонская. Она давняя горячая почитательница Государя Николая II, и фильм, который рассказывает о якобы имевшейся интимной связи между будущим наследником Российского престола и балериной Матильдой Кшесинской (чему нет никаких доказательств) её глубоко возмутил. К тому же, самого императора играет некий представитель «альтернативного современного искусства» с достаточно запятнанной репутацией. Много в картине лживых исторических придумок, интимных сцен и прочего, что вызывает возмущение у православной общечественности. Те из экспертов, кто посмотрел фильм (в частности, митрополит Илларион — глава внешнеполитической службы Московского Патриархата), дали ему крайне негативную оценку.

В более чем десяти регионах России принято решение не допускать «Матильду» в прокат в местных кинотеатрах. Вот и на нашем собрании (после довольно громкой полемики вообще по вопросам оценки исторического прошлого России — СССР — РФ, которую пресёк и разумно вернул разговор к ранее обозначенной главной теме Станислав Александрович Смирнов) решено обратиться к губернатору и главе города не допускать к прокату этот фильм, а Поклонской послать письмо поддержки.

На том и разошлись. Тексты обращения и письма будут готовить Сергей Скатов и Станислав Смирнов.

22 сентября

Заседание Общественного совета министерства культуры Нижегородской области. Пришёл пораньше, чтобы немного поговорить с С.А. Гориним — министром, но, конечно, на месте его не застал. Зашёл в «свой» отдел к Н.И. Лещёвой, попросил содействия в решении предоставить мне зал Маковского в Нижегородском государственном художественном музее для проведения творческого вечера в честь 60-летия. Наталья Ивановна (такая умница!) тут же при мне позвонила директору и всё решила.

Как это будет замечательно — торжество на фоне огромной картины Константина Егоровича Маковского «Воззвание Минина к нижегородцам». И красиво, и символично. Полотно во всю стену (40 квадратных метров 698x594 см). Зал светел, выстроен для неё. В общем, если удастся договориться, то лучшего места для юбилейного торжества не придумать.

23 сентября

Теперь спектакль Кинешемского драматического театра им. А.Н. Островского. Драма «Вдовый пароход» Ирины Грековой и Павла Лунгина.

Зал в театре драмы довольно свободен, зрителей пришло не густо. И это понятно — городской провинциальный театр Ивановской обла-

сти, можно ли от этой труппы ждать каких-то открытий? Вот их и не было. Режиссура усреднённо-скучная, декорации без выдумки — словно старый хлам собрали по сараям и выставили на сцену. Вообще неудач, неловкостей в спектакле много. Да и актёры, как мне показалось, с каким-то стеснением вышли на сцену, с чувством бедных родственников, приехавших к состоятельным «городским зрителям». Богатое, старинное здание Нижегородского театра драмы вполне могло способствовать зарождению этого чувства у провинциальной труппы. Но они старались, и нельзя сказать, что игра их была бездарна. Напротив, в ней достаточно живого, что вызывало сочувствие. Особенно актрисе удался образ Фисы. Преодолев первые минуты некоторой скованности, она зажила жизнью своей героини — молодой женщины, демобилизованной с фронта по временности. Вернулась она в тот самый «вдовый пароход» — большую коммунальную квартиру, где комнаты заняты одинокими женщинами — и у каждой своя непростая судьба. Так вместе, со склоками, но и с любовью, доживают они до 60-х годов прошлого века, до того, когда вырастет во взрослого парня рождённый в 1944 году мальчик, а сама Фиса умрёт от страшного инсульта.

Жаль, во всём этом действии не хватало какой-то внутренней энергии, динамики. Но это вина не актёров — режиссёра. У меня главный вопрос к постановке возник по другому поводу — зачем мне, зрителю, обо всём этом рассказали? Ведь не только для того, чтобы я понял, как тяжела и неустроена жизнь одинокой женщины? Слишком мала задача для двух с половиной часового спектакля. Но другого я в нём ничего не увидел, ни к каким более глубоким обобщениям он меня не привёл.

Почему столько поверхностно-бытового показывают зрителям наши театры. Или мы переживаем некий кризис режиссуры с неспособностью их раскрыть глубинные, тектонические процессы человеческой жизни, где быт — лишь слабое их внешнее проявление на уровне упрощённых эмоций — слёз, крика, смеха, равнодушия?

24 сентября

Отец Владимир Чугунов разместил в интернете видеосюжет — наша с Сергеем Овчинниковым беседа в Ясной Поляне. Я посмотрел и удивился — а хороший, искренний у нас получился разговор, без всякой рисовки, товарищеский. Но главное — так тепло стало внутри от воспоминания о Сергее. Удивительно притягательный, скромный и жертвенный по своему душевному состоянию человек. Такая радость общаться с ним. Моя душа наполняется чем-то хорошим, светлым. Потому и гуляния по Ясной Поляне вспоминаются солнечно, как тот день, когда мы сидели на скамейке, в аллее старых лип, и говорили о служении русской литературе.

29 сентября

Неделя прошла в какой-то внутренней апатии и по большому счёту в безделье. Что тому виной? Возможно, получение 26 сентября удостоверения «Ветеран труда». Вот и я стал заслуженным пенсионером. А в сознании это никак не укладывается — что это определение именно ко мне относится, к моей жизни.

Переговорил с директором Нижегородского государственного художественного музея Романом Юрьевичем Жукариным, встретился с зав. отделом зарубежного искусства Натальей Владимировной Свириной (Верхне-Волжская набережная). Согласовали место и срок проведения моего творческого вечера в честь 60-летия со дня рождения и 40-летия творческой деятельности — зал Константина Егоровича Маковского, 26 октября в 17-00.

А.В. Мюрисеп договорился с директором Нижегородского театрально-го училища им. Е.А. Евстигнеева Леонидом Александровичем Чигиным. Студенты училища исполняют какой-то отрывок из моей прозы. Предварительно остановились на рассказах «Лестница» и «Старый колодец». К

тому же училище даст видеокамеру для съёмки торжества. Жаль, сам Александр Васильевич не сможет быть на вечере. Он в этот день читает «Графа Нулина» А.С. Пушкина студентам Медицинской академии. Но его безразличие, заинтересованная отзывчивость греют мне душу.

Приезжал Алексей Лосяков. С его переездом в Краснодарский край всё решено — уже и квартиру там подготовил. Скорбит по поводу меркантильности, что всё больше и больше «берёт в полон» служителей нашей Церкви. Но продолжает учёбу в Нижегородской Семинарии, помогает в храме (бесплатно) и мечтает, что на новом месте новый владыка отнесётся к нему милостиво, рукоположит, даст приход.

— Кто послужил у престола, испытал действие благодати Божией, тот никогда от этого не откажется.

Алексей чистый, светлый человек. Может, поэтому он и не очень-то нужен в Нижегородской епархии — хоть и отлично закончил основной курс семинарии (сейчас учится в магистратуре), но на прошении о рукоположении в священнический сан правящий архиерей Георгий начертал резолюцию — «через десять лет». В чём причина такого решения — никаких разъяснений не последовало. Алексей думает, что виной всему его мысли, высказанные в статьях и работах, которые он никогда не скрывал. (Все статьи затем собрал в книжку «Еффафа», которая вышла в моём издательстве «Вертикаль. XXI век» в 2016 году).

Решили с Лосяковым в ближайшее время съездить в Москву, отвезти его документы на приём в Союз писателей России. А дальше: Российская книжная палата, Синодальная библиотека РПЦ...

На Украине под Винницей гремели страшные взрывы. Горели очередные армейские склады с боеприпасами и амуницией. Журналисты гадают, что это — работа диверсантов, или кто-то «заметает следы» после разворовывания и продажи за рубеж в горячие точки оружия. Больше склоняются к последнему.

А я вспоминаю, сколько этого добра в последние годы сгорело (и взорвалось) в России!

30 сентября 2017 года

«Тот самый Мюнхгаузен» Григория Горина в нашем театре драмы в постановке режиссёра из Москвы Елены Неvejeиной — дамы невероятной излишней толщины, успевшей до этого поставить здесь же спектакль «Павел Первый».

Ничего особенно интересного от этого спектакля я не ждал, так оно и произошло. На сцене разговоры, разговоры и ещё раз разговоры. Невольно игру наших актёров сравниваешь с составом, занятым в известном одноимённом фильме Марка Захарова. Но там кроме индивидуального мастерства Кваши, Броневого, Янковского и прочих есть ещё смена «декораций», зрительного ряда. А тут... Невольно начинаешь следить только за текстом и понимаешь, что это типичная советская пьеса «для интеллигенции», с фигой в кармане этой самой, давно уже не существующей, советской власти. Ничего живого, что бы смогло тронуть теперешнего зрителя, взволновать его, заставить сопереживать или раздражить, в этой работе нет.

Понятно, что есть любители, которые найдут, где погоготать (деньги заплачены, так хоть какое-то удовольствие от понесённых финансовых затрат надо получить), только в этом ли заключается задача разговора со зрителем серьёзного театра?

Впрочем, может быть, я и не объективен. Может быть, виноват в таком моём взгляде на «Мюнхгаузена...» Ф.М. Достоевский — его «Дневник писателя» (Декабрь 1879 года) я накануне прочитал, и размышления писателя на смерть Некрасова, да по поводу оправданной судом присяжных молодой женщины Корниловой, мачехи, выбросившей шестилетнюю свою падчерицу в окно с четвёртого этажа (ребёнок остался жив) всё бродят во мне беспокойным эмоциональным варевом. Потому что

сам часто оправдываю дурные поступки знакомых и случайных людей скрытыми от меня объективными обстоятельствами. Потому и глушу в себе раздражение, боясь быть «злым и необъективным» в суждении о людях.

А тут на сцене — всё им понятно, всем сестрам по серьгам роздано, да и про фигу не забыто.

2 октября 2017 года Бор

Ездил решать некоторые вопросы по налогам в местную инспекцию — я теперь пенсионер, имею право на мелкие льготы. Но перед этим ещё вчера позвонил отцу Евгению Юшкову, сообщил, что буду в городе. И вот батюшка всё устроил, чтобы нам повидаться. Его прихожанка забрала нас с остановки и на своей машине привезла в посёлок Тесовая к Юшкову. Батюшка дожидался в саду перед домом под крепким и высоким уже дубом, за синим заборчиком. Вышел навстречу, благословил нас с Ириной и повёл поить чаем.

Обыкновенный деревенский дом, но не маленький — четыре просторные комнаты, на стенах картины и хорошо оформленные рисунки, фотографии близких, иконы (в том числе и старинные, намоленные). Много мне знакомо (из обстановки) по заметкам отца Евгения, публиковавшимся в «Вертикали. XXI век». Ведомы и истории некоторых предметов.

Хозяин провёл по комнатам, обо всём, о чём любопытствовали, рассказал и усадил за стол. Чай пили с монастырским сыром и протёртой с сахаром брусникой. Выпили немного вина, привезённого с острова Родес.

Хорошо моей душе рядом с батюшкой. Родным чувством откликается ей. А ведь священник так прост, даже скромн, всё опасается, как бы его в гордыне не заподозрили.

Отец Владимир Чугунов дозвонился до Бондаревых. Разговаривал с супругой Юрия Васильевича по поводу издания в Италии (возможного) одного из романов классика. Упомянул моё имя, и в ответ услышал самую доброжелательную реакцию.

— Она так обрадовалась, так что тебя они не забыли.

Отец Владимир говорит, что нашу беседу, записанную во время Московской международной книжной ярмарки о его романе «Провинциальный апокалипсис» в интернете посмотрели уже более тысячи человек. Неужели она кому-то так интересна?

В Лас-Вегасе во время концерта исполнителей кантри на площади перед большим отелем, стрелок именно из этого отеля открыл огонь из автоматического оружия. Итог: 58 человек убито, более 500 ранено.

4 — 6 октября 2017 года Москва

Вновь попутав, всё-таки отвезли с Алексеем Лосяковым на его машине коробки с книгами и в Российскую книжную палату на Звёздный бульвар, и в Синодальную библиотеку РПЦ на Андреевскую набережную.

Такое впечатление, что по всей Москве продолжают менять тротуарное покрытие, накрывая его гранитными плитами. Чистятся и красятся фасады зданий. Вот и Андреевский монастырь весь в лесах, узкая дорога по обочинам перекопана. А тут ещё строительная техника работает. Но как-то встречные машины разъезжаются, проталкивают друг между другом.

Настоявшись в пробках, добрались до Серебрянического переулка (недалеко от Зарядья). Тут офис общества «Двуглавый Орёл», возглавляемого бывшим генерал-лейтенантом (возглавлял информационно-аналитическое управление СВР России — так указано в Википедии) Леонидом Петровичем Решетниковым. Ко времени нашего приезда в переулок на улице Яузской, дом 5, небо над Москвой затянуло низкими серыми облаками, пошёл мелкий, противный дождь. Вышел к нам Роман Олегович Руссу — руководитель издательских программ общества. Многословный,

в движениях порывистый, но и доброжелательный. Офис «Двуглавого Орла» на третьем этаже. Втроём перенесли в багажник машины 18 пачек с книгами Станислава Смирнова (и его соавторов) «Политические репрессии в Нижегородской области 1917-1953 гг.». Напоил нас в уютном офисе Роман Олегович чаем, показал последние (изданные обществом) книги. А дождь всё не перестаёт — барабанит по крыше, стекает каплями по стеклу окна на покатам потолке зала, где за общим столом мы ведём беседу. Но не увлекает она меня. С тоской думаю, как будем добираться без машины до МХАТа им. М. Горького, где у администраторов лежат оставленные для нас Борисом Лукиным билеты.

А тут ещё звонки:

Чугунов просит сообщить Борису Ивановичу, что все билеты на спектакли МХАТа в нашем театре драмы раскуплены, и потому для него надо оставить пригласительный.

А.В. Мюрисеп порадовал — Раида Леонидовна Божко, заслуженная артистка РФ, согласилась вести мой юбилейный вечер.

Фонд «Русский мир» спрашивают, подтверждаю ли я своё участие в XI ассамблее Русского Мира, которая пройдёт 3 ноября в Нижнем Новгороде. Электронное моё подтверждение они почему-то не получили.

Ирина зачитала пришедшее письмо от Анатолия Дмитриевича Степанова с подтверждением, что портал «Русская народная линия» начнёт публикацию глав из книги «Искры потухающих костров...»

Под зонтом, оставив машину во дворе офисного дома, направились в театр. Дорога не близкая. Сначала вышли к метро «Китай-город». Оттуда до Красной площади с заходом в Казанский собор. Только закончилась утренняя. Росписи стен и потолков потемнели от копоти так, что роспись видна тускло, словно через закопчённое и запылённое стекло. Тут же у входа и кружка на сбор средств на промывку росписи. А ведь совсем новый собор. Не угадали, выходит, строители с вентиляцией.

Немного согревшись, пошли дальше.

Смотрим «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира. Режиссёр, художник, художник по костюмам — всё народный артист России В.Р. Белякович. Продолжительность действия более трёх часов.

Перед началом представления Алексей меня удивил.

— Мы с женой никогда не были в театре. — И увидев мой удивлённый взгляд, добавил. — И ничего от этого не потеряли.

— Так ты и не можешь знать, потеряли или нет, раз никогда не видели спектаклей.

Но в прозвучавших нотках в голосе я уловил «семинарское образование», которое только что завершил Лосяков, понял, что главный неприятный разговор впереди — и не ошибся. Но так как все эти разговоры абсолютно однотипны, приводить его здесь не буду — слишком скучно и примитивно.

Спектакль же у Беляковича получился современного прочтения, искренний, с большими условностями в сюжетной передаче действия, его повествовательного изложения, но смысл от этого не теряется, а эмоциональное напряжение только возрастает.

Декораций минимум — лишь металлические арки полукругом на сцене. Остальное всё игра актёров. И зритель всё видит, понимает, чувствует. Только в первом акте излишнее количество жестов, намекающих «на это», несколько раздражает — никак наш театр не может изжить со своей сцены «болезнь перестроечного времени».

Поздно шли в обратный путь по притихшей и малолюдной после дождя Москве. До квартиры Николая Офитова добрались, когда хозяин, заботливо приготовивший нам ужин и посуду, уже ушёл.

Перед сном в столичной газете «Метро» прочитал репортаж с суда над бывшим Министром экономического развития РФ Алексеем Улюкаевым. В качестве вещественных доказательств, изъятых у подсудимого при обыске в его служебном кабинете, кроме денег и часов (это всё стан-

дартный набор лихоимцев) были изъяты монеты из золота 999-й пробы весом 3 кг, 1 кг, 5 кг и другие. На что адвокат дал комментарий: «Он просто нумизмат, собирает монеты». Вот и весь ответ.

5.10. Дождь не перестаёт. Из дома выходить не хочется, но надо ехать в Союз писателей России на Комсомольский проспект, отвозить для приёмной комиссии документы и книги В.Б. Темнухина, С.Т. Прохорова, Н.М. Петрова, А.В. Лосякова. Пока завтракаем, отвечаю ещё и на поступающие звонки.

В.А. Карпочев: «Валерий Викторович, я вас огорчу. С.А. Горин отказался помочь в финансировании издания книги к 100-летию С.И. Шуртакова. У министерства культуры Нижегородской области нет на это денег. Придётся нам самим изыскивать средства. Только чего же он столько времени тянул с отказом!»

Н.Б. Рачков всё беспокоится, как там дела с оформлением документов для приёма в Союз писателей России А.С. Честнова. Я Александра Сергеевича знаю и поддержку его приём. Николай Борисович успокоился, заговорил о других темах.

Звонок из областного архива: «Валерий Викторович, все вами ранее сданные документы описаны и переданы в ваш фонд... Кроме дневников. Извините, но я их оставила, читаю». «Лучше бы читали в журнале. Там текст чище, лаконичнее». «Зато в рукописном варианте эмоциональнее».

Честно говоря, такого читателя я не предвидел.

Под зонтами доходим до метро. У «Семёновской», прямо около дверей на мокром от дождя асфальте, на спине лежит парень. Глаза закрыты, лицо белое. Рядом, окружив лежащего, группа возбуждённой молодёжи. Его знакомые? Парню плохо? Он умер? Или это современный розыгрыш? Непрерывный поток людей буднично обтекает эту сценку, где происходит то ли фарс, то ли трагедия. Я и сам всё это заметил уже в дверях, в которые затянула меня толпа. И вот нет моей совести теперь покоя. Всё спрашиваю себя — что там было?.. Нет, не нахожу ответа.

В доме Комсомольском проспекте ремонт. Только Сергей Котькало трудится, больше никого. С ним и определяем пакет с документами охраннику. Он передаст всё дальше по назначению.

В перемещённом в это же крыло здания книжном магазине рассматриваем на полках тома. Обращаю внимание на второе издание «Молодой гвардии» дневников Георгия Васильевича Свиридова «Музыка как судьба». Но цена 1300 рублей неподъёмная.

Решили под дождём пройти до метро «Библиотека им. В.И. Ленина». На Волхонке перед главным входом в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина современная инсталляция известного китайского художника Цяя Гоцяна «Октябрь» (я видел репортаж о ней по центральным каналам телевидения). В одну кучу собрано 350 детских колясок, кроваток и колыбелей. В свою очередь в них поставлены бочонки, из которых растут молодые берёзки. Этот «шедевр», по задумке автора, должен помочь осмыслить зрителям 100-летие русской революции. Мне же это напоминает огромную заброшенную свалку, начавшую зарастать сорными деревьями. Не исключаю, что подобное «искусство» кому-то нравится. Но почему его так агрессивно надо навязывать в самом центре города, закрывая замечательную архитектуру, у здания, где выставлены действительно шедевры мирового значения?

Сразу вспомнились уродливые скульптуры из какого-то пластика во дворе Мраморного дворца в Санкт-Петербурге — напротив памятника Александру Третьему. Арт-группа АЕС главное «произведение» назвала «Первый всадник» — урод-ребёнок на динозавре.

Когда видишь настоящее и красивое в соседстве с искусственным и уродливым, то так пакостно, скверно становится на душе. Будто лично тебя оскорбили. Зачем всё это делается — трудно понять.

6.10. Ну что же, пора домой. И тут Алексей Лосяков вновь заводит спор о греховности и гибельности литературы, театра, кино. А вот в церкви

мало кто ходит. И потому (значит) мы плохие, Бога не чтим и пошло-поехало продолжение вчерашнего разговора. Николай Офитов в ответ горячился, доказывал своё. Я долго не вмешивался, но в итоге не выдержал.

— Так может потому и не ходят к тем, кто вот так с людьми разговаривает. Если кто не хочет поступать так, как ты хочешь, тогда что же — их расстреливать. Или сжигать на кострах, как во времена инквизиции?

Но никакие доводы уже услышанными быть не могли. Крик, ругань, утверждения на самом примитивном уровне, что самое истинное и глубокое образование даёт только семинария...

Я потребовал от спорщиков прекратить крик. И слава Богу, удалось утихомирить страсти. Но подумал: «Как странно, что мы никак не научимся «слышать» себя со стороны. Алексей всячески ругает интеллигенцию (особенно творческую), меж тем смотрит современные фильмы, телевизор включает, только проснётся — и не выключает всё время, пока находится в квартире, в машине у него играет современная музыка, в том числе и из фильма «Эмануэль», сам издал два сборника довольно «модерновых» стихов, и книжку статей на «богословские темы», предисловие к которой очень просил написать меня (того самого обличаемого интеллигента). Наконец, несколько лет стремится стать членом Союза писателей России. Как же всё это соотносить с той религиозной нетерпимостью к труду писателей, художников, артистов? Всему этому существует одно объяснение — крайне поверхностное суждение о заявленной теме. И пока все мы пытались перекричать друг друга и работающий телевизор, по последнему начали показывать (в новостях) пожар на нефтеперерабатывающем заводе «Лукойл» в Кстове — в городе, в котором живёт Лосяков с семьёй.

Расталили под дождичком с Офитовым мирно. Николай Викторович вышел нас проводить к машине. Сумбурные получились в этот раз мои гостевания у него.

Пять часов потратили, чтобы по Москве доехать до Горного института (забрать сына Алексея) и выехать из города. Только ближе к полночи вернулись в Нижний Новгород, выгрузили книги у Станислава Смирнова.

7 октября 2017 года

Татьяна Антипова начала заниматься репетиторством — подготовкой по математике учеников старших классов для сдачи экзаменов по ЕГЭ. И вот угораздило её откликнуться на приглашение в Сормовское захолустье. От того, что она мне сегодня рассказала — берёт оторопь.

— Ладно, Господь мне закрыл глаза и заткнул уши. Я всё осознала только потом, а то бы там от страха умерла.

Не буду раскрывать Татьянин секрет, замечу только, что мы совсем не осознаём, сколько чёрной злобы и жестокости существует совсем рядом с нами. Буквально губительной жестокости. И когда смотришь им в глаза, то чувствуешь — это не человек говорит с тобой, а та самая страшная сила, в несуществовании которой нас стараются уверить, убедить атеисты.

8 октября 2017 года

Потеплело. Выглянуло солнце. Пошли с Ириной прогуляться по набережной Оки. Через бетонное покрытие медленно, лениво переползает большой уж. Сонно втянул он своё тело в газонную траву, и там в безопасности затих, невидимый случайным прохожим.

«Не город, а зоопарк без вольеров», — подумал я, вспоминая свою недавнюю поздневечернюю встречу с хорьком в нескольких десятках метров от этого места. Никогда раньше так часто не приходилось видеть «представителей дикой природы» в центре Нижнего Новгорода.

13 октября 2017 года

Медленно-медленно, но вроде бы что-то стало решаться с выходом книги, подготовленной мною к 100-летию со дня рождения Семёна

Шуртакова «Ода русскому слову». Местный министр культуры С.А. Горин после долгой проволочки, как я уже отмечал, в помощи частичного финансирования издания отказа. Но Виктор Александрович Карпочев вроде бы договорился о некоторой помощи от депутата Государственной Думы Виталием Борисовичем Ефимовым. Во всяком случае, реквизиты типографии «Радонеж» я ему отослал.

И сегодня же позвонил Юрий Изумрудов — многие годы знавший С.И. Шуртакова.

— Надо как-то отметить столетие Семёна Ивановича. Провести писательско-научную конференцию, пригласить гостей из Москвы. Если вы даёте добро, то я поговорю на эту тему с властями в Сергаче. Раньше-то у меня там был ответственный по подобным вопросам Юрий Назаров. Но после его смерти придётся говорить самому. У меня, я вам рассказывал, плохие отношения с руководителями города, но ради такого дела поступаю своими принципами, пойду к ним с предложением.

— Приглашение гостей потребует довольно большого финансирования. Я не думаю, что администрация района на них пойдёт, но кто знает — вдруг получится. Если нет — поговорим с Музеем М.Горького и всё проведём здесь, совместим с представлением изданной книги «Ода русскому слову». Надеюсь, что к этому времени удастся её напечатать.

Юрий Александрович начал расспрашивать о содержании. Рассказал ему о найденных в архиве текстах, фотографиях, документах. Упомянул о пачке писем (остались у меня) и дневнике (отвёз обратно в Москву).

Изумрудов загорелся:

— Можно приехать, посмотреть их?

— Я не нашёл там чего-то уж очень любопытного. Но раз интересно — приезжайте. Я все материалы, что использовал при подготовке книги, сдам в областной архив.

На этом и расстались.

Был сегодня звонок Бориса Лукина. Жаль, но с МХАТом он не приедет — «вычеркнули из списков, денег у театра нет платить командировочные». Ну вот — и в Москве не повидались, и в Нижнем не увидимся.

Анатолий Иванович Пафнущев просит ускорить работу над его новой книжечкой литературных заметок и стихов. Успокоил «дорогого доцента» — всё сделаем быстро, как всегда.

Рэм Иванович Чарыков уже не первый раз теребит меня по поводу своей новой книги — готовит её на основе архивных материалов по теме развития авиационной промышленности в СССР в 30-е годы прошлого века и участия в этой работе В.П. Чкалова. Хочет, чтобы изданием её занялся я.

И всех нужно выслушать, всем помочь. А своё время тает...

14 октября 2017 года

В подаренном в офисе «Двуглавого Орла» 7-м номере журнала «Москва» за 2017 год, в статье Михаила Смолина (ранее работ этого автора я не знал) «Был ли Сталин русским государственным деятелем?» прочитал: «Сталину же мы должны быть «благодарны», что на месте русского Туркестана в 1924 году появились Узбекская и Туркменская республики, а в 1929-м образована Таджикская республика. В дальнейшем, в 1936 году, Сталин вычленил из РСФСР Киргизскую республику и в том же году создал ещё четыре отдельные республики: Казахскую, Армянскую, Азербайджанскую и Грузинскую». И заканчивает эту вступительную главку своей статьи Михаил Борисович таким выводом: «Так что Сталин был для нашей государственности не Отцом (с большой буквы — так у автора В.С.), как наши Православные Государи, а злобным насильником».

В авторской биографической справке указано: «историк и публицист, кандидат исторических наук». Но как же историк может так однопланово рассуждать — только с сегодняшних позиций и собственных идеологических убеждений. Ведь эти решения нужно оценивать в контексте тех событий (экономических, политических, национальных,

культурных и многих прочих), что происходили в стране и вдоль её границ, вообще во всём мире. И мне не нравится, что произошло расчленение страны на отдельные республики. Но только ли в самодурстве и тирании Иосифа Виссарионовича Джугашвили тут дело? Вот, например, государь Николай II вообще страну потерял. Однако его мы почитаем святым. Но разве не подумавши, с маху не можно ли и ему напредьявлять разных категоричных претензий и обвинений, навешать ярлыки?

И уж коли заговорил о номере журнала «Москва», упомяну здесь (совершенно в другом контексте) рецензию Игоря Шумейко на книгу Сергея Дмитриева «Последний год Грибоедова. Триумф. Любовь. Гибель: Историческое расследование». Текст (в журнале три странички) написан экономно, упруго. И в то же время доказательно, что в заговоре, в результате которого погиб русский посол в Персии, принимали участие представители Англии.

Сергей Дмитриев также кандидат исторических наук, и именно поэтому объективность для него сильнее пристрастий. Потому «призрак строгого подхода (как отмечает Шумейко) Сергея Дмитриева к источникам и фактам: прямое участие Нессельроде в заговоре против Грибоедова он всё-таки считает недоказанным».

Вот бы и Смолину так: поднять протоколы заседаний, когда принималось решение по республикам, документы, мемуары, и доказать нам, что нынешнее состояние (международное) на постсоветском пространстве — это вина Сталина. Не продекларировать это, а доказать. Вот тогда, с такой позицией можно было бы и согласиться... Возможно.

15 октября 2017 года

В музее Н.А. Добролюбова на Лыковой дамбе встреча с членами Нижегородского отделения Союза профессиональных литераторов. Перед началом разговора любовался в витринах на первом этаже письменными приборами XIX века — камень, бронза. Когда такие вещи (произведения искусства) на твоём письменном столе, невольно будешь писать красивее, раздумчивее, без суеты. Это же не по пластмассе компьютерной клавиатуры стучать, да вместо шуршания пера по бумаге слышать непрерывную работу вентилятора, охлаждающего блок.

Встречу устроил В.М. Терехов. Рассказывал пришедшим о «своём творческом пути» (начиная с первых армейских публикаций), и надо сказать, что это у меня довольно внятно и последовательно получилось. Представил журнал, книги (свои) этого года, ответил на вопросы. От переданных для ознакомления книг отказался (наконец-то хватило духу), предложил принести их в наш Союз писателей. Думаю, что поленятся.

Несколько удивила меня патриотическая направленность взглядов аудитории, собранной Владимиром Михайловичем. Впрочем — люди пожилые, воспитанные ещё в советский период в большинстве своём не принимают «либеральные ценности».

Назад шёл по Почаинскому съезду под редким и мелким дождём. Разлапистые листья клёнов и мелкие кругляши лип, ещё несколько дней назад золотом горевшие под остывающим солнцем, теперь обессиленно опадают на землю. Есть в этом что-то поверженно униженное. Тоскливая и холодная осень всё более и более хозяйничает в городе.

16 октября 2017 года

Восьмой театральный фестиваль имени М.Горького открылся спектаклем «Васса Железнова» МХАТ им. М. Горького. В главной роли Татьяна Васильевна Доронина. Режиссура Бориса Щедрина.

Народная артистка СССР медлительна, по сцене передвигается не без труда, затянутые паузы (как мне показалось) использует для того, чтобы вспомнить текст. Железнов (народный артист России Ю.В. Горобец) и вовсе неубедителен, случаен.

В антракте я делюсь впечатлением от увиденного, осторожно заметил: «Со сцены надо уходить вовремя». И эта оценка оказалась полностью ошибочной. Чем дольше продолжалось действие (всё так же внешне медительно, без сценической суеты), тем полнокровнее, мощнее становился образ Вассы. И чем ближе к финалу, тем подавляюще реален он оказывался над всеми иными действующими лицами драмы.

Ближе к занавесу зал был полностью во власти этой больной, немощной пожилой женщины со стальным характером, во власти великой актрисы, сотворившей на наших глазах чудо.

Все образы на сцене померкли, всё как-то принизилось, стало мельче на фоне её игры, её жизни, её разговора со зрителем.

После занавеса зал стоя аплодировал — искренне, потрясённо. Татьяна Васильевна, в ответном слове на приветствие нижегородского министра, говорила о том, что давно не была в нашем красивом, поэтичном, православном городе. И далее всё о важности и судьбоносности православия для России (думаю, для зала это прозвучало несколько неожиданно), о сохранении веры в русских сердцах — патриотическая получилась речь.

17 октября 2017 года

Обменивались мнением с А.В. Мюрисепом по поводу вчерашнего спектакля. Оказывается, и среди актёров нашей драмы, и среди критиков — члены жюри фестиваля — были такие, кто категорически не принял постановки. Тут и претензии к живописи в оформлении сценического пространства, и к игре актрис, исполняющих роли дочери Наташи, жены сына Рошель. По пьесе — это молодые, привлекательные девушки, на сцене расплывшие женщины лет пятидесяти с какими-то развязными жемами играют (именно играют!) страсти. И я эту работу не принял. Но Доронина — Васса — совсем другое. Тут попадание характеров, мировоззрений, темпераментов.

После спектакля, по рассказу Александра Васильевича, двое мужчин взяли Татьяну Васильевну под руки и отвели в гримёрку. Мюрисеп последовал за актрисой, чтобы попросить подписать на память её книгу.

— Вы же видите, у меня нет сил, — ответила Доронина.

Так «Дневник актрисы» остался у Александра Васильевича без автографа автора.

В Союзе писателей достал пачку писем, сохранившихся в архиве С.И. Шуртакова (это после разговора с Юрием Изумрудовым решил ещё раз их посмотреть), развязал тесёмку, взял в руки ветхие листочки, когда-то вырванные из ученических тетрадок и исписанные чернилами, перьевыми ручками. Нет, по мне содержание их мало интересно. Видимо, это небольшая сохранившаяся переписка с друзьями, родственниками? Не понял. Но годы написания этих писем — 1939, 1942... Обязательно эти документы надо сохранить.

Ненадолго зашёл в Литературный музей на открытие выставки, посвящённой 110-летию выхода в свет повести М. Горького «Мать» и 60-летию первой постановки оперы (одноимённой) Т.Н. Хренникова. Из фондов Государственного музея А.М. Горького представили большие акварели В.М. Мазанова к оформлению оперы при постановке на сцене Горьковского государственного академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина. Эскизы любопытны (всё-таки) как некий исторический материал, а не художественный. Виталий Михайлович прослужил в нашем театре 60 лет. Смело можно сказать — всю жизнь. И только по одному этому листы акварели заслуживают того, чтобы их хранили. Это всё те ниточки, что связывают между собой эпохи.

Впрочем, ушёл из музея не задерживаясь. После дождя асфальт обсох, потому пешком отправился с ул. Минина к дому. С Канавинского моста удивлённо наблюдал за кроваво-красным огромным диском закатного солнца. Сверху и снизу его подпирала серые облака, и круг между ними

словно остывающий раскалённый металл светился ослабевающим внутренним светом, не обжигающим глаза, но невольно притягивающим к себе... Странное зрелище.

18 октября 2017 года

Продолжаю смотреть спектакли фестиваля. Вновь МХАТ им. М. Горького, на этот раз «Чудаки». Режиссёр-постановщик А.И. Дмитриев, художник В.А. Барабанов.

И от Юрия Полякова, и от Бориса Лукина слышал добрые отзывы об этой работе. Поляков говорил про постановку как про удачную во время встречи в Литературном музее. Спектакль (в Москве) идёт на Малой сцене театра.

На меня эта постановка особого впечатления не произвела. Довольно плоская в психологическом отношении, в сценическом решении оказалась ближе к комедии, почти к водевилю. Драматургия затушёвана, не раскрыта. Будто режиссёр специально сосредоточился на любовных перипетиях сюжетах, но и их-то всё больше опуская до фарса.

Был момент в спектакле, когда главный герой Константин Мастаков произносит большой монолог о России. В это время на сцене он оказывается один и говорит, обращаясь к залу. Чрезвычайно современен текст монолога — буквально о проблемах сегодняшнего времени.

Попытался (уже дома) найти этот отрывок в интернете, но в тексте пьесы (последняя редакция автора 1933 года) его нет. Может быть, режиссёр взял для постановки первый вариант драмы, написанный Горьким в 1910 году?

19 октября 2017 года

А.М. Коломиец сделал большое дело — спас геологический музей «Волгагеологии» (в котором прообитала редакция «Вертикали. XXI век» десять лет) от уничтожения. Коллекцию перевезли в Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, разместили в двух помещениях (библиотеке и специально отремонтированном для этого кабинете), Алексея Марковича назначили на пол ставки профессором с условием исполнения обязанностей смотрителя и экскурсовода. Сегодня всего этого торжественное открытие.

Ходил я вдоль знакомых стеллажей, витрин — словно в прошлое вернулся. Странное всё-таки это чувство. Сколько около этих стеклянных шкафов было передумано, пережито. Жило во мне убеждение, что никогда я всего этого больше не увижу, что музей непременно будет разорён, уничтожен новыми хозяевами здания (после Коломийца) — найдут они, как наиболее выгодно использовать освободившиеся помещения. Но Алексей Маркович сумел экспонаты (камни, минералы, кости древних животных, фото-архив, документы и прочее) спасти, и в этом его безусловная заслуга перед наукой, будущим поколением.

На радости от произошедшего события устроил Коломиец застолье в тесном кругу. Были трое ветеранов «Волгагеологии» (Сёмин, Зайцев, Богатырёв), директор Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН из Москвы Сергей Владимирович Черкасов, заведующий кафедрой оснований, фундаментов и инженерной геологии, доктор технических наук (специалист по вечной мерзлоте) Евгений Николаевич Горохов с двумя своими молодыми коллегами-учёными. С хорошим настроением под достойную закуску выпили мы с профессором в течение четырёх часов по бутылке достойного коньяка, и с чувством выполненного долга, с добрыми друг к другу чувствами, расстались.

Погода тихая, мирная. Шёл к дому с улицы Гоголя не спеша, посматривая вверх, на небо. Облака клочковато разорваны, и в просветы светят звёзды. Видимо — к заморозкам.

20 октября 2017 года

В 10-30 утра на презентацию книги стихов Андрея Дмитриевича Альпидовского «Я отдаю долги» (в Волжском государственном университете водного транспорта) Коломиец не пришёл — сослался на нездоровье. Собрал Андрей (он же кандидат наук, преподаватель в университете) своих студентов, и вместо лекции устроил им часовое литературное выступление. Прочитал хорошие стихи, попросил нас с Н.В. Чихом сказать несколько слов, показал клип своего сына (стихи и музыку, как и съёмку, монтаж — всё собственного изготовления), которым гордится. Закончив университет, в котором преподаёт отец, он работает в казначействе, но душою рвётся к музыке, к сочинительству.

Студенты, как мне показалось, стихи Альпидовского слушали с интересом, все принесённые им в подарок сборники Андрея Дмитриевича разобрали. Как знать, какой след в их душах оставит эта встреча. Почему мы думаем, что лишь компьютерные страсти занимают их.

Николай Владимирович Чих (Тихонов — его поэтический псевдоним, а как заведующий одной из кафедр юридического факультета Волжского университета он Чих) решил показать музей университета. Я в жизни не видел такого количества точных уменьшенных макетов разнообразнейших волжских судов — от прошлых веков до двадцатого века. Богатейшая коллекция. Посмотрели, конечно, так, бегом. Но и поверхностного взгляда достаточно, чтобы понять, сколь талантливы, мудры и работоспособны были наши предки.

ёС.А. Смирнов собрал у нас в Союзе писателей авторов составленного им сборника статей «Революция 1917 года и Нижегородская губерния», ну и вообще людей, заинтересованных в обсуждении этой темы. Открывая встречу, я особо отметил, что не следует упрощать оценок произошедших сто лет назад событий — масонский переворот, обманутый народ. У каждого события есть своя предыстория, своя почва для его свершения и своё продолжение в истории. Всё это думающим людям надо учитывать, прежде чем делать окончательные, категоричные выводы. И напомнил о публикациях в нашем журнале воспоминаний Веры Дмитриевны Смирновой о том, с каким восторгом февральский переворот был встречен обывателями Городца.

О неоднородности происходящих после 1917 года событий говорила и А.М. Тихонова на примере судьбы завода «Фельзер», перевезённого в Нижний Новгород из Риги. Затем это предприятие называлось «Двигатель революции».

21 октября 2017 года Кунавино

Только приехали в дом и поднялись с Сергеем Шестаком на второй этаж, в комнату, где стеллажи с книгами, отмеченными автографами авторов, как полетел снег — первый в этом году. Невольно залюбовались, глядя в большое окно — чуть не во всю стену. Окно выходит в сторону простора (правда, теперь довольно заросшего случайным лесом, всё больше березняком), оттого и снежные хлопья, казалось, валяются на ещё зелёную траву стеной.

Сергей спросил, есть ли у меня книги Николая Ивановича Кочина с его автографом. Нашёл и дал Шестаку повесть «Юность» и том, куда вошли два романа.

— Надо же, ты и Кочина живым видел.

Вспомнил о курьёзном (очень давнем) письме одной старушки из деревни в редакцию «Вертикали». Она прислала свои «стихи», и ожидала за них оплату. Я помню, что письмо это сохранил, но где теперь его искать? Полез в письменный стол, нашёл большой конверт, набитый разными письмами, и в нём то самое из деревни Пудово Сокольского района Нижегородской области от Александры Ивановны Шимичевой (заказное, с уведомлением). Да и ещё множество старых писем самого первоначального периода издания альманаха «Вертикали». Вот что зна-

чит дом в деревне. В городе давно бы (за неимением свободного места) все лишние бумаги выбросил. А тут увёз архив с глаз долой, и пятнадцать лет он пролежал целёхонек, не тронутый. Теперь всё это передам в свой фонд областного архива. Да и самому любопытно будет что-то перечитать, вспомнить о прошедшем времени.

После короткого снегопада засияло солнце. Отправились с Сергеем на родник за водой. Ослепительно красным горят гроздья спелой калины.

Родник до самого доньшка чист, прозрачен. Пока наполняли бутылки водой, Ирина на веранде приготовила чай. Пили его, глядя из большого окна на оголённые стволы яблонь. Ничего-то они не дали нам в этом году. Но как стремительно пролетело лето. И трава, стоявшая чуть не в рост, полегла обессилено, помертвело.

На обратном пути всё ахали от открывающихся вдоль дороги красот осени — где зелень хвои вперемешку с золотым и багряным светила под солнцем таким запоздалым, прощающимся пламенем.

Всё отживёт и уйдёт в землю. Всё!

Письмо из деревни Пудово — это тоже голос из прошлого, двойного прошлого — с эхом.

«Мой отец Иван Егорыч Чумаков защищал город Сталинград там он и погиб последнее письмо прислал и написал отстоим г. Сталинград. Когда немец окружил кольцом наши войска в октябре мой отец сел за пулемет и так действовал его пулемет и валились немцы как самураи от его каски да от щита пулемета отлетали пули чудо было а товарищ был с ним Цветков Иван Алексеич его изранений был а санитарам не как не подойти диво как остался отец жив и тут прекратили бой и говорил Цветков потащили ваш отец со старшиной пулемет к боевоприпасам и мы с ним простились меня санитары понесли а отец ваш становой пулемет потащил его все рассказывал Цветков и вдруг лелят немецкие самолеты и бомбы и бомбы вот они погибли с пулеметом. ну Цветков домой пришел он все нам рассказывал он сказал Цветков ваш отец настоящий Герой он разбил все кольцо немецкое конечно нам такая утрата не легка была и прислали извещение что пропал без вести а нас было пятеро у мамы вот наш отец погиб в Сталинграде...»

Специально оставляю все так, как написано автором письма.

23 октября 2017 года

Ещё сквозь сон, по ритму ударяющих по подоконнику капель — тяжёлому, протяжному — понял, что выпал снег. Встав, посмотрел в окно. Всё бело, и только тротуары жирными чёрными полосами расчертили снежное пространство.

Сегодня 85 лет Николаю Павловичу Мидову. До того как ехать в ма-стерскую к художнику, успел побывать в типографии «Радонеж», внести небольшую правку в готовящуюся к печати книгу к моему юбилею. У Мидова собрались всё свои люди — с годами круг наш почти не меняется: Климешов, Юшков, Тырданов, Анатолий Гришин.

Николай Павлович лицом несколько вытянулся, оно у него как бы выцвело до белизны. Но постепенно во время негромкого, неспешного за-стоалья порозовело. Продолжает работать. Что-то доделывает из старого. Набросал рисунок новой картины «Сеятель» и уже приготовил, загрунто-вал для неё большой холст.

Увидел я стоящую на полочке (обложкой к зрителю) книжечку А.М. Коломийца «Три венка сонетов». Хоть и наговорил мне Николай Павлович неприятных слов по поводу её оформления (на обложке и внутри офорты Н.П. Мидова), но прошло время, и теперь эта публикация ему (как минимум) приятна, раз выставил напоказ. Ну, и я пожалел о тех резкостях, что написал в дневнике после нашего телефонного разговора. Хотя холо-док отчуждения, что появился в тот момент в моём сердце, до конца из-жить в себе не получается. Осторожным, ой как осторожным надо быть со словом. Тут разумности и сдержанности мне никак не хватает.

Спектаклем «Семейный портрет» (пьеса М. Горького «Последние») С-Петербургского государственного драматического театра «На Литейном» фактически завершается фестиваль нынешнего года. Мне эта пьеса не нравится, но актёрский состав хорош, постановка увлекает.

Зрители не так восторженно её приняли, как МХАТовские спектакли (хотя по художественному уровню она не ниже — прямо надо сказать), но тут, на мой взгляд, сказывается уже некая утомлённость, пресыщенность зрелищем.

Интересными получились образы матери, отца Ивана Коломийцева, доктора Леща, няни. Но это всё создано на актёрском мастерстве, на внутренней интуиции достоверности того или иного поступка героя. А вот оригинальной режиссёрской концепции в целом спектаклю явно не доставало. Хотя возглавлял постановку опытный человек, народный артист РФ Александр Кузин, художник-сценограф Кирилл Пискунов.

24 октября 2017 года

В музее-квартире А.М. Горького открытие фотовыставки «На дне» и Круглый стол «Драматургия Горького. Диалог эпох».

Выставка удалась. Подобрали фотографии Горького 1903 года. Один портрет писателя выполненный М.П. Дмитриевым очень хорош. Максим Петрович запечатлел писателя, ещё как бы не верящего, что к нему пришла мировая слава — он молод (пальцы рук нежны, тонки, длинные), одет в простую рубаху, смотрит в объектив светло, чисто — даже как-то по-детски наивно. (На фотографиях 1904 года Алексей Максимович уже другой). Истинное удовольствие смотреть на эту работу знаменитого фотографа. Ну и много ещё интереснейших снимков было представлено публике — Леонида Андреева в одежде босяка, артистов МХТ у дома, в котором мы теперь собрались, виды старого Нижнего Новгорода...

В гостиную писателя приехавшие на фестиваль московские и питерские критики повели брезгливый разговор о просмотренных спектаклях. Всё это старьё, поросшее мхом, нет режиссёрских поисков, дерзаний, неожиданных решений — вот главные их выводы. Произносятся имена европейских режиссёров (мол, вот где театральные достижения), молодых российских, ставящих нестандартные постановки для пятидесяти зрителей (например по «Несвоевременным мыслям» — где произносятся самые острые антирусские горьковские тексты). И вообще подавляющей настрой критиков в оценке нашего национального театра самый неутешительный.

Дали слово В.В. Никитину. Валерий Васильевич говорил плохо, сумбурно — кричал, стучал ногами, размахивал руками, и всё в том же ключе — нет режиссёров. Как ему хотелось понравиться гостям!

После этого «моно-спектакля» я встал из-за стола и демонстративно (начал говорить вновь столичный критик) вышел из комнаты.

Мы в разговорах с единомышленниками часто удивляемся, почему не национальный, а европейско-либеральный взгляд (на все сферы нашей жизни) преобладает в наших СМИ. Да потому, что их представителям хочется понравиться европейцам, а губернским хочется понравиться столичным, ретранслирующим европейские взгляды, а районные хотят потрафить губернским. В итоге создаётся чуждое для большинства населения информационное поле, объясняющее, что «все мы сидим на вокзале и ждём, сможем ли уехать из этой страны, или опять придётся в ней остаться» (по словам всё тех же критиков).

Я не очень понимаю, почему именно такой состав экспертов был приглашён на фестиваль. Организаторы тоже захотели показать себя «продвинутыми», «современными»?

Только раз директор музея Алла Марковна Лебедева робко попыталась возразить, что пьеса Горького «На дне» более пятидесяти лет шла в одной постановке и пользовалась успехом у зрителей.

— Ну и что? — был ей резкий, укорачивающий ответ.

Знай своё место и не высовывайся.

Мне было предложено выступить, но я отказался. Ведь опять говорил «не к месту», не в унисон со всеми. Сколько можно рвать сердце, кричать в пустоту.

26 октября 2017 года

Видимо, всякому человеку надо дожить до 60 лет, чтобы получить в подарок множество картин и всякого прочего, быть заваленным цветами и услышать про себя столько возвышенно-добрых слов, что не будь в это время «отключен от сознания тщеславный разум», то невольно подумал бы о себе, как о чём-то действительно стоящем. Но в моей памяти и краешком не зацепилось ни одно восхваляющее слово (ничего не могу вспомнить) — и Слава Богу.

Но зал для такого торжества мною выбран, прямо надо сказать, удачно. Не испортили настроение и не совсем подготовленность музея к торжеству, и какие-то накладки с проводившейся тут же экскурсией, и не достаточная тактичность старушек-хранительниц. Но все эти мелочи к концу торжества уже были забыты.

Ещё до прихода основных гостей пришла поздравить новый директор департамента культуры Нижнего Новгорода Наталья Евгеньевна Суханова. И правильно сделала. Мы хорошо поговорили, познакомились. Может быть, теперь будем совместно что-то совершать в культурном пространстве города.

А.В. Мюрисеп назвал исполнение отрывков из моего рассказа «Лестница» студентами второго курса Нижегородского театрального училища им. Е. Евстигнеева этюдом. Но ребята так хорошо воспроизвели текст, так Александр Васильевич его удачно подобрал, срежиссировал, что получился полноценный мини-спектакль, который меня чрезвычайно тронул. И ведь всё это было сделано за две-три репетиции где придётся — в комнате училища, в фойе учебного театра... Мюрисеп невероятно талантлив, тёпла душой, и как непозволительно мало эти способности используются в нашем драматическом театре. Вот она — зависимая судьба театрального человека.

С.А. Горин, хоть и торопился на совещание, но посмотрел всю сцену по рассказу до конца. И потому услышал (когда я дарил ребятам книгу «Лестница» — Кириллу Горшкову и Марии Каддо), что написал я его, когда мне было двадцать с небольшим лет. И десятилетия не публиковал текст, правил его, в отличие от теперешних «писателей», которые всякую дрянь торопятся молниеносно издать за свой счёт, а после ещё с ней вступить в Союз писателей, искренне недоумевая, когда получают отказ.

К.И. Шихов, В.И. Занога, Е.И. Юсов, В. Ерофеев подарили свои этюды, В.М. Терехов этюд Юрия Андреевича Адрианова «Ненастный апрель старого Нижнего. 20 апреля 1986 г.». И ведь всё памятно: встречи с Адриановым, весна у меня в деревне (Занога подарил изображение моего дома), Белое море (этюд Шихова), Ветлуга (этюд Ерофеева). Всё в сердце, всё находит в нём отклик.

Виктор Иванович Пурихов принёс в подарок почти метровую скульптуру обнажающейся девушки. Прекрасная работа исполнена в белом гипсе. Я помню её на выставках скульптора.

Приведу в этих записях пример как бы одного курьёза. Можно было бы и удержаться, не упоминать о нём, но уж очень он показателен, многое объясняющий.

Андрей Стариченков и Геннадий Щеглов работают в небольших местных издательствах. Первый в «Христианской библиотеке», второй в «Книге» Олега Рябова. Оба принесли подарить «продукцию собственного производства». Андрей: «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря... — составленную архимандритом Серафимом (Чичаговым) — будущим владыкой»; «В Небесном Иерусалиме: история одного побега (Биография

епископа Варнавы (Беляева) Павла Проценко; «Основы искусства свято-сти» епископа Варнавы (Беляева); «Во что я верю» Франсуа Мориак; «Беседы о блаженствах» Саймона Тагуэлла. Геннадий: альманах «Русский смех» (с низкопробными стишками, собранными к фестивалю юмора в Кстове) и книжки Эдуарда Кузнецова «Пародия и окрестности» и тому подобная «литература». В таких случаях обычно говорят: комментарии излишни и почувствуйте разницу. При этом Геннадий беспрекословно считает себя непревзойдённо выше многих в понимании качества литературы и умения её издавать. Хотя в отличие от его книжонок, тома «Христианской библиотеки» — это образец безупречности издательского вкуса.

Ну да это так, отступление, «картинка с выставки».

Отдельно я благодарен Болдинскому музею — за то, что приехали, поздравили, подарили бюстик А.С. Пушкина. Нина Анатольевна Жиркова мудро сумела всё сделать, чтобы образовавшийся ледок в наших отношениях растаял без следа.

Завершали этот день поздним застольем у нас в Союзе писателей. Пели Володя Заного, о. Сергей Муратов, Ярослав Кауров. Читал стихи Валерий Васильевич Никитин, рассуждал на темы искусства Ким Шихов и так далее. Никто не спорил, все доброжелательны друг к другу. Вот так всегда, когда нет посторонних, случайных людей

В музее много снимал Анатолий Гришин — талантливый фотограф. Благодаря ему надеюсь, что что-то останется на память. Хотя и Сергей Шестак, и Станислав Смирнов тоже что-то запечатлели.

27 октября 2017 года

Читаю «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского и «Вехи» (сборник статей, вышедший в 1909 году, переиздан «Молодой гвардией» в 1991-м). Поражаюсь (в который уже раз) — наши мыслители так многое предвидели наперёд, предупреждали. Но вечная беда в том (да и только ли наша?), что те, кто прорывается к власти, большей частью не в ладах с серьёзной русской литературой. О голосующих за них обывателях и вовсе умолчу.

Вот Фёдор Михайлович, словно участвуя в дискуссии, развёрнутой нынешними нашими политологами, пишет в дневнике за ноябрь 1877 года, в статье «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать»:

«Нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться вперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабождении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени». Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи (...) Но о теперешнем моменте я говорить не стану, к тому же мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся, — признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели ос-

вободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у них в научную и политическую аксиому. Мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем об России. Может быть, целое столетие, или еще более, они будут непрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут всё величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы, извещающие весь мир, что после долгой парламентской бури пало наконец министерство в Болгарии и составилось новое из либерального большинства и что какой-нибудь ихний Иван Чифтлик согласился наконец принять портфель президента совета министров. России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавидничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство. (...) России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае. Разумеется, сейчас же представляется вопрос: в чем же тут выгода России, из-за чего Россия билась за них сто лет, жертвовала кровью своею, силами, деньгами? Неужто из-за того, чтоб пожать столько маленькой, смешной ненависти и неблагодарности? О, конечно, Россия всё же всегда будет сознавать, что центр славянского единства — это она, что если живут славяне свободною национальною жизнью, то потому, что этого захотела и хочет она, что совершила и создала всё она. Но какую же выгоду доставит России это сознание, кроме трудов, досад и вечной заботы? Ответ теперь труден и не может быть ясен. (...)

Долго еще не поймут теперешние славяне, что такое Восточный вопрос! Да и славянского единения в братстве и согласии они не поймут тоже очень долго. Объяснять им это непрерывно, делом и великим примером будет всегдашней задачей России впредь. Опять-таки скажут: для чего это всё, наконец, и зачем брать России на себя такую заботу?

Для чего: для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. (...) Будь окончание нынешней войны благополучно — и Россия несомненно войдет в новый и высший фазис своего бытия...»

Это написано в то самое время, когда русская армия проливала кровь за освобождение болгар от турок. И предвидение писателя полностью оправдалось. Только в одном Фёдор Михайлович ошибся — в сроках. Вот уже далеко за сто лет ушло время с момента написания его утверждения, а вразумление к славянским народам всё не приходит. Такое впечатление (если вспоминать историю за прошедшие почти 150 лет), что и не придёт никогда, покуда их вновь кто-то не поработит.

Длинная цитата. Ну да она стоит того, чтобы её выписать и подумать над её содержанием как следует.

30 октября 2017 года

Ирина не отрываясь читает сборник «Вертикаль Валерия Сдобнякова», в которую вошло более тридцати статей о моих книгах. Тема такого издания возникла случайно в разговоре с Дмитрием Якемсевым из «Радонежа» (по телефону), как подарок издательства-типографии к моему юбилейному вечеру. Буквально за два дня я собрал статьи (что были в компьютере, «под рукой» — и тех-то показалось слишком много) и отправил в «Радонеж». Они оперативно сверстали, выслали мне на утверждение и к торжеству небольшим тиражом книгу издали, привезли прямо в Художественный музей. Но там её дарить, раздавать я не стал. Решил сначала сам всё просмотреть, удостовериться, что это может быть кому-то действительно интересно. Но вновь читать статьи, которые уже когда-то читал, так себя заставить и не смог. Подсунул книгу Ирине, и та увлеклась. Говорит, что очень интересно, а я тем временем начал вспоминать, какие ещё статьи и рецензии надо было бы поместить в «Вертикаль Валерия Сдобнякова» — рецензии на прозу в «Искушении» Ирины Мухиной и Константина Даниловича Проimina (там были серьёзные замечания, как мне помнится, по повестям — этим критика и интересна), вступительная статья Арсения Васильевича Ларионова к книге «Последний день», хорошие, основательные беседы о жизни и творчестве с Мариной Переясловой и Михаилом Поповым (да и интервью, что дважды делала со мной Лена Крюкова, тоже стоило бы посмотреть).

В общем, много ещё чего осталось за бортом книги и что могло бы как-то раскрыть суть того, что делал я в литературе (может, так-то уж совсем нескромно говорить о себе подобным образом, да ничего более нейтрального на ум не пришло) в течение сорока лет. Может быть, действительно подумать о расширении содержания (в будущем)? Хотя когда всё успеть? Вон «Искры потухающих костров...» ждут своего последнего прочтения и издания.

Хороший день к ночи сменился дождём. В одиннадцать часов вечера вышел на улицу прогуляться, да вернулся назад — нудно заморосило. А теперь, во втором часу, уже льёт основательно, оббивая последнюю жёлтую листву с берёзы под окном. И так мне горько, так тоскливо.

31 октября 2017 года

Вот придумал себе занятие — отсылаю по электронной почте фотографии с прошедшего торжества друзьям и тем, кто был к нему причастен, выступал в зале К.Е. Маковского. В ответ получаю добрые отклики, приветы, и постепенно внутри меня что-то оттаивает.

В телефонном разговоре предложил А.В. Мюрисепу — почему бы студентам его курса не разыгрывать такие мини-спектакли по произведениям других нижегородских писателей. Можно было бы составить из этого целое представление. Тут две цели — познакомить ребят с местной литературой и привить им вкус к прозе, к чтению, дать возможность почувствовать красоту языка художественной прозы.

Предложение встречено Александром Васильевичем с неподдельным энтузиазмом. Тут же определили следующего автора.

— Давайте вашего учителя, Валентина Николаева. Я с большим интересом читал его прозу в «Вертикали. XXI век». Подберите, что бы можно было инсценировать из его рассказов.

— Но я бы мог привлекать ребят с этими сценками, этюдами на литературные вечера (например, в музей М. Горького, в библиотеки), праздники (Болдино, Семёнов). Так что наработанный материал не пропадёт после «одноразового применения».

2 ноября 2017 года

Позвонил Александр Иванович Казинцев. Вот уж с кем я всегда рад разговаривать — умён, интеллигентен, мягок, неравнодушен. Повод звонка — публикация моего очерка в 11-м номере журнала «Наш современник». Я, честно говоря, не понял, о каком очерке идёт речь — о «Птицы над нами» или «И просто жить». Но уточнять было неловко. Первый вроде бы раньше редакция отвергла из-за «православности», второй по договорённости с Казинцевым я высылал (кажется) этим летом.

Поблагодарил Александра Ивановича за такое внимание ко мне, и коротко, в двух словах рассказал о прошедшем юбилейном вечере.

— Мы вас тоже поздравили в 7-м номере журнала, как нашего автора.

— Жаль, пропустил. Но я этот номер найду.

— Будете в Москве, обязательно заезжайте, принесите новые номера «Вертикали. XXI век». Вот в прошлый раз были в столице, а в «Нашем современнике» не появились.

— В следующий раз обязательно повидаемся.

На этом и расстались. Я с потеплевшей душой.

Привезли книжечку А.И. Пафнутьева «Пешеход» (из типографии). Полистал её и остался доволен. Конечно, мои предпочтения отданы литературным запискам Анатолия Ивановича (на этот раз он размышляет о И.А. Бунине), но и цикл стихов о матери, отце, как бы о все прожитой жизни трогает искренностью переживания, исторической действительностью.

3 ноября 2017 года

Шёл в наш академический театр оперы и балета и всё корил себя — ну зачем трачу время на это торжественное открытие XI Ассамблеи Русского Мира, чего я хочу увидеть и услышать на этом «толковище»? Утешался лишь тем, что дал себе срок до обеда. Далее опять за компьютер, за работу, которую (так решил) сегодня должен завершить.

В театре шум, толчея, много суеты и бесполовости в организационном плане.

Зарегистрировался, взял пакет с книгами Вячеслава Алексеевича Никонова (он председатель правления фонда «Русский мир»). Их всего три — но тяжелейшие, толстенные: «Молотов: Наше дело правое» («Молодая гвардия», 2016 г. В 2-х книгах) — общее количество страниц почти тысяча, да ещё пять тетрадок по восемь листов линованной бумаги с фотографиями. Открыл наугад и попал на повествование о проходивших в 30-х годах судебных процессах. Очень интересно и доказательно.

Буду читать всю биографию Вячеслава Михайловича Молотова.

Другое издание «Октябрь 1917» более 1200 страниц. Мало чем по объёму уступает работа «Современный мир и его истоки», выпущенная Московским государственным университетом. И шрифт-то во всех книгах маленький-маленький, экономный, тесный. Да, плодит автор. И когда успевает? Депутат (руководит Комитетом Государственной Думы по образованию), возглавляет три больших общественных фонда (думаю, с огромными бюджетами), ежедневно выступает в телевизионных программах, колесит по всему миру и вот ещё издаёт книги под шестьдесят авторских листов.

Приветствия от президента страны В.В. Путина и председателя Правительства Д.А. Медведева зачитывали президент С-Петербургского государственного университета Людмила Алексеевна Вербицкая и сам В.А. Никонов. Далее от Министерства иностранных дел... И тут спохватились, уже поднявшегося на сцену сенатора с приветствием от Председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко попросили на время уйти за кулисы, освободив микрофон для митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия с посланием от Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Владыка текст зачитал, а потом сказал от себя о Святой Руси, о стволе и кроне, но что они без корней. А мощная корневая система — это Православная русская вера, на которой наши предки построили огромное и мощное государство, в котором мирно уживаются разные народы, культуры, традиции, вероисповедания.

— Западные политологи удивляются — не может существовать такое государство, а оно века и века существует.

В общем, неожиданно для меня хорошо и мудро выступил митрополит Георгий. И недоумение американских и европейских политологов понять можно. В старом свете крохотные, по меркам России, страны делятся, дробятся и дробятся — Шотландия стремится уйти от Англии, в Испании (только что) свою независимость объявила Каталония. В Италии идёт по такому же пути Винета (северная часть страны). А недавнее расчленение на мельчайшие куски Югославии, Чехословакии?

После этого зачитанное полемическое обращение к собравшимся председателя Духовного управления мусульман РФ Муфтия Шейха Равиля Гайнутдина (прочитал его заместитель) прозвучало неким резонансом. Опять о непризнании (в подтексте) главенства в России русских и их веры, о многонародности и многоверии, но уже совершенно в ином смысле, чем толковал об этом же Георгий. Словно заранее всё знал Гайнутдин, и потому обиду, задетое неудовлетворённое самолюбие выплеснул на бумагу. Да и не в первый раз уже приходится слышать подобное со стороны мусульман. Так и хочется их спросить — кто же вам с вашей верой мешал строить великое государство? Так нет — вы бесконечно друг с другом воюете. И чтобы замирить вас, приходится России применять силу. Победа в Сирии русских воздушно-космических сил тому пример.

Кстати — вчера они нанесли по объектам «исламского государства» очередной удар крылатыми ракетами «Калибр» с подводной лодки из Средиземного моря и бомбовый удар стратегическими бомбардировщиками, взлетевшими с наших аэродромов. Ну да это так, отступление.

Было заявлено, что на ассамблею (другого слова, для обозначения встречи представителей русского мира, конечно же, не нашлось) приехали представители более чем из семидесяти стран и из всех регионов России. Навезли кучу гостей и из столицы. Вот где деньги, похоже, и не считают. И когда проецируешь всё это на то, как выживает русская культура, русская литература в самой России (опыт издания журнала «Вертикаль. XXI век» тому пример) — то просто выть хочется.

4 ноября 2017 года

В Нижегородской филармонии имени Мстислава Ростроповича концерт Государственного симфонического оркестра «Новая Россия» (худож-

жественный руководитель и главный дирижёр Юрий Башмет). Взял всех своих, послушали. Исполняли музыку М.И. Глинки, С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского. Дирижировал Денис Власенко. Солист (фортепиано, при исполнении Рахманинова) Филипп Копачевский.

Замечательно!

Вечером город стоит притихший, вымороженный, припорошенный белым снежком по зелёной траве (на газонах)... Предзимье.

5 ноября 2017 год

Ничего почти не осталось от прежней Стрелки, от мест, которые помню с раннего детства. И такое щемящее чувство закрадывается в сердце — не передать.

Вновь пошёл к строящемуся к чемпионату мира по футболу стадиону. Громадная площадь очищена, заасфальтирована. Посередине шайба возведённой арены. Всё мертво, безжизненно. Под начавшим сыпать мелким мокрым снежком, через кучи ещё не разровненного песка, пробрался к Волге, вернее к высокой портовой стене.

Чередой выстроились по её краю металлические пеньки причальных тумб для швартовки судов, которые уже никогда сюда не подойду. Встав на самый край бетонного обрыва, ухватившись рукой за торчащий позади меня металлический угольник, наклонился всем телом вперёд и поглядел вниз на густую, темную воду реки, что пугающе мощно двигалась метрах в десяти подо мной. И отпрянул, почувствовав завораживающую призывность этого движения.

На толстых ржавых металлических тросах ещё висят, прижавшись к серо-чёрному бетону стены, гроздя старых автомобильных покрышек. Под ними и движется враждебная, стынущая Волга.

Всё чужое — место, река, время... Всё!

6 ноября Бор

Приехал на открытие художественной выставки о. Евгения Юшкова заранее, более чем за час. Хороший осенний день, потому гулял по городу, по давно знакомым улицам. У вечного огня внимательно (впервые) рассмотрел памятник «Борцам за нашу Родину». Сложная и не совсем удачная, как мне показалось, композиция. Тут и высокая металлическая стела с плохо читаемыми (каждая бронзовая буква прикреплена по отдельности, и оттого все предложения, размещённые как бы на развешиваемся флаге, высоко наверху, сливаются) текстом о победе над капиталистами, и слова из известной песни о разрушении старого мира до основания, и фигуры солдат Великой Отечественной войны вместе с тружениками тыла — всё атлеты: мускулисты, мужественны — атланты одним словом.

На одной из улиц увидел, как обыкновенный дворový голубь сел на плечё мужику (довольно потрёпанного, затрапезного вида), и никак не хотел с него улетать. Так этот мужик и шёл, разговаривая с птицей. На другой улице повстречался довольно запущенного, не ухоженного вида старичок, поднимающий упавшие у него из руки монетки. Поднимет одну, у него тут же выпадет из ладони другая. Не рискнул подойти и помочь. В последнее время со своей помощью всегда попадаю в неловкое положение — люди или настораживаются, или откровенно, враждебно пугаются. Но со старичком случилось продолжение. Уже осмотрев выставленную за культурным центром «Теплоход» военную технику, артиллерийские орудия, я вновь увидел этого человека. Он проходил уже по другой улице, и из его ладони всё так же падали монетки, а он их подбирал. И когда шёл к центру на автобусную остановку после открытия выставки — всё повторилось. Только на этот раз возле старичка стоял молодой парень и старался положить ему в пригоршню поднятый с земли рубль.

Выставку в Культурном центре «Теплоход» назвали «Ангелы Евгения Юшкова». На ней кроме работ о. Евгения представлена графика и жи-

вопись нижегородских художников Г.А. Скотиной и Н.П. Мидова. Хорошая получилась выставка, хоть и приурочена к скорбной дате — расстрелу царской семьи. О революции и говорили большей частью. Лишь я в своём слове попытался вернуть выступающих к художественным работам, выставленным в фойе центра. Кроме всего зачитал надпись на своей книге «Лестница», что подарил (о. Евгений на этот раз был с наградным, «с камнями», крестом на груди, доставшимся ему от отца): «Дорогому о. Евгению Юшкову — с благодарностью за всё доброе и светлое, что принёс он в мою жизнь. С любовью от автора». Объяснил:

— Мог бы просто передать книгу, и дело с концом. Но решил, что эти слова о. Евгению должен сказать публично.

В завершении местный краевед, хранительница музея предприятия «Теплоход» (совсем пожилая, и от того чрезмерно многословная женщина) уговорила подняться на второй этаж, посмотреть экспозицию. Достаточно объёмное хранилище документов, газетных вырезок, книг и некоторых интересных мемориальных вещей, связанных с историей предприятия, а значит страны, начиная с дореволюционных времён. Одно опасение — сохранится ли всё это (например, трость из чёрного африканского дерева владельца завода, так ярко приветствовавшего февральскую революцию 1917 года, или его же печать) в будущем?

С Юшковым (это он пришёл в музей и «освободил» меня от несколько навязчивого экскурсовода) расстался с сожалением. Как показалось — это чувство было обоюдным.

9 ноября 2017

Можно сказать, что этот день посвящён работе со СМИ. В 11 часов в медиахолдинге «Столица Нижний» запись интернет-телевизионной передачи. Ведёт Елена Минская — несколько экстравагантная молодая женщина, но вопросы подготовила толковые, в интернете собрала обо мне разные литературные сведения, в том числе о книге «В предчувствии Апокалипсиса». Это мне дало возможность рассказать об Олеге Николаевиче Шестинском, Юрии Васильевиче Бондареве. Вспоминая начало литературной деятельности, упомянул о Валентине Арсеньевиче Николаеве самыми добрыми словами. Беседа получилась динамичной и толковой.

Расставаясь, Елена подарила три своих небольших книжечки: «Женская правда», «Женские штучки», «100 и 1 женский вопрос». Названия говорят сами за себя. Короткие рассказы, помещённые в них, написаны не без выдумки, вполне толково и профессионально.

С улицы Максима Горького прошёл в Союз писателей. До вечера успел поработать над главой «Искр...» и с отцом Евгением Юшковым внести правку в текст его «Молчания» для 52-го номера «Вертикали. XXI век».

Заканчивал день в телецентре на улице Белинского, принимая участие в прямом эфире «Радио России». Информационный повод — выход книги «Революция 1917 года и Нижегородская губерния», потому был приглашён С.А. Смирнов. Но весь разговор (включая и звонки слушателей) оказался шире — вообще о революции 1917 года, её причинах и последствиях. Наталья Михайлова, ведущая программы, старалась разговор максимально полемизировать (впрочем, как всегда). В итоге слишком много говорила сама, зачитывала цитаты из выступлений В.В. Путина, патриарха Кирилла.

В который уже раз попытался объяснить слушателям: революция не возникла в одночасье, к ней шли годы, даже десятилетия. И теперь бессмысленно, осуждая происшедшие события, замыкаться только на 1917 году. И уж тем более следует избегать однозначных оценок — это белое, это чёрное. Всё намного сложнее. Мы можем изучать произошедшие век назад события, как исторический факт, а не «тянуть» их в наше время. Неприемлемо, когда факты подбираются под заранее подготовленную позицию, выработанные убеждения, а те, что не вписываются в подобные убеждения — отвергаются. В таких утверждениях нет объективности.

Впрочем, понимаю, что с такими взглядами я нахожусь в абсолютном меньшинстве.

10 ноября 2017

Подумал — а интересно, что покажут наши художники на открывающейся сегодня выставке «Октябрь 100. Полноцвет», посвящённой 100-летию Октябрьской революции. Пошёл на площадь Минина и Пожарского в знакомые залы. Поднимаюсь по улице Рождественской, уже к Кремлю, к Ивановской башне, как меня кто-то по-свойски, как старого знакомого, окликает:

— Как вы хорошо идёте.

Оглядываюсь на мужчину в клетчатой кепке, которого только что обогнал. Узнаю бывшего депутата областного Законодательного Собрания, вице-губернатора и прочее, прочее Александра Алексеевича Серикова. Не показываю вида, что удивлён таким приветствием (никогда он доброжелательного отношения ко мне не выказывал, порою здоровался приветливо, но большей частью проходил, как бы не замечая или демонстративно отворачиваясь — особенно после истории с О.А. Рябовым), откликаюсь тоже с полным расположением.

Так вместе до выставочного зала и дошли. Сериков рассказывал о выставке «Красная Атлантида», открывшейся в художественном музее (картины большей частью выставлены из запасников), фотографии некоторых экспонатов показывал на своём телефоне.

И всё-таки — что случилось, откуда такие перемены? Он всегда был близко дружен с В.А. Шамшуриным и Рябовым, и потому их уход из областной писательской организации его укрепил в понимании моей чуждости для их круга. А тут ещё стоит вспомнить и наше противостояние с Шамшуриным на первых выборах председателя организации, и мой очерк об Адрианове, где я так нелицеприятно отозвался о Валерии Анатольевиче, и статьи в «Литературной газете»... Да много чего можно привести в пользу аргумента быть ко мне нерасположенным.

Ладно, понаблюдаем. Даже любопытно.

Понимаю, что осмыслить (в художественном внешне-зрительном воплощении) то, что произошло в Российской империи 100 лет назад, невероятно сложно. Потому и не рассчитывал на какие-то открытия, откровения наших художников. И, надо сказать, так всё и было (плакатно-упрощённое оглядывание в историю — где либо всё принимаю, либо отвергаю, либо высмеиваю), кроме довольно большой картины заслуженного художника РФ Инессы Викторовны Сафроновой «В пору лихолетья», написанной ещё в 2004 году.

Сюжет, видимо, не нов. Недавно закрытый, ещё не совсем разорённый храм, но уже превращённый в хранилище зерна (первый коллективный урожай, или отнятое у «кулаков»). На небрежно сложенных стойкой киотах и (по всей видимости, древних) иконах стоит чаша для причастия, которую держит в своих руках то ли напуганная, то ли страдающая девочка. Тут же сидит в кожаной куртке, в кожаной фуражке с красной звёздочкой над козырьком, сельский предводитель — комиссар и тоже смотрит на чашу. На полу рядом бутылка, заткнутая пробкой, яичная шелуха... Небольшая икона Спасителя стоит прислонённой к импровизированному столу. И всё это на фоне настенной росписи, где изображено распятие с Иисусом Христом. Но главное во всей картине — взгляд «комиссара». Может быть, не совсем трезвый, угрюмый, задумчивый... сомневающийся. Вот в этом сомнении, в этой внутренней борьбе и есть главная трагедия братоубийства, но в то же время и надежда на возрождение и веры предков, и сострадания ближнему.

В картине нет однозначности, но есть полифония, разность звучания, она как бы полемизирует внутри себя. Интересная, запоминающаяся работа.

15 ноября 2017

На закате над городом алым цветом окрашенные облака.

Впервые иду в культурно-просветительский центр «Покров» на Большой Покровской. Бывший Дом офицеров (целый комплекс зданий в центре города) отдан нашей епархии. Поднимаюсь на второй этаж через домовую церковь в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. В довольно большой аудитории церковный историк и краевед Ольга Владимировна Дёгтева прочитала лекцию (так было заявлено в приглашении) «Нижегородская гологофа 1918-1939 гг. Исторические факты и судьбы».

Надо отметить, что Дёгтева постаралась избежать каких-то поверхностных оценок произошедшего (хотя в некоторых репликах и без этого не обошлось), сосредоточившись на судьбах конкретных архиереев и священников, ушедших из жизни в это страшное время. Она много порабатала в архиве, и потому свои сообщения иллюстрировала показом на экране фотографий, документов.

И всё-таки...

Не обошлось на встрече без примитивного осуждения «кровожадности большевиков» (это уже в вопросах, в дискуссионном обсуждении), констатации их «нравственного падения».

Когда я слышу такие «заготовленные» оценки, то с ужасом понимаю — ничего дая нас ещё не закончилось. Ибо для людей, которые столь сложный и кровавый период в истории нашего Отечества могут так легко и однозначно оценивать, ничего не стоит развязать новую междуособную бойню.

Если же мы немного потрудимся и посмотрим на исторический процесс чуть дальше 1917 года, то увидим, что к 1937 году страну привела «либеральная зараза», охватившая наиболее образованные слои русского общества — дворянство, духовенство, студенчество, писателей, журналистов, художников... Именно они поддерживали развязанный против власти террор, рукоплещая каждому новому убийству генерал-губернатора, высшего полицейского чина и прочее. Именно они в подавляющем своём большинстве жаждали свержения монархии (и бурно выражали свою радость, когда это, наконец, произошло — законно или незаконно, это их не волновало), приветствовали создание временного правительства.

Породив в России беззаконие, они, не приняв точно так же беззаконно пришедших к власти большевиков, развязали гражданскую войну со всеми вытекающими из неё последствиями — несправедливостью, жестокостью, разорением страны. (Кстати, существует поголовное заблуждение, что «Белое движение» боролось против красных отрядов за восстановление в державе монархии. Это не так. Практически всё белое воинство сражалось за демократические идеалы. Или, как казаки, за сепаратизм, за отделение от России и создание собственного государства.) И вот из этого братоубийства могла ли создаться власть, выращивающая розы? Конечно, только наиболее кровавая, безжалостная, «железная» сила способна была победить, захватить верховенство. А уж далее остановиться «на раз» победителю сложно, террор не прекращается в одночасье. Отсюда и 37-й год, да и последующие... вплоть до 50-х.

Но начало всему (повторю) положило наше дворянство. Не мужик же, в конце-концов. Тот может позлословить, а затем опять за плуг, за работу. Дворянство же, из-за своей недалновидности, погубило себя и едва не погубило страну, которую кроваво собрали, сшили по кусочкам большевики.

Интересные сведения о хранившихся в архивах делах поведала Ольга Владимировна. Из КГБ папки передали изрядно похудевшими. Из них были удалены многие документы допросов, доносы, фотографии... Даже «содержание» так вымарано, что не разобрать, что именно находилось в деле. А иначе ещё много чего интересного, поучительного и неожиданного могли бы мы узнать о том времени.

16 ноября 2017

Альберт Дмитриевич Данилин своё 75-летие отмечает персональной выставкой в трёх залах Нижегородского государственного выставочно-комплекса.

Но прежде чем идти на открытие выставки, заглянул ненадолго в репетиционный зал Нижегородского театрального училища к А.В. Мюри-сепу. Занёс Александру Васильевичу его книги «Степень свободы», а так как на улице заморосило (всё вместе — и снег, и дождь) решил побыть немного в тепле, обсохнуть. И так получилось, что стал невольным наблюдателем за тем, как режиссёр учит начинающих актёров понимать роль, вживаться в образ, да так, чтобы интонация каждой фразы несла свой смысл, доносила до зрителей характер героя.

— Ты пойми, — горячился Александр Васильевич, — он только на слова соглашается (вроде бы), а сам-то стоит на своём, противится.

Да, не лёгок актёрский хлеб. Впрочем, есть ли он «сладкий» в искусстве?

Вот Данилин показывает картины разных периодов своего творчества (начиная с 80-х годов прошлого века). И как непросто поиск самого себя, своей индивидуальности в живописи. Пейзажи, написанные в XX веке, ничем не отличаются от множества подобных этюдов других художников. В конце 90-х — начале нулевых он вроде бы уловил своё. Этот период в его живописи для меня наиболее интересен, но именно из него картин на выставке почти не оказалось. Лишь одна, первоначальный этюд которой висит у меня в кабинете. В работах того времени абсолютно узнаваем именно Данилин — цветом (подавляюще коричневым), мироощущением, мировосприятием. После был период интересеров — деревенского дома, мастерской. И, наконец, нынешний — «угловатый», нарочито грубый в изображении. Как бы раздражённый, нервный.

Всё это время манера художника узнаваема, индивидуальна. Но в самом его «обращении к миру» (лучше сказать — крике) на мой взгляд, нет цельности. Напротив — преобладает нечто поверхностное, идущее не из глубины души, а больше от разума, от желания, чтобы его заметили, о нём заговорили, его наградили какими-то наградами.

В самих наградах я ничего плохого не вижу, но целенаправленное устремление к ним вызывает в окружающих чувство отторжения. Во всяком случае, так мне кажется.

Инессе Сафроновой, которую увидел после выставки, во время недолгого застолья, сказал добрые слова о её картине «В пору лихолетья». Оказывается, написана она давно, ещё в конце советского периода. Долго не выставлялась. И видимо, со временем ещё дорабатывалась.

17 ноября 2017

Отправляясь в театр драмы, захватил с собой несколько номеров «Вертикали. XXI век» за прошлые года. Оставил их на столике в гардеробе (служебном) для того, чтобы желающие могли почитать. В театре так принято — ненужные книги актёры приносят и оставляют на этом столике. (Забегая вперёд скажу — когда одевались после спектакля, ни одного журнала на столике не оказалось.) Смотрели пьесу Александра Володина «Моя старшая сестра». В 60-е годы она была довольно популярна, по ней сняли фильм... Но сейчас, как мне показалось, её время ушло, и молодой режиссёр из Санкт-Петербурга Максим Михайлов не смог её адаптировать к современным реалиям, найти для неё какое-то новое острое звучание.

Сюжет — две сестры остались без родителей во время войны. После нескольких лет поисков дядя их нашёл в детском доме. Обе мечтали стать актрисами (старшая сестра не без способностей), однако дядя-инженер проповедует прагматические жизненные ценности. В итоге судьбы у всех «не удалась». Нет, внешне всё терпимо, но внутри пустота и неудовлетворённость.

Наблюдал за действием, и всё никак не мог понять, что хочет сказать зрителю режиссёр. В то время, когда «эпизоды жизни» (так обозначил жанр своего произведения драматург) были написаны, действительно, возникла эта духовная проблема послевоенного поколения. Война, восстановление страны потребовали от населения СССР колоссальных физических и духовных затрат. После этого неминуемо должен был наступить эмоциональный спад. И он наступил. Тогда-то окрепшее молодое поколение стало задавать самому себе вопросы — для чего они живут, в чём смысл всех пережитых лишений и страданий? Разве только в сытости и обустроенности человек когда-либо был счастлив? Да нет, конечно.

Но для обращения к современному человеку, уже пережившему столько новых катаклизмов в социальной сфере, нужно было найти новый сценический язык, новые акценты. Впрочем, хоть и называет постановщик драматурга А. Володина «великим», мне думается, что несмотря на тему вечно существующего в человеке конфликта, текст, написанный в прошлом веке, во временную бесконечность не перешёл, а остался в своём времени.

Спектакль сделан, однако раздражают бесконечные монологи сестёр, обращённые в зал (Мария Мельникова, Маргарита Баголей). А хочется жизни, страстей там, на сцене.

21 ноября 2017

Радиожурналистка Наталья Валерьевна Михайлова получила президентский грант на проект «имена в сердцах и названиях улиц», в рамках которого провела в Нижегородском отделении Союза журналистов России Круглый стол на тему «Неизвестные факты о жизни известных нижегородцев. Исторические фальсификации и искажения исторической действительности в СМИ», пригласив в качестве экспертов Михаила Петровича Шкуркина (автор книги «Точка опоры. Жизнь замечательных деяний»), Николая Анатольевича Бенедиктова (доктор философских наук, профессор Нижегородского госуниверситета им. Лобачевского) и меня. Я, в свою очередь, позвал с собой А.М. Коломийца.

В общем-то я предполагал, что разговор пойдёт на какие-то общие темы. Так оно и вышло. Преподавание достоверной истории в школе. Вымирание настоящей профессии в журналистике, и замена её блогерскими текстами. Топонимические переименования в городе и области. Украинский национализм и наличие у нас здоровомыслящей, умной, творчески одарённой молодёжи... Ну и ещё целый ряд вопросов поднимался в разговоре. Всё обсуждали довольно спокойно, и только раз я не выдержал и завелся, когда один деятель из моно-народа заявил, что героические истории Великой Отечественной войны, в виде 28 Панфиловцев и тому подобное — это придуманные «морковки» (понимай так — чтобы ослов повести в бой за нечто).

Вот уж тут я заговорил громко, потому как и возражавший всё пытался меня перебить, тему завалить всякой словесной шелухой.

А общее впечатление от встречи неутешительное. Как низок интеллектуальный уровень провинциальной журналистики. Как заштампованы их мозги. Впрочем — это мы встречались в основном с ветеранами и людьми старшего поколения. Каков уровень молодых журналистов — мне сказать трудно. Но... предчувствие мне подсказывает, что обольщаться не стоит.

22 ноября 2017

Из разговора по телефону с Татьяной Антиповой — Маргарита Сати́рская в реанимации, инсульт. Мы вместе с Ритой начинали ходить в литературное объединение «Воложка». Я её поддержал при вступлении в Союз писателей России. И вот. Сам не ожидал, что эта новость так меня огорчит.

Написала за свою жизнь Маргарита несколько вполне профессиональных рассказов, затем роман «Благословляю ту метель...», который

я издал в нашей серии «Вертикаль. XXI век: Времена и мнения» в 2009 году. Был у неё, кажется, написан и ещё один, да видно, пожалела денег на его издание. Теперь уж, видно, ничего больше не напишет и не издаст. Ушло время, отпущенное Богом для литературного, творческого труда. Нельзя его трогать расточительно, не бережно.

Другое сообщение передают все главные телевизионные каналы страны: сегодня в Лондоне (где он жил с семьёй) в возрасте 55 лет умер русский певец Дмитрий Хворостовский. Рак мозга. Два года борьбы не дали результата. Показали отрывки из его прощального концерта в Красноярске в июне этого года. Видно, что сильно болен, говорит с трудом, но как искренне, проникновенно, сдерживая слёзы, высказал свою любовь к родине.

Похоронят Дмитрия Хворостовского в Москве на Новодевичьем кладбище. Нам же осталась запись его замечательного концерта на Красной площади, на котором он исполнял песни военных лет (и не только — но о войне). Как знать, может быть, это и окажется главным его наследством для нас, а не оперные арии, исполненные (и записанные) на сценах самых престижных театров мира.

И уж в дополнение — совсем недавно с таким же диагнозом ушёл из жизни шутник и весельчак Михаил Задорнов. Что это — случайные совпадения?

23 ноября 2017

Давненько мне не приходилось бывать в небольшом, уютном конференц-зале музея «Радиолaborатории» на Верхне-Волжской набережной. Но вот пригласил туда Владимир Николаевич Величко на представление его художественного альбома «Портрет времени в акварелях Владимира Величко». Отлично изданная книга всем гостям была преподнесена художником в подарок.

Как мне кажется, я неплохо знаю творчество Величко-сына (отец Николай Петрович также был известным акварелистом, заслуженным художником РСФСР), видел и отдельные его работы на всевозможных выставках, и персональную выставку в честь 60-летия. Конечно же, в его произведениях неоспоримо видна рука мастера. Особенно в больших акварелях — пейзажах, портретах, натюрмортах. Таких больших картин в этой технике из нижегородских акварелистов никто не пишет. И по внешнему восприятию для зрителя они очень хороши. Красивы, колоритны по цвету, точно передающие форму предметов, узнаваемость портретируемых. Всего этого можно добиться, совершенствуя технику изобразительного мастерства. В картины Величко вложен большой, добросовестный труд профессионала. Но мне всегда не хватало в них некоего скрытого чувства, так необъяснимо волнующего душу зрителя.

Вот и выступившая искусствовед Лариса Ивановна Помыткина тоже говорила об узнаваемости выполненных В.Н. Величко портретов (приводя в пример свой), о том, что именно этот классический реализм (практически потерянный в Европе, но сохранившийся в России благодаря нашей инертности) художника был оценён сначала китайцами, а затем и другими представителями высшей элиты юго-восточных азиатских государств, чьи портреты (заказные) Владимир Николаевич написал: Абдулы Муадзама Шаха — короля Малайзии, принцессы Раджа Нор Махани, Малайзия, мэра Куала-Лумиупа и так далее. Но о душевной их проникновенности не обмолвилась и полусловом.

Впрочем, может быть, галерея портретов известных нижегородцев заслуживает того, чтобы её сохранить в целостности, выкупить у художника министерством культуры, сделать из неё постоянно действующую экспозицию в одном из музеев.

Закончил эту запись, вновь перелистал альбом. Нет, в ряде портретов схвачен живой образ, характер, они живут.

24 ноября 2017

В первой половине дня был в издательстве «Христианская библиотека» у Андрея Стариченкова. Исправляли файл методички по философии для Татьяны (сегодня же отправил её в Норвегию по электронной почте). В завершение работы Андрей удивил: «Я заканчиваю писать повесть о прошлом, детстве... Почитаешь? Может, решишь опубликовать в журнале».

Конечно, прочитаю — и с большим интересом. Стихи, как я понял, Андрей давно перестал писать.

В Союз писателей из Болдино приезжал Александр Сергеевич Чеснов. Это новый член Союза писателей России. Посидели, куда уж без этого, за бутылкой виски. Только расстались, пришла сотрудница областной библиотеки подписывать дипломы для победителей организованного ими фотоконкурса.

Углубился в работу — появился Станислав Смирнов. А там начали собираться приглашённые на Русское собрание (организует Скатов) разные люди. Час прождали Сергея. В итоге он приехал — пьяный.

Вот так был загублен целый рабочий день — ничего стоящего не сделал.

Вечером, чтобы как-то отвлечься от грустных дум, отправился в театр драмы на «Свадьбу Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина. Это хороший спектакль, поставленный режиссёром Валерием Саркисовым. Ушёл на балкон (давно я отсюда не смотрел спектаклей) и с таким удовольствием посмотрел игру Сергея Блохина (Кречинский), А.В. Мюрисепа (его слуга), Николая Игнатьева (Расплюев)... Да все хороши. Разве что Анатолий Фирстов (отец невесты) невнятен, безакцентен. Но в общем ансамбле это всё сглаживается и общего впечатления не портит.

Александр Васильевич спросил, когда вместе ехали в такси из театра:

— Я вас искал и не нашёл (при выходе на поклонь).

— Смотрел с балкона, решил вспомнить молодость. Почему-то именно оттуда в те годы чаще всего приходилось смотреть спектакли.

— Потому что самые дешёвые билеты. Помню — 40 копеек стоили.

— А мне кажется, что на хорошие места в партер быстрее раскупались театрами и для коллективного посещения профсоюзными комитетами предприятий.

Перестал записывать о террористических атаках на безвинных людей, но то, что произошло на Синае в Египте — потрясает. Взрыв, а затем расстрел жителей из автоматов (убийцы подъехали на джипах) привело к тому, что убитыми оказалось 305 человек. Сотни раненых.

В стране в память о погибших решено построить мавзолей.

28 ноября 2017 Горбатовка

В прошедшие дни страна простилась (горько, с невероятно глубокой жалостью) с певцом Дмитрием Хворостовским. Давно я не видел и не ощущал такого всеобщего и искреннего переживания — слёзы, слова о гениальности, незаменимости. По каналам повторяют фильмы о нём (их немного), записи концертов. И откуда такая однозначная любовь к человеку, который жил в Англии? От его неразрывности с Родиной, от достойного ухода из жизни (завещал часть своего праха захоронить в Москве, часть в Красноярске), от последнего концерта в родном городе, от песен военных лет, которые пел с однозначно патриотически-русским акцентом. Всё это зародило в сердцах людей благодарность. И ранний уход из жизни замечательного певца выплеснул её наружу.

Вчера случайно, листая каналы в телевизоре, попал на прямую трансляцию конференции из Сретенского монастыря, посвящённую идентичности царских останков (и вообще обстоятельствам убийства царской семьи и тех, кто до конца был с ними) под Екатеринбургом и в Ипатьевском доме. Возглавлял конференцию патриарх Кирилл. В зале митрополиты и епископы (в основном только слушали), специалисты из МВД (следователи, криминалисты), историки, архивисты. Трансляцию осуществлял канал «Союз».

Как было отмечено — Церковь с самым серьёзным отношением рассматривает версию ритуального убийства. Но как всё запутано в этом деле, сколько в нём ещё неразгаданных тайн, сколько правды скрыто под навалами лжи. Даже точного захоронения убитых (несмотря на архивные документы, объяснительные записки убийц, их опубликованные мемуары) до сих пор однозначно установить не удалось. Исходя из всего этого, можно ли сомневаться, что действие носило не столько криминальный характер, сколько мистический.

Перед поездкой к А.Ф. Важнёву пришлось сходить в областную библиотеку. Там собрали библиотекарей из разных районов, чтобы провести конференцию по инновационным технологиям в их работе. Моя задача заключалась в том, чтобы вручить дипломы победителям фотоконкурса. Но не удержался и в своём выступлении напомнил: «Встречи с молодёжью по профилактике СПИДа дело нужное, и проведение курсов вышивки тоже. Но книги, которые вы храните, с которыми работаете, осуществляют «профилактику души», сознания. И это всему первооснова, в том числе и борьбы с человеческими недугами. Говорю это вам как читатель с многодесятилетним стажем и как человек, который и сам немного пишет».

У Важнёва — воспоминания о прошлом. Нелёгкая у Александра Фёдоровича была жизнь. Разрезая апельсин, я заметил, что в детстве мы любили этот фрукт, а сейчас вот безразличны.

— Мы в детстве о таком и не мечтали. Для нас и яблочки китайки были большой радостью, когда продавцы с ними приезжали в нашу деревню на Ветлуге.

С детства работа в колхозе и с отцом в доме (делали деревянные лопаты), работа на стройке, учёба в техникуме и в институте (всё одновременно с трудами на производстве), в итоге руководство многотысячным коллективом, создание мощного строительного предприятия, которое в итоге в лихие времена отняли, разграбили, уничтожили. Всё это пришлось пережить, пропустить Важневу через свою душу. И вот теперь болезни, немощь и по большому счёту одиночество в большом доме. Только самые близкие рядом — супруга, дочери. Никого, чьё мнение когда-то было важно для Александра Фёдоровича, нет не то что рядом — даже на горизонте. Вот повод задуматься, надо ли обращать внимание на то, «что люди скажут» или как отнесётся к нашим словам, поступкам, нами написанному «Иван Иванович» или «Пётр Петрович».

С сожалением уезжал от хозяина дома, что К.И. Шихов уже несколько раз терял сознание, падал. Это меня искренне огорчило.

6 декабря 2017

Валерий Саркисов в театре драмы поставил «Бесплодные усилия любви» У. Шекспира. (перевод, как отмечено в афише, М. Кузьмина и К. Чуковского). Сегодня прогон в полупустом зале. Пришедшие посмотреть пользовались только служебным гардеробом.

Действие шло три часа. И глядя на тот хаос, что творился на сцене (естественно, действие осовременено, государь и его друзья то в костюмах тореадоров, то в «прикиде» современных мачо), несколько раз самому себе задавал вопрос — что это? Я никак не мог воедино свести сюжетную линию, не понимал, зачем герои, общаясь между собой, так кривляются, почему приехавшая принцесса (тоже с подружками) вдруг выскакивают на сцену в костюмах современных бульварных девок и начинают исполнять «эротические танцы»?

В общем — из этих почему (для меня) весь спектакль и состоял.

До сего дня этой пьесы Шекспира никогда не читал и не видел поставленной на театре. Потому, придя домой, разыскал её в интернете и прочитал. Да нет — тут всё понятно, последовательно, одна картина сменяется другой.

Хотя зритель на этот спектакль может и пойдёт. Яркие костюмы, со-

временная западная музыка, шуточки и намёки (и не только словами, но и жестами) «на это».

После Мюрисеппы подвезли нас с Ириной до дома на такси. И в машине выяснилось — Александру Васильевичу и Ирине постановка понравилась. Раиде Леонидовне многое оказалось непонятным, и потому полностью спектакль она не приняла. Я — категорически отругал: каждая сцена как бы вне логики событий, и только «зрительской волей» я их соединял, но во что-то единое «спрессовать» так и не удалось. Отдельно — танцы (особенно мужские) плохи: «они словно на ходулях», внутренней взаимосвязи между героями (влюблёнными) на сцене не происходит... Да много ещё чего можно наговорить.

7 декабря 2017

Анатолий Александрович Абрашкин нашёл время и приехал ко мне на Рождественскую, чтобы отметить и моё 60-летие, и свой день рождения — всё прошедшее. После двух рюмок коньяка, начал я пытать профессора по поводу его недавней поездки на конференцию в Оксфорд, где он на английском языке прочитал свой математический доклад. Много любопытных бытовых наблюдений. Но меня больше удивило другое — оказывается, родной брат Анатолия (тоже математик) уже лет двадцать, как уехал жить в Англию, и теперь по своим политическим взглядам «чистый западник». Они, конечно же, встретились. Как я почувствовал (из рассказа Абрашкина) — особой радости это общение им не принесло. Одна кровь далеко не всегда рождает среди людей братские чувства. Много примеров, когда чужие люди друг для друга становятся ближе и родней. Всё это знаю по себе, по своей жизни.

В аккурат между двумя бутылками — профессорский коньяк допили, а выставленную мною водку ещё по рюмкам не разлили — позвонил А.И. Казинцев из Москвы. Сообщил, что номер «Нашего современника» с моим рассказом вышел, что рад будет, если я зайду в редакцию журнала, и мы повидаемся. Да много хороших, греющих душу слов сказал.

Спросил у Александра Ивановича — ездил ли он в этом году с делегацией на Белое море? (Информация мне попадалась, что снова писательская группа там гостила.)

— Нет, не приглашали. Да и с кем там быть. Это с вами хорошо разговаривать, вы тогда скрашивали однообразие сложившейся ситуации.

— А ведь я тоже хотел вам звонить, позвать на праздник в Болдино — это первые выходные июня.

— Наверное, не смогу. В это же время должен участвовать в мероприятиях, подготовленных организаторами семинара в Липках...

В общем, расстались до моего приезда в Москву. И стали мы с Абрашкиным пить водку. Выпили. Анатолий ушёл. Я выключил в кабинете свет (оставил только в коридоре) и грустно сидел в опустевшем пространстве. Так тоскливо сделалось, что даже закурил (валялась у меня в архиве кем-то давно оставленная початая пачка «тоненьких» сигарет).

Правда, пока шёл домой, тяжесть с сердца куда-то ушла. А уж над Окой (стоя на мосту, смотрел, как мощно чёрная река тащит на себе белые льдины) и вовсе повеселел.

Дома, перед сном, Ирина озабоченно вдруг спросила:

— Ты что, сегодня выпил?

«Если бы не выкурил сигарету, ничего бы не заметила», — подумал я.

9 декабря 2017

Дочитал новый текст из книги «Судьбы скрещенья. Табачников», которую вот уже довольно много лет пишет А.В. Мюрисеп. На этот раз автор большей частью вспоминает начало своей работы в Горьковском театральном училище. Фоном отражена и вся театральная жизнь города. Поражает обилие еврейских фамилий среди режиссёров, преподавателей, театральных критиков, завлитов... Это самое начало 70-х годов

прошлого века. Что же за феномен тогда случился в советском театральном искусстве? И имело ли это какие-то последствия для драматического творчества в будущем? Ведь как бы там ни было, но это люди, нёсшие свой особый национальный взгляд на окружающий мир, оценивали его с особых мировоззренческих позиций (как и люди любой другой национальности, культурных традиций, исторических оценок). Не вступило ли всё это в итоге в конфронтацию (пусть не внешнюю, подспудную) с теми духовными ценностями, что были заложены основоположниками русского национального театра — драматургами, актёрами, режиссёрами (так же сознательно не называю их по фамилиям)?

А текст Александра Васильевича я прочитал увлечённо, с искренним интересом, о чём и написал автору, отправив записку по электронной почте.

11 декабря 2017

Павел Климешов пришёл в Союз писателей, подарил новый свой поэтический сборник (теперь он постоянно выпускает небольшие книжки стихов и рассказов крохотным тиражом — потрудится сторожем-дворником, заработает денег и напечатает брошюрку), заодно рассказал о теперешней жизни Саши Высоцкого, который так-таки подписал дарственную на свою квартиру, отдав её невестке — ушлой, хваткой бабёнке. Та сразу его выселила в комнату старого двухэтажного дома в районе площади Советской, а в квартире начала ремонт. Я думаю, Саше туда вернуться уже не получится. Весь его архив (а он большой), библиотека — пропадут.

Высоцкий продолжает пить. Это жаль. Смена обстановки (наконец-то он не один, и не в загаженной квартире, а в чистой комнате, в которой за стенкой живёт хозяйка — пожилая интеллигентная женщина) даёт ему шанс изменить свою жизнь, продлить её.

На Новодевичьем кладбище в Москве похоронили народного артиста СССР Леонида Броневского — знаменитого Мюллера из «Семнадцати мгновений весны», Аркадия Велюрова из «Покровских ворот» и прочее. Дважды на канале «Культура» показывали его большое интервью, в котором артист рассказывает о своей жизни — рождении в Киеве, где жил в большой квартире на одной из центральных улиц, потому что отец его был большим чиновником в НКВД. В 1937 году — репрессирован, конечно же, «безжалостным Сталинским режимом». И ни слова, ни капли сомнения в том — есть ли безвинная кровь на руках его отца, его дяди (тоже шишки НКВД)? И такая позиция у наших либералов по всему спектру «дискуссионных вопросов». Зло — это не мы. Это нечто вне нас, мешающее нам жить так, как мы хотим.

Напротив — о сегодняшней кончине (почему-то в Минске) на 82-м году писателя и бывшего ректора Литературного института имени А.М. Горького Сергея Николаевича Есина сообщили лишь бегущей строкой на канале «Россия 24». Скромно и ненавязчиво.

17 декабря 2017

Такой дождь на улице, что выходить из дома никак не хочется. Куда приятнее смотреть из окна на пятом этаже, как текут по тротуару вдоль бордюров ручьи, как покрываются рябью от порыва ветра точечно рябые от дождевых капель лужи.

И уж вроде бы окончательно решил не ходить сегодня на концерт в «Рекорд», где «Нижегородский русский народный оркестр» будет исполнять музыку Ж.Бизе (дирижёр Борис Схиртладзе), а А.В. Мюрисеп читать составленную им композицию по пьесе А. Доде «Арлезианка». Но как подумал, что Александр Васильевич расстроится по поводу неприсутствия приглашённых им гостей (он крайне щепетилен в этом вопросе), то справился с искушением, взял зонт и быстро вышел под проливной дождь и злой ветер.

И как оказалось — совершенно правильно сделал. Представление удалось на славу: оркестр звучал хорошо, Мюрисеп историю о несчастной любви прочитал вдохновенно. В завершении, когда герой погибает выбросившись из окна, так даже «слеза» зазвучала в его голосе.

Замечательная литература! Пусть это не проза, а драматическое произведение (да к тому же ещё и изрядно сокращённое Александром Васильевичем для концертного выступления), но раз уж оно написано мастером, то обязательно несёт в себе и полную неслучайность, выстроенность характеров героев, и красоту художественного слога, и естественную правдивость человеческих отношений.

Дождь между тем почти закончился — лишь водяная пыль ещё висела в воздухе, светилась в световых окружностях уличных фонарей, чей свет от этого с трудом достигал жирной черноты дорожного асфальта. И явное дыхание надвигающегося холода ощущало лицо. Видно, вновь ждать перемен в нашей неустойчивой погоде.

18 декабря 2017

Да, я не ошибся, ночью выпал снег. Всё обошлось без сугробов. Но землю он припорошил, пешеходные дорожки превратил в болотистое месиво. И вновь пришлось решать — ехать в Кремль, где в губернаторском доме, в Большом зале будет проходить Съезд некоммерческих организаций Нижегородской области, или нет. За несколько дней до этого я дал согласие на нём быть. И теперь вновь дилемма — выполнять обещание или нет? Ирина поддержала — надо ехать. Да и отправилась вместе со мной.

У турникета, где милиционер проверял документы у проходивших, случайно встретились с Вадимом Константиновичем Полубарьевым — председателем совета Нижегородского отделения «Спортивная Россия». В зале, опять же по чистой случайности, оказались по соседству на одном ряду. И когда исполняющая обязанности председателя Законодательного Собрания Нижегородской области Ольга Владимировна Щетинина начала награждения благодарностями председателя Е.В. Лебедева, то первым вызвала Полубарьева, а вторым меня (для обоих это оказалось полной неожиданностью). Но более того, когда выходили из Дома правительства, то вновь оказались с Вадимом вместе. Удивительные совпадения — будто мы привязаны были всё это время друг к другу.

На самом съезде ничего нового для себя не узнал. Поддержка местным и федеральным бюджетами некоммерческих организаций значительна. Но подавляющий объём средств идёт ветеранским организациям, обществам инвалидов и прочим сугубо социальной направленности. Жаль, что совсем ничего не перепадает проектам, работающим в сфере культуры. Уже сколько раз мне об этом приходилось говорить — не может страна, общество жить заботами только о хлебе насущном, борьбой с болезнями и прочим. Ведь для чего-то дано человеку творчество?

Проходит время, и ничто нами не воспринимается с таким пиететом, как создание человеческого духа в архитектуре, живописи, литературе... А ведь и века назад человечество боролось с болезнями, за более уютное и сытное обустройство на земле, но разве мы об этом хоть как-то вспоминаем? Нет. Разве что от раза к разу, читая книгу или смотря на картину...

19 декабря 2017 Горбатовка

Это в городе грязь и слякоть, а тут настоящая зима. И деревья белым опушены, и сугробики во дворах у домов вдоль улицы — сгребли снежок с дорожек да с площадок, где машины ставятся. А где-то за забором и ёлочки уже наряжены, разноцветными лампочками посверкивают — Новый год близко, сколь погоде ни капризничать, а он наступит.

Вот бы куда ездить из города на прогулки, для долгого гуляния. Тут и воздухом надышишься, и почувствуешь нечто иное в себе самом, в своей душе, дальней памяти.

А.Ф. Важнёв встретил на машине недалеко от станции. Баню приготовил, так что поспешили к дому...

В это время и позвонил Дмитрий из типографии «Радонеж». Он ещё раньше просил (при необходимости) помочь с редактурой и корректурой книг, которые он, возможно, выиграет по конкурсу для издания. И вот Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева решил отдать «Радонежу» в работу четыре научно-методических книги. Дмитрий просит в этом моей помощи. И придётся мне угробить массу времени. Иначе и быть не может — они всегда идут мне навстречу почти по всем вопросам. Долг платежом красен.

Позвонил Коломийцу, попросил подключиться к работе...

А баня удалась на славу.

21 декабря 2017

Пришёл Сергей Владимирович Фадеев — руководитель Нижегородского регионального отделения Общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл». Предложил подписать письмо на имя начальника Волго-Вятского главного управления Банка России Ларисы Вальтеровны Павловой с предложением разместить на стене исторического здания банка мемориальную доску в память о посещении 17 мая 1913 года только что открывшегося здания Нижегородского отделения Государственного банка императором Николаем II. Всё это произошло во время пребывания царской семьи в Нижнем Новгороде в рамках празднования 300-летия царствования Дома Романовых. До Нижнего высокие гости доехали на поезде. Далее отправились вверх по Волге в Кострому, Ярославль. Оттуда в Ростов Великий, Переяславль Залесский, Сергиев Посад, Москву.

Конечно, письмо это я подписал без колебаний. Кроме меня, там будут подписи профессоров О.А. Колобова и Ф.А. Селезнёва, писателя П.В. Мульгатули и ещё ряда деятелей науки и культуры. Но после этого, вспомнив проведённую Фадеевым встречу в центре «Покров», я высказал свой взгляд на свершившиеся в 1937 году в стране расправы над видными (да и не только) политическими деятелями руководителями карательных органов и прочее. Нет, если бы тогда всё было в нашем государстве правильно, то Максимилиан Волошин не проиллюстрировал бы то время своим стихотворением «Мир».

Максимилиан Волошин

МИР

*С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада. Монгол с востока,
Отдай нас в рабство, вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!*

23 ноября 1917, Коктебель

С Борисом Селезнёвым вот уже в пятый раз отправил в Областной архив коробки со своими документами, фотографиями, журналами. А материалам, которые бы ещё надо сдать, конца не видно. Всё, что отправляю сейчас — это, в большей степени, текущее. А есть ещё главное, которого пока не рискую лишиться — вдруг для работы пригодится.

В Литературном музее представляется книга «Максим Горький и Нижний Новгород: вокруг музеев». Небольшой альбом, посвящённый не только жизни писателя, но и сотрудникам музеев М. Горького разных времён. К сожалению, много необязательных, многословных выступлений. Когда же дошли до сути, то я уже порядком устал (прошло более полутора часов) и ушёл.

Сидели в зале вместе с Иваном Кирилловичем Кузьмичёвым.

— Продолжаете заниматься в читальном зале областной библиотеки? — спрашиваю Кузьмичёва.

— Когда здоров — да. Этим и живу, — отвечает профессор (95 лет скоро) — А что у вас нового? Теперь у меня остался только один начальник — вы.

Рассмеялись. Рассказал Ивану Кирилловичу в нескольких словах о своём юбилейном вечере, прошедшем в Художественном музее. И похоже, зря — так Кузьмичёв искренне расстроился, что позабыл, не выполнил обещание прийти. Не было в его сожалении ничего показного, формального. И когда я уходил, вновь высказал своё сожаление с горьким покачиванием головы.

Удивительный человек! Талантлив и в науке, и в человеческих отношениях.

Вечером по телеканалу «Россия 1» в программе Владимира Соловьёва собрались деятели искусства и журналисты, чтобы продолжить разговор, после проведённого в Кремле президентом В.В. Путиным Совета по культуре. Но я сейчас не о сути этих дебатов, не о проблемах, поднятых в обсуждении (хотя они, безусловно, важны). Я о другом... Выступает Виталий Третьяков (умница, всегда слушаю его с особой заинтересованностью, вниманием), и я вдруг понимаю, что всю эту передачу когда-то ранее уже видел (а она идёт впервые в прямом эфире, да и обсуждаемое событие произошло только сегодня) — вплоть до жеста рук, утверждаемых тезисов... Но когда?.. Потрясение!

Со мною подобное происходит не впервые. Особенно часто повторялось в детстве. Один раз даже не выдержал (всё происходило в нашей старой квартире на улице Пушкина набережная, дом 4-А, квартира 2) и сказал матери:

— Ты уже резала так сыр и раскладывала на этой тарелке.

— Нет, ты что-то напутал, — был мне ответ.

— Но я всё это уже видел, — настаивал я.

— Этого не может быть. Тебе приснилось.

Подобные «видения» повторялись ещё не единожды, но я о них больше уже никому не рассказывал. Хотя несколько лет назад, подъезжая к перекрёстку на улице Должанской, вдруг осознал, что знаю, что на нём сейчас произойдёт, я это уже когда-то видел... и это происходит.

И всё-таки — что это такое? Не в сновидениях же эти картинки ко мне являлись. Не есть ли это подтверждение того, что всё в нашей жизни уже когда-то случилось?

Странное ощущение. Странное состояние. В этот момент обычно в голове, в сознании что-то «всплывает» (давая тебе ясно осознать происшедшее), и затем постепенно «тонет», притупляя только что испытанное чувство.

22 декабря 2017

Встреча со Станиславом Смирновым. Пришёл и авторский (52-й) номер «Вертикали. XXI век» забрать, и новые задачи по нашей деятельности наметить. Договорились сразу по нескольким вопросам. Станислав Александрович подключится к наполнению информацией и популяризации нового сайта Нижегородской областной писательской организации (по моему настоянию его организовал Андрей Альпидовский), напишет отзывы на свежий номер журнала и на книгу «Семён Шуртаков. Ода русскому слову».

Надо будет нам провести две литературные встречи — в честь 100-летия Семёна Ивановича и по поводу книги Андрея Потороева «Арзамасский разлом. Революция и террор в русской провинции». Всё это важно и нужно, но самым любопытным в нашей беседе было другое — информация Смирнова по поводу ареста заместителя председателя нашего Законодательного Собрания (а до этого с 2010 по 2015 гг. главы Нижнего Новгорода) Олега Валентиновича Сорокина. Пока суд Нижегородского района отправил его в следственный изолятор на два месяца.

Далее уже из прессы узнал любопытные подробности. При обыске квартиры бывшего градоначальника (700 кв. м, отдельная комната для собаки) нашли наличными полтора миллиарда рублей. Михаил Хазин по этому поводу высказал следующую мысль — сегодняшних владельцев богатств, нажитых несправедливым путём, видимо, будут сажать. Иначе нельзя — страну вновь может постигнуть катастрофа. А затем эти арестованные и осуждённые напишут мемуары о страшном терроре и кровавом тиране, что вершил судьбу России в начале XXI века, и создадут общество памяти наподобие сегодняшнего «Мемориала».

Это точно, всё в истории повторяется. Я множество раз говорил — без твёрдости и определённой жестокости к «зажравшейся верхушке власти и бизнеса» ситуацию в стране к лучшему не изменить. Ведь они-то всего достигли, так к чему что-то менять, думать об интересах (общих) страны, народа.

У Сорокина, как оказывается, была такая кличка (среди определённого круга людей, тех, кто с ним сталкивался, его знал) — «Тьма». Так вот, этот «тьма», имея у себя огромные деньги, тем не менее не выплачивал гонорары авторам принадлежавших ему журналов. Видимо, экономил.

23 декабря 2017

Решил для себя понять, какой объём книги «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени» уже опубликован в разных изданиях и в интернете. Вот такие получились цифры:

В журнале «Вертикаль. XXI век» вышли главы за 2003 — 2013 гг. Это примерно 40 авторских листов. В общем объёме за 2000 — 2013 гг. около 53.5 авторских листов. Подготовленные тексты, но ещё нигде не публиковавшиеся за 2014 — 2016 гг. — примерно 19 авторских листов.

Ну, и уже набранный (но не вычитанный) текст за 2017 год пока умещается в 8.5 авторских листа.

Итого, похоже, книга приближается к 85 листам.

25 декабря 2017

Предложил А.В. Мюрисепу выдвинуть свою книгу «Степень свободы» на соискание областной премии им. М. Горького. Александр Васильевич с присущей ему ответственностью собрал необходимые бумаги, и вот зашёл ко мне забрать подготовленное официальное выдвижение от Нижегородской областной организации Союза писателей России. Но, конечно, одним этим поводом наше общение не ограничилось. С флэшки Мюрисепа забрал в свой компьютер фильм о прошедшем в художественном музее юбилейном вечере. Отдал Александру Васильевичу (по его просьбе) № 49 «Вертикали. XXI век», где опубликована статья Мюрисепа «А.Ф. Улыбышев в контексте отечественной театральной культуры» — это для библиотеки нашей консерватории (академии) им. М.И. Глинки. А так как в этом выпуске началась публикация «Искр потухающих костров», то присовокупил к подарку и 50-й выпуск с продолжением книги.

По какому-то поводу вспомнил я о Михаиле Ивановиче Кодине. Принёс из библиотеки книгу «Собирая Россию», рассказал о том, как готовил её к изданию и почему на обложке нет моего имени.

Александр Васильевич открыл на какой-то из статей и зачитался. Как оказалось, этого издания я ему не дарил. С удовольствием подписал.

26 декабря 2017

Вот и наработался Лукин в театре у Дорониной. Борис позвонил с шуточками, а мне отчего-то стало грустно — там, внутри, в душе. Опять у него всё рушится в неустроенность и в неопределённость.

— Приезжай, я в доме большей частью один. Наговоримся, погуляем по окрестностям.

И мне так к нему захотелось — в тишину, отстранённость.

28 декабря 2017

В Выставочном комплексе на площади Минина и Пожарского, в верхних залах открылась выставка К.И. Шихова «Возвращение к истокам». Ещё вчера с Кимом Ивановичем мы здесь встречались (подарил мне книгу-альбом, написанную Натальей Квач и Сергеем Квач — название то же), и я удивился, сколько новых работ он привёз с Белого моря, с Соловков. Накануне своего 85-летия решил совершить путешествие в родные места — и оно оказалось столь плодотворным.

Первый самый большой зал этими картинами и наполнен: «Соловецкие берёзы», «Дамба на остров Муксалму», «Вознесения Господня церковь — маяк на Секир горе», «Чайки над водой. Соловки», «Малая вода. Кемь» — да много работ. И все неповторимо шиховские — захватывающе красивые, яркие, наполненные внутренним светом. Удивительно свежие в жизненном восприятии. Как же надо любить в жизни всё, что тебя окружает, чтобы потом увиденное (и пережитое) так переносить на холст.

Придя к себе, перелистал книгу (мудрено Кимом мне подписанную), нашёл свой портрет на целую страницу. Здесь же Валентин Николаев, Евгений Юсов — да и не только они, другие близкие моему сердцу люди. Благодаря художнику все мы здесь вместе останемся на память потомкам.

Но всё это было вчера. Сегодня же толкотня, поздравительные речи, цветы, камеры телеканалов, банкет. Умилительно было смотреть на крошку (двадцать дней отроду) — второго правнука Кима Ивановича, что всё это время мирно спал на руках у своего отца. Не единожды в выступлениях вспоминалась сегодня моя беседа с Шиховым, текст которой вошёл в книгу «В предчувствии апокалипсиса». Но всякий раз не называя её автора.

29 декабря 2017

Традиционная новогодняя встреча в Союзе писателей. На удивление пришли все, кого позвали. И хорошо, достойно пообщались без споров и внешних обид.

Запись эту делаю ради одного эпизода.

За столом первому дал слово И.К. Кузьмичёву — нашему старейшине. Иван Кириллович говорил продуманно, ясно, честно... но и горько! О сегодняшнем отношении к литературе в России, о значении писательского труда, о его ответственности перед обществом.

— Что-то страшное происходит в нашей стране, если ей не нужна литература. И потому ответственность на писателях в таких условиях ещё более значимая.

Говорил всё это Иван Кириллович по-профессорски сосредоточенно, скупое, академично, без всяких эмоциональных «всплесков». Я был поражён математической выстроенностью его речи (а это хоть и краткая, но была именно речь). Вновь сам себе напомнил — запиши с ним беседу, пока не поздно. Сразу после праздников нужно о ней договориться с Кузьмичёвым, встретиться, поговорить при включенном диктофоне.

Относительно же значимости книги в общественной жизни, в его культурном развитии, образовании — эту мысль можно проиллюстрировать таким примером, о котором рассказала на заседании общественного совета при областном министерстве культуры (вчера) заместитель министра Алла Александровна Забегалова.

В новый интерактивный музей истории России, который создали в Главном ярмарочном доме, стали водить группы школьников и начался жуткий вандализм — мало интересуясь представленной информацией, дети с помощью приложений в своих телефонах начали «ломать» программы музея, разбивать дорогущую технику и прочее, прочее... Всё это вызывает негодование у министерских чиновников. Мол: «Это же для них сделано, а они ничем не интересуются — только бы всё сломать». Я думаю — удивляться тут нечему. Прежде чем вести детей в музей (пусть в такой, современный, которому больше подходит определение лекторий с информационными стендами), нужно, чтобы они представляли то, что хотят там познать, интеллектуально приобрести — почитали книжки по предполагаемому предмету, окунулись в историю и в музей пошли, чтобы больше узнать, найти ответы на непонятные вопросы. В противном случае — они идут в неведомый аттракцион поиграть, «посоревноваться» с техникой (и только). Другими словами, без книги мы так и будем иметь дело не с приобретателями, накопителями знаний, а с вандалами.